

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
СВЕРДЛОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

М. С. ГРИНБЕРГ

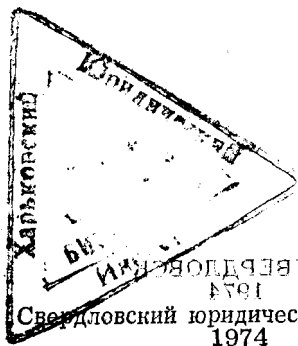
ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ
ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Учебное пособие

СВЕРДЛОВСК
1974

Научное редактирование проведено
профессором Е. А. Фроловым

Ответственный за выпуск
профессор В. М. Семенов

„Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства... Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила...“.

(К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25,
ч. II, стр. 387).

Научно-технический прогресс — одна из главных предпосылок построения коммунистического общества, повышения благосостояния и культуры советских людей. Вместе с тем опасные стороны научно-технического прогресса наносят обществу все более ощутимые потери. Превенция таких потерь — необходимое условие решения задачи, поставленной XXIV съездом КПСС: «**Органически соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства**»¹.

Вопросы предотвращения вреда при взаимодействии человека и техники привлекают серьезное внимание науки советского уголовного права. Им посвящены докторские и кандидатские диссертации, монографические публикации, многочисленные статьи, являющиеся, однако, работами аналитического плана — рассматриваются либо преступления на транспорте², либо преступные нару-

¹ Л. И. Брежнев, Ленинским курсом (Статьи и речи), т. 3, М., Изд-во политической литературы, 1972, стр. 257.

² См.: М. Валиев, Ответственность за преступления на автотранспорте по Уголовному кодексу Казахской ССР, автореферат канд. дисс., Алма-Ата, 1986; В. И. Василенико, Ответственность за нарушение трудовой дисциплины на автомобильном транспорте по советскому уголовному праву, автореферат канд. дисс., Киев, 1959; Б. В. Даниэльбек, Транспортные преступления по советскому уголовному законодательству, автореферат канд. дисс., Л., 1950; С. А. Домахи, Ответственность за преступления на автотранспорте, М., Госюриздат, 1956; В. И. Жулев, Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности движения автотранспорта, автореферат канд. дисс., М., 1956; А. П. Копейченко, Борьба с нарушениями правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта в СССР, автореферат канд. дисс., Харьков, 1967; З. Г. Корчева, Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта, автореферат канд. дисс., Харьков, 1963; Е. В. Кичигина, Ответственность за нарушение безопасности движения городского транспорта, М., изд-во «Юридическая литература», 1968; Б. А. Куринов, Уголовная ответственность за нарушение правил движения на автотранспорте, М., Госюриздат, 1957; Его же, Квалификация транспортных преступлений, М., Изд-во МГУ, 1965; Его же, Автотранспортные преступления, изд-во «Юридическая литература», 1970; И. Х. Максотов, Борьба с преступными нарушениями правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта, автореферат канд. дисс., Л., 1969; И. Г. Маладин, Происшествия и преступления на автотранспорте и городском электротранспорте, Саратов, 1968; Ф. Б. Мельников, Уголовноправовая охрана безопасности движения на

шения правил охраны труда¹, либо нарушения правил безопасного ведения горных, строительных и взрывоопасных работ².

(Аналитическое исследование явлений оправдано и необходимо. Но важным условием их теоретического освоения служит и синтез — в данном случае интеграция общих свойств преступлений в области техники.

В последнее время появились работы, авторы которых, склоняясь к интегративному рассмотрению указанных проблем, конструируют общее понятие транспортного преступления³, общее понятие преступления, связанного с нарушением правил охраны труда и техники безопасности⁴. Опубликованы исследования, отчасти затра-

улицах и дорогах, автореферат канд. дисс., Ростов-на-Дону, 1965; Н. Никола, Назначение наказания за автотранспортные преступления, автореферат канд. дисс., Тарту, 1970; В. И. Ткаченко, Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта и городского электротранспорта в законодательстве Украинской ССР, автореферат канд. дисс., М., 1964; А. Чистяков, Уголовно-правовая борьба с нарушениями трудовой дисциплины на железнодорожном транспорте в СССР, автореферат канд. дисс., 1964; М. А. Шнейдер, Преступления против трудовой дисциплины на железнодорожном транспорте СССР, автореферат канд. дисс., М., 1949.

¹ См.: З. А. Вышинская, Преступления в области трудовых отношений, М., Госюриздат, 1949; В. И. Иванов, Уголовно-правовая охрана основных трудовых прав граждан, автореферат канд. дисс., М., 1965; С. А. Квелидзе, Уголовная ответственность за преступления, связанные с нарушением правил охраны труда, и основные вопросы их предупреждения, автореферат канд. дисс., М., 1962; И. Ф. Крылов, Преступления в области техники безопасности и их расследование, автореферат канд. дисс., Л., 1954; И. П. Лановенко, Уголовная ответственность за нарушение правил техники безопасности в промышленности, автореферат канд. дисс., Киев, 1952; В. Д. Пакутин, Ответственность по советскому уголовному праву за преступления в области охраны труда, автореферат канд. дисс., М., 1956; А. Б. Сахаров, Уголовно-правовая охрана безопасности условий труда в СССР, М., Госюриздат, 1958; А. И. Свинкин, Преступные нарушения правил охраны труда и их предупреждение, автореферат канд. дисс., Свердловск, 1966; И. И. Слуцкий, Ответственность за нарушение правил по технике безопасности, Изд-во ЛГУ, 1953; М. И. Федоров, Борьба с преступлениями в области охраны труда по советскому уголовному праву, автореферат канд. дисс., Л., 1954.

² См.: В. А. Сергневский, Уголовная ответственность за преступные нарушения правил техники безопасности в угольной промышленности, автореферат канд. дисс., М., 1956; И. М. Эпельбейм, Ответственность за нарушение правил безопасности работ в шахтах по уголовному законодательству Казахской ССР, автореферат канд. дисс., М., 1969.

³ См.: Н. С. Алексеев, Транспортные преступления, Изд-во ЛГУ, 1957; Б. А. Куринов, О понятии и системе транспортных преступлений в советском законодательстве, «Правоведение», 1964, № 3.

⁴ См.: Н. П. Яблоков, Общее понятие, система и классификация преступлений, связанных с нарушением правил охраны труда и техники безопасности, «Вестник Московского университета» (серия «Право»), 1969, № 2.

гивающие общую проблематику преступлений в области техники. Однако они не охватывают проблему в целом и не претендуют на это, так как посвящены иным вопросам уголовного права¹.

В результате сущность преступлений в области техники, открытая «лучу» научных абстракций, не получила должного рассмотрения. Ученые, исследующие преступления на транспорте, преступные нарушения правил безопасного ведения горных, строительных работ и т. д., оказываясь перед выбором: либо осветить объект всех преступлений в области использования техники, затем проделать то же самое с признаками, характеризующими их субъект, объективную и субъективную стороны (что involves отнесение на задний план особенных признаков данных преступлений), либо сосредоточить внимание на отдельных преступлениях в области техники в ущерб их общим признакам, отдают предпочтение второму пути.

Между тем общая проблематика соответствующих преступлений не менее важна, чем рассмотрение их специфических сторон. На необходимость разработки общих вопросов науки неоднократно указывал В. И. Ленин². Значение обобщенных исследований актуальных вопросов развития социалистического общества подчеркнуто в постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве»³, в Директивах XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 гг.⁴.

¹ См.: В. Н. Кудрявцев, Объективная сторона преступления, М., Госюриздат, 1960; И. И. Горелик, Ответственность за поставление в опасность, Минск, изд-во «Высшая школа», 1965; П. С. Дагель, Проблемы вины в советском уголовном праве, «Ученые записки» (Дальневосточный государственный университет), вып. 21, ч. 1, Владивосток, 1968; М. Д. Шаргородский, Научный прогресс и уголовное право, «Советское государство и право», 1969, № 12; Т. В. Церетели, Деликты создания опасности, «Советское государство и право», 1970, № 8; М. Г. Угрехелидзе, Уголовная ответственность за неосторожность, «Советское государство и право», 1970, № 12; А. А. Пионтковский, Уголовный закон в борьбе с отрицательными последствиями научно-технического прогресса, «Советское государство и право», 1972, № 4.

² См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 15, стр. 314, 368.

³ См.: «Коммунист», 1967, № 13, стр. 7.

⁴ См.: Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 гг., М., Изд-во политической литературы, 1972, стр. 15.

Дальнейшее совершенствование отношений общественной безопасности требует их системного регулирования. В литературе называют правовой комплекс, призванный вобрать в себя нормы, осуществляющие это регулирование, — «право научно-технического прогресса»¹, появились сторонники создания «атомного права»². Участвовать в обсуждении этих предложений должны и ученые, работающие в области уголовного права. Важное значение при таком обсуждении имеет представление об общих признаках преступных форм взаимодействия человека и техники.

Можно назвать целый ряд важных и значительных вопросов, которые могут быть успешно решены лишь с помощью научной абстракции, фиксирующей существенные признаки преступлений в области техники. Будет ли связываться уголовно-правовая борьба с социальными-психологическими установками, дающими негативный экологический эффект, с усилением ответственности за рассматриваемые преступления или уредительнее акцент на неотвратимости наказаний за умышленные последние? Не следует ли отказаться от излишне казуистических определений данных преступлений? Каковы пределы юридически-значимой причинной связи между действиями операторов технических систем и вредными последствиями этих действий? Каковы пределы оптимального предвидения операторов технических систем? Каковы пределы оправданного производственного риска? Каково значение профессиональной непригодности операторов технических систем, а равно стрессовых (нервно-психологических) перегрузок?

Самостоятельный интерес представляют закономерности, лежащие в основе отделения ответственности за преступления в области техники от ответственности за традиционные преступления (преступления против личности и против собственности), без познания которых невозможно прогнозирование динамики «уголовно-правовой оболочки» отношений общественной безопасности в сфере взаимодействия человека и техники.

Исчерпывающий перечень преступных форм взаимодействия человека и техники, с одной стороны, отсутствие аналогии в советском уголовном праве, с другой, — определяют возможность разрыва между общественно опасными формами применения техни-

¹ См.: П. М. Ринг. Право и научно-технический прогресс, Сборник «XXIV съезд КПСС и вопросы теории государства и права», М., изд-во «Юридическая литература», 1972, стр. 234; Ю. А. Тихомиров, Социалистическое государство и научно-техническая революция, «Советское государство и право», 1973, № 5, стр. 8.

² См.: А. Иорыш, Атом и право, М., изд-во «Международные отношения», 1969, стр. 26.

ки и учетом этих форм в Особенной части уголовного права. В этой связи указания партии на необходимость продолжить работу по совершенствованию законодательства, добиваться того, чтобы оно правильно отражало происходящие в обществе процессы¹, особенно актуальны для ученых, исследующих преступления в области техники.

Данное указание обязывает ученых-юристов работать над созданием «научного задела», рассчитанного на дальнейшее развитие соответствующей части уголовного законодательства. Таким образом, слова В. И. Ленина о том, что «экономист всегда должен смотреть вперед, в сторону прогресса техники, иначе он немедленно окажется отставшим»², актуальны не только для экономистов.

В ряду факторов, благоприятствующих интегративному рассмотрению комплекса проблем, связанных с уголовно-правовой борьбой с преступлениями в области техники, следует назвать достижения смежных отраслей общественных наук (философии, социологии, кибернетики, общей и инженерной психологии, психологии труда и т. д.)³, позволяющие исследовать соответствующую проблематику «с двух сторон» — от особенностей отдельных преступлений к признакам всех преступлений в области техники и от общих закономерностей взаимодействия человека и техники к общественно опасным формам такого взаимодействия.

Иногда высказываются взгляд, что научно-технический прогресс приведет на каком-то этапе к полной автоматизации производства, к механизации всех функций человека, в том числе логических и контрольно-управленческих⁴. С принятием этой точки зрения проблему преступлений в области использования техники пришлось признать бы временной, обреченной на исчезновение с установлением «последнего автомата» на последнем неавтоматизированном устройстве.

¹ См.: Л. И. Брежнев, Ленинским курсом (Статьи и речи), т. 3, стр. 49, 281.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 5, стр. 137—138.

³ В литературе обоснованно отмечается обязанность юристов «последовать примеру философов и начать делать, пускай первоначально небольшие и недостаточно уверенные, шаги в освоении естественнонаучных и технических категорий и их использовании в правовых исследованиях». (С. А. Красавчиков, Юридическая наука и коммунизм, Сборник «Право и коммунизм», М., изд-во «Юридическая литература», 1965, стр. 193).

⁴ «Люди с психологией машинопоклонников, — писал Н. Винер, — часто питают иллюзию, будто в высокотехнологизированном мире потребуются меньше изобретательности, чем в наше время; они надеются, что мир автоматов возьмет на себя наиболее трудную часть нашей умственной деятельности, — как тот греческий философ, который в качестве римского раба был принужден думать за своего господина». (Н. Винер, Творец — робот, М., изд-во «Прогресс», 1966, стр. 73).

В действительности научно-технический прогресс не уменьшает, а напротив увеличивает значение человека как такого звена социотехнической системы, за которым при всех обстоятельствах остается принятие главных решений, не говоря о том, что многие технико-технологические процессы вообще не могут быть автоматизированы.

«Современное производство предъявляет быстрорастущие требования не к одним лишь машинам, технике, но и прежде всего к самим работникам, к тем, кто эти машины создает и этой техникой управляет. Специальные знания, высокая профессиональная подготовка, общая культура человека превращаются в обязательное условие успешного труда все более широких слоев работников»¹.

Борьба с преступлениями в области использования техники ведется в рамках решения двух задач: 1) уголовноправовой охраны среды обитания от технических опасностей и 2) исключения уголовноправовыми средствами технических вредностей². Этим задачам соответствует установление уголовной ответственности за посягательства против 1) здоровья населения, 2) общественной безопасности. В настоящей работе рассматриваются преступления в области техники, посягающие на общественную безопасность. В последующем они будут обозначаться менее пространном термином — преступления в области использования техники.

Материал излагается в следующей последовательности: содержание отношений, нарушаемых преступлениями в области исполь-

зования техники; «механизм» общественно опасного воздействия на эти отношения; объективные и субъективные пределы эффективного вмешательства человека в работу социотехнических систем, обстоятельства, исключают общественную опасность деяния и влияющие на меру этой опасности.

При изложении указанных вопросов используются результаты социологических исследований — собственные и других авторов.

Цель работы — выработка на основе интегративного рассмотрения проблем уголовноправовой борьбы с преступлениями в области использования техники научного задела для дальнейшего совершенствования уголовного законодательства.

¹ Л. И. Брежнев, Ленинским курсом (Статьи и речи), т. 3, стр. 238—239.

² Провести резкую грань между данными понятиями довольно трудно. И «техническая опасность», и «техническая вредность» предполагают негативное воздействие внешней среды на организм человека. Однако воздействия эти неоднородны. На некоторые из них охраняющие реакции организма невозможны — например, наезд автомашины, падение самолета, на другие — возможны: на отравление воздуха, воды и т. д. (См.: А. А. Ляпунов, Об управляющих системах живой природы, Сборник «О существе жизни», М., изд-во «Наука», 1964, стр. 72). Такому делению соответствует разграничение негативных производственных факторов на опасные и вредные. Под производственной опасностью понимают возможность мгновенного повреждения организма либо угрозу такого повреждения. Такие опасности создаются движущимися частями машин, соприкосновение с которыми вызывает механические повреждения; электрическим оборудованием, контакт с которым может привести к электрическим травмам; сильно нагретыми предметами и пламенем, воздействие которых вызывает ожоги, и т. д. К производственным вредностям относят факторы, оказывающие разрушительное воздействие на организм человека в течение более или менее длительного времени, — определенные дозы радиации, определенные концентрации ядовитых и едких веществ и т. д. (См.: Б. М. Злобинский, Основы техники безопасности и противопожарной техники, М., изд-во «Металлургия», 1965, стр. 41; Ф. Н. Магуско, Охрана труда, М., изд-во «Высшая школа», 1969, стр. 24—25).

Глава I

ОБЪЕКТ И ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНИКИ

§ 1. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНИКИ¹

1. Проблема общественной безопасности в сфере взаимодействия человека и техники первоначально ограничивалась пределами промышленных предприятий и, касаясь охраны тех, кто непосредственно стоял у механизмов и машин, вполне сливалась с проблемой охраны труда.

С появлением железнодорожного, водного, воздушного и автомобильного транспорта, линий высоковольтных электропередач, с промышленным освоением сильнодействующих ядовитых, взрывчатых и радиоактивных веществ преодоление разрушительных потенциалов техники становится проблемой, от разрешения которой зависят судьбы многих людей и общества в целом².

¹ Понятие «техника» возникло в античном обществе и берет свое начало от греческого слова «техне», означающего умение, мастерство, искусную деятельность. Телорь с этим словом связывают иное содержание. Исследуя это содержание, советский историк С. В. Шухардин насчитал около 30 определений понятия «техника». Чаще всего технику определяют как «совокупность средств труда». Но понятие «средств труда» в одном отношении уже, а в другом — шире понятия «техника». К средствам труда Маркс относил животных, «всеобщим средством труда» он называл землю, а также рабочие здания, каналы, дороги. С другой стороны, понятие «средств труда» не охватывает очень важные группы технических средств, как, например, бытовую технику, военную, медицинскую технику и т. д. Наиболее удачным представляется определение техники, предложенное Г. И. Волновым: «Техника — это система искусственных органов деятельности общественного человека, развивающаяся посредством исторического процесса опредмечивания в природном материале трудовых функций, навыков, опыта и знаний путем познания и использования сил и закономерностей природы». (Философская энциклопедия, т. 5, М., изд-во «Советская энциклопедия», 1970, стр. 227).

² Если в Великобритании в 1896 г. в результате дорожно-транспортных происшествий погибло 2 человека, а в США в 1899 г. — 1 человек, то в

2. Встревоженные опасностями, встающими перед человечеством в связи с бурным ростом производительных сил, буржуазные ученые утверждают, что созданный человеком мир техники стремится разрушить природу человека, что человек, «отчуждаясь в технике, делает свою жизнь противоестественной, преступает «грань дозволенного» в овладении законами природы и гибнет»¹.

Исходя из того, что современная техника выступает одним из главных факторов непрерывного усложнения социального существования, а вместе со сложностью структуры возрастает ее уязвимость, американский философ Р. Аллерс приходит к выводу о том, что «современное существование человека является во многих отношениях не более, а значительно менее надежным, чем было существование его предков»².

«Цивилизованное человечество, — пишет Дж. Томпсон, — сейчас чем-то напоминает ребенка, получившего ко дню рождения слишком много игрушек»³.

Игнорируя общественные условия развития техники и приписывая ей свойства, порожденные условиями ее капиталистического применения, раздувая миф о «демонизме техники», буржуазные ученые пытаются тем самым прикрыть фактический демонизм капиталистических общественных отношений, превращающих величественные завоевания человеческого разума в слепые разрушительные силы. Попытки найти истоки современных экологических противоречий в самом факте существования техники при игнорировании характера производственных отношений закрывают путь для исследования реального содержания и реальных истоков совершающихся экологических изменений.

1951 г. число несчастных случаев со смертельным исходом от автостроф превысило в США 1 млн. (См.: Л. Г. Норман, Несчастные случаи на дорожном транспорте, Женева, ВОЗ, 1962, стр. 11; А. Е. Страментов, М. С. Фишельзон, Городское движение, М., Изд-во литературы по строительству, 1965, стр. 246). В ФРГ от травматизма ежегодно погибает 33 тысячи человек. Из них от дорожного и уличного травматизма — 13 тысяч, от бытового — 8 тысяч, от промышленного — 7 тысяч и от прочих видов — 5 тысяч. (См.: Д. И. Рейтынборг, Проблемы травматизма в Федеративной Республике Германии, «Гигиена и санитария», 1963, № 3, стр. 86). В 1970 г. жертвами производственного травматизма в США стало 2,4 млн. человек. (См.: С. Эпштейн, Индустриальная социология в США, М., Изд-во политической литературы, 1972, стр. 107). Примерно та же картина имеет место в других капиталистических странах (См., например, «Известия», 1972, 15 января).

¹ Цит. по книге Н. И. Дряхлова «Социальные проблемы научно-технической революции», Изд-во МУ, 1972, стр. 137.

² Цит. по книге А. Харламова «В тупике буржуазного техницизма», М., изд-во «Мысль», 1967, стр. 14.

³ Дж. Томпсон, Предвидимое будущее, М., Изд-во иностранной литературы, 1958, стр. 148.

«Противоречий и антагонизмов, которые неотделимы от капиталистического применения машин, — писал Маркс, — не существует, потому что они происходят не от самих машин, а от их капиталистического применения!»¹.

3. Уже первые годы Советской власти ознаменовались широким использованием лучших достижений в области охраны труда и техники безопасности для преодоления опасных свойств техники. Результатом явилось резкое снижение производственного травматизма².

Это снижение продолжается и в настоящее время³. Около 5 тысяч предприятий и организаций железнодорожного транспорта работают в последние годы вообще без травматизма⁴. Большое внимание уделено повышению оснащенности предприятий новейшими средствами охраны труда и техники безопасности в Директивах XXIV съезда КПСС⁵.

Предпринимаются серьезные шаги по повышению безопасности железнодорожных, водных, воздушных и автотранспортных сообщений.

Таким образом, концепцию беспомощности людей перед лицом технических объектов надо отвергнуть — за большей частью несчастных случаев на транспорте, в промышленности, в горных, строительных и иных предприятиях стоит неиспользование либо недостаточное использование наличных возможностей охранительной техники, т. е. противоправное поведение людей⁶.

Специалисты утверждают, что история железнодорожных аварий и катастроф почти не знает случаев, когда бы причиной их не было нарушение правил эксплуатации железных дорог⁷. Главной причи-

ной морских аварий являются нарушения командным составом судов Правил предупреждения столкновения судов и правил «хорошей морской практики»¹. Около 90% автотранспортных происшествий — следствие нарушения правил безопасности движения². Неправильные действия технического персонала — типичные причины производственного травматизма³, а также аварийных ситуаций в энергосистемах⁴.

В послевоенные годы вопросам борьбы с преступлениями в области использования техники был посвящен ряд постановлений Пленума Верховного Суда СССР и пленумов Верховных судов союзных республик⁵.

¹ См.: «Безопасность мореплавания», 1966, № 9, стр. 4.

² См.: Л. Афанасьев, Н. Игнатов, Нужен профессиональный отбор водителей, «Автомобильный транспорт», 1969, № 3, стр. 44.

³ См.: Э. С. Джалалян, Охрана труда на предприятиях по добыче нерудных строительных материалов, М., Стройиздат, 1964, стр. 3.

⁴ См.: Г. В. Якуша, Об авариях, связанных с переключениями в электрических установках, «Электрические станции», 1966, № 10.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 6 января 1950 г. «О квалификации нарушений трудовой дисциплины работниками водного транспорта, не состоящими на службе в органах Министерства морского флота и Министерства рыбного флота». (См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1957 гг., Госиздат, 1958, стр. 36); от 30 ноября 1962 г. «Об ответственности за нарушение правил вождения или эксплуатации боевых, специальных или транспортных машин, совершенное старшим машинистом и другими всенослужащими» (Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1970 гг., стр. 510); от 9 апреля 1965 г. «О судебной практике по делам, связанным с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта или городского электротранспорта» (См.: там же, стр. 491); от 30 мая 1967 г. «О практике рассмотрения судебных дел, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности, и повышением роли судов в предупреждении этих нарушений». (См.: там же, стр. 505); от 6 октября 1970 г. «С судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях» (Бюллетень Верховного Суда СССР, 1970, № 6, стр. 19); Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 30 марта 1963 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта или городского электротранспорта». (Сборник постановлений Пленума, Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1961—1963 гг., М., изд-во «Юридическая литература», 1965, стр. 52; Постановление Пленума Верховного Суда Казахской ССР от 9 августа 1961 г. «О судебной практике по делам о преступлениях на автотранспорте» (Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Казахской ССР. 1961—1963 гг., Алма-Ата, изд-во «Казахстан»); Постановление Пленума Верховного Суда Литовской ССР от 19 декабря 1962 г. «О судебной практике по делам о преступлениях на автотранспорте и городском электротранспорте» (Постановления Пленума Верховного Суда Литовской ССР. 1961—1963 гг., Вильнюс, 1964).

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 451.

² Так, в каменноугольной промышленности производственный травматизм снизился в 1932 г. по сравнению с 1929 г. на 44,6%, в машиностроительной — на 39,7%, в промышленности основной химии — на 31,7%. (См.: И. А. Виноградов, Здравоохранение в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства, М., 1955, стр. 45).

³ См., например, «Охрана труда и социальное страхование», 1971, № 4, стр. 2.

⁴ Там же.

⁵ См.: Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 гг., стр. 10.

⁶ Например, в результате очистки рек Ленинградской области от бехзонплавающих бревен аварийность флота, плавающего по этим рекам, уменьшилась в 1971 г. по сравнению с 1964 г. в 14 раз. («Известия», 1972, 15 июня). В США на реконструируемой части дорог количество происшествий уменьшилось в 2,5 раза («Наука и жизнь», 1973, № 12, стр. 64).

⁷ См.: М. И. Кошляк, Безопасность движения поездов — основа четкой работы транспорта, «Железнодорожный транспорт», 1961, № 12, стр. 47.

4. Поскольку ближайшей причиной ненадлежащего отношения операторов технических систем к выполнению своих обязанностей по управлению и обслуживанию технико-технологических систем являются готовность к неоправданному риску государственными, общественными интересами и личными интересами граждан, а также невнимательное или недостаточно внимательное отношение к этим интересам, следует признать, что **способность уголовного** кары подвигать готовность к неправомерному риску и стимулировать должное внимание отдельных недисциплинированных граждан играет на данном этапе развития социалистического общества важную роль в обеспечении безопасного функционирования технического парка.

Вместе с тем определенная часть транспортных, производственных и иных «технических травм» связана с несовершенством самой техники и особой ее разновидностью — техники безопасности, а также с дезорганизующими действиями третьих лиц, с действием стихийных сил природы, с пороговыми возможностями организма человека и т. д.

Четкое разграничение **объективных** (не зависящих от воли людей) причин разрушительного действия техники и **субъективных** причин такого действия (неиспользование либо недостаточное использование наличных возможностей охранительной техники) — необходимое условие отправления правосудия по делам о преступлениях в области использования техники. Предпосылкой такого разграничения служит выявление круга, содержания и сущности отношений, обеспечивающих поддержание режима безопасности в сфере взаимодействия человека и техники.

§ 2. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ, НАРУШАЕМЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНИКИ

1. По общему мнению ученых, с которым мы солидарны, объектом преступлений, предусмотренных ст. ст. 86, 211, 211-1, 211-2, 213, 213-1, 214, 215, 216, 217 и 220 УК РСФСР, являются **отношения общественной безопасности**.

2. Объектом преступного нарушения правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, водного и воздушного транспорта в период действия старого УК называли трудовую дисциплину на транспорте¹. Таким же образом определяет объект это-

¹ См.: М. А. Шнейдер, Преступления против трудовой дисциплины на железнодорожном транспорте, автореферат канд. дисс., М., 1949; В. В. Даниэльбек, Транспортные преступления по советскому уголовному законодательству, автореферат канд. дисс., Л., 1950.

го преступления применительно к действующему УК З. Г. Корчева¹. Н. И. Загородников относит к объекту этого преступления нормальную работу железнодорожного, водного и воздушного транспорта², другие авторы называют объектом данного преступления безопасную работу транспорта³.

Выделяя внутри иных государственных преступлений посягательства против основ общественной безопасности СССР, против основ обороноспособности и против основ хозяйственной мощи Советского государства, В. Д. Меньшагин относит преступление, предусмотренное ст. 85 УК, к преступлениям первого вида⁴.

Таким же образом решает этот вопрос Б. А. Куринов, полагая, что преступления, предусмотренные нормами раздела «Иные государственные преступления», посягают на ряд особо важных объектов — на расовое и национальное равноправие граждан СССР, на безопасную работу железнодорожного, водного и воздушного транспорта, на кредитно-денежную систему СССР и т. д.⁵

Но это суждение применимо лишь к части иных государственных преступлений. Многие из таковых характеризуются не спецификой нарушаемых отношений, а тяжестью ущерба, причиняемого общественным отношениям, «открытым» для общественно опасного воздействия деяний, не подпадающих под признаки государственных преступлений. На один и тот же объект посягают, например, недонесение о государственных (ст. 88-1) и недонесение о прочих преступлениях (ст. 190); массовые беспорядки (ст. 79) и хулиганство (ст. 206), нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, водного и воздушного транспорта (ст. 86) и нарушение тех же правил при управлении автотранспортом и городским электротранспортом (ст. 211) и т. д.

¹ См.: З. Г. Корчева, Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта, автореферат канд. дисс., 1963.

² См.: Н. И. Загородников, М. Исаев, М. Исаев и др., Советское уголовное право (Общая и Особенная части), М., Госюриздат, 1962, стр. 233.

³ См., например, Б. С. Никифоров, Объект преступления по советскому уголовному праву, М., Госюриздат, 1960, стр. 25; Б. А. Куринов, Квалификация транспортных преступлений, Изд-во МУ, 1965, стр. 36, Курс советского уголовного права. Часть Особенная, т. 3, Изд-во ЛУ, 1973, стр. 316—317.

⁴ См.: Курс советского уголовного права, т. IV, М., изд-во «Наука», 1970, стр. 156.

⁵ См.: Б. А. Куринов, Квалификация транспортных преступлений, стр. 20; Е. А. Фролов, Спорные вопросы общего учения об объекте преступления, «Сборник ученых трудов» (Свердловский юридический институт), вып. 10, Свердловск, 1969, стр. 202.

2 Заказ 3198.

Другими словами, повышенная опасность иных государственных преступлений определяется как характером нарушаемых отношений, так и размером ущерба, причиняемого одним и тем же отношениям¹.

Принадлежность деяний, предусмотренных ст. 85 УК, к преступлениям против общественной безопасности следует, по мнению Б. С. Никифорова, из описания их последствий. Из этого описания (ущерб или угроза ущерба безаварийности и безопасности работы транспорта) видно, что объектом данного преступления является «правильное функционирование транспорта как необходимое условие безаварийности и безопасности его работы. Нарушение правильного функционирования транспорта в ином смысле не охватывается составом названного преступления»².

Известно, однако, что указание на последствия преступного деяния, содержащееся в нормах Особенной части УК, само по себе не предвещает вопроса об объекте такового. Смерть, телесные повреждения, материальный ущерб упоминаются в статьях о террористическом акте, о диверсии, вредительстве, об умышленном и неосторожном разрушении и повреждении имущества и т. д. Тем не менее не эти последствия определяют социально-политическое значение данных деяний. Для уяснения содержания отношений, охраняемых нормами о каждом из приведенных преступлений, исследуют, наряду с их «видимыми» последствиями, действия, которыми учиняются эти преступления, субъективную сторону последних и от них переходят к последствиям, для предотвращения которых и издана та или иная норма Особенной части УК.

Специфическое последствие деяния, предусмотренного ст. 85 УК, как это видно из диспозиции данной статьи, — нарушение режима (правил безопасности), обеспечивающего удержание технических систем в безопасном состоянии. Другими словами, принадлежность деяний, предусмотренных ст. 85, к преступлениям, посягающим на **общественную безопасность**; — результат их способности дезорганизовывать отношения, обеспечивающие безопасное функционирование железнодорожного, водного и воздушного транспорта.

¹ «Не являясь по степени своей общественной опасности государственными преступлениями, нарушения правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта и городского электротранспорта... носят более локальный характер... они... не могут вызвать тех тяжелых последствий, о которых говорится в ст. 85 УК РСФСР». (Д. И. Богатилов, И. А. Бушурев и др. Ответственность за государственные преступления, ч. II, М., изд-во «Юридическая литература», 1965, стр. 243).

² Б. С. Никифоров, Объект преступления по советскому уголовному праву, стр. 25.

3. Различным образом определяют и объект нарушения правил международных полетов (ст. 84 УК РСФСР). В. Д. Меньшагин и некоторые другие авторы относят к нему неприкосновенность государственных границ и оборону СССР¹. Н. С. Алексеев и авторы Научно-практического комментария Уголовного кодекса РСФСР полагают, что данное преступление создает угрозу безопасности полетов и может привести к международным осложнениям². Б. В. Даниэльбек включал это деяние в группу транспортных преступлений³.

В основе столь значительных разногласий лежит многозначность понятия «нарушение правил международных полетов». Оно охватывает посягательства на 1) неприкосновенность государственных границ, 2) оборону СССР, 3) безопасность воздушных сообщений.

Очевидно, что некоторые из таких нарушений могут одновременно посягать на неприкосновенность государственных границ, на оборону СССР и на безопасность воздушных сообщений. Возможны нарушения правил международных полетов, посягающие только на неприкосновенность государственных границ и безопасность воздушных сообщений. Наконец, легко представить нарушения тех же правил, не сопряженные с посягательством на неприкосновенность государственных границ и на оборону СССР (нарушение, учиненное экипажем советского воздушного судна внутри и за пределами СССР; то же нарушение со стороны экипажа «воздушного судна дружественного государства, нарушение правил посадки либо высоты полета летчиком иного иностранного самолета и т. д.). В то же время нарушений правил международных полетов, не посягающих на безопасность воздушных сообщений, не существует, и любое такое нарушение в условиях развитых международных и внутренних воздушных сообщений чревато угрозой столкновения воздушных судов и иными опасными происшествиями.

Признание объектом преступления, предусмотренного ст. 84 УК, неприкосновенности государственных границ и обороны СССР необоснованно сужает объем преступных нарушений правил международных полетов — исключает применение данной статьи к нарушениям правил международных полетов, не

¹ См.: Курс советского уголовного права, т. IV, стр. 228—229; Д. И. Богатилов, И. А. Бушурев и др., Ответственность за государственные преступления, ч. II, стр. 169; Уголовное право. Часть Особенная, М., изд-во «Юридическая литература», 1968, стр. 87.

² См.: Советское уголовное право. Часть Особенная, М., Госюриздат, 1962, стр. 65; Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР, М., изд-во «Юридическая литература», 1964, стр. 189.

³ См.: Б. В. Даниэльбек, Транспортные преступления по советскому уголовному законодательству, стр. 3—4.

связанных с посягательством на оборону страны. Если из обстоятельств дела следует, что деяние, внешне подпадающее под признаки той или иной нормы Особенной части УК, не повлекло и не могло повлечь причинения вреда общественным отношениям, охраняемым данной уголовноправовой нормой, то привлечение лица к уголовной ответственности за такое деяние носило бы формальный характер и не соответствовало задачам социалистического правосудия¹. Иными словами, признав объектом преступления, предусмотренного ст. 84 УК, интересы обороны страны, мы должны будем исключить применение этой статьи в случаях, при которых нарушение правил международных полетов фактически не было сопряжено с посягательством на оборону СССР.

Реальность нарушений правил международных полетов, не связанных с посягательствами на неприкосновенность государственных границ и оборону СССР, и соответствие этих нарушений признакам ст. 84 УК РСФСР («Влет в СССР и вылет из СССР без установленного разрешения, несоблюдение указанных в разрешении маршрутов, мест посадки, воздушных ворот, высоты полетов или иное нарушение правил международных полетов...») дают основание прийти к выводу о том, что непосредственным объектом данного преступления является безопасность воздушных сообщений, а родовым (групповым) — **общественная безопасность**.

4. Объектом угона воздушного судна (ст. 213-2 УК РСФСР), как отмечено в преамбуле Указа Президиума Верховного Совета СССР от 3 января 1973 г. «Об уголовной ответственности за угон воздушного судна»², является безопасность полетов на внутренних и международных воздушных линиях.

Вторжение в систему воздушных сообщений самолета (вертолета), осуществляющего движение по усмотрению лиц, захвативших самолет (вертолет), при всех условиях чревато возможностью катастрофы, аварии, несчастными случаями с людьми и иными тяжкими последствиями. Таким образом, объектом данного преступления, как и объектом иных рассмотренных нами преступлений, является **общественная безопасность**.

5. Объектом преступлений, предусмотренных ст. ст. 252, 253 и 254 УК РСФСР, называют порядок пользования военным имуществом и эксплуатации военной техники³, несение специальных обя-

¹ См.: В. Н. Кудрявцев, Объективная сторона преступления, стр. 184.

² Ведомости Верховного Совета СССР, 1973, № 1, ст. 3.

³ См.: Советское уголовное право. Часть Особенная. Киев, 1968, стр. 616—624; Уголовное право. Часть Особенная, М., изд-во «Юридическая литература», 1969, стр. 467—472; Курс советского уголовного права, т. VI, стр. 473,

занностей военной службы¹, порядок эксплуатации военной техники².

Но так как преступления, предусмотренные ст. ст. 252—254 УК, могут учиняться и без причинения вреда военному имуществу (нарушение военным водителем правил безопасности движения, повлекшее несчастные случаи с людьми), отношения, обеспечивающие сохранность военного имущества, не могут рассматриваться в качестве непосредственного (обязательного) объекта этих преступлений³. Что касается порядка несения специальной военной службы, то указанными преступлениями он, безусловно, нарушается. Но на этот же порядок посягают и многие другие деяния — нарушение правил несения пограничной службы (ст. 256), нарушение правил несения боевого дежурства (ст. 257) и др. Таким образом, понятие специальной военной службы не раскрывает специфического содержания отношений, нарушаемых составами ст. ст. 252—254.

Более правыми представляются криминалисты, полагающие, что данные преступления нарушают порядок эксплуатации военной техники. Известно, что в Советских Вооруженных Силах установлен строгий регламент эксплуатации военной техники с ее огромными разрушительными возможностями. Соблюдение этого порядка обеспечивает полную безопасность использования оружия⁴ и относительную безопасность эксплуатации прочих видов техники.

Видом оружия являются и некоторые самоходные технические устройства — танки, бронетранспортеры, самолеты, корабли. Однако, в отличие от военной техники «в собственном смысле этого слова», боевые, специальные и транспортные машины, самолеты, вертолеты и т. п. используются и для решения задач, связанных с несением воинской службы в условиях дорожного и уличного движения, при осуществлении морских, речных и воздушных перевозок и, «вкрапляясь» в процессе такого использования в систему отношений, обеспечивающих поддержание общественной безопасности, определенным образом воздействуют на таковые. Другими

¹ См.: Советское уголовное право. Часть Особенная, М., Госюриздат, 1962, стр. 455.

² См.: Уголовное право. Часть Особенная, М., изд-во «Юридическая литература», 1963, стр. 537; Советское уголовное право. Часть Особенная, Изд-во МУ, 1971, стр. 435—437.

³ «Непосредственным объектом является прежде всего только то отношение, которое данным преступлением всегда нарушается или ставится в опасность нарушения». (Курс советского уголовного права. Общая часть, т. 1, стр. 299).

⁴ Подробнее см. об этом § 5 данной главы.

словами, в указанных случаях военная техника выступает в качестве источника повышенной опасности, а нарушение установленного порядка несения воинской службы в связи с использованием этой техники редуцируется в нарушение режима общественной безопасности.

6. Изложенное позволяет сделать вывод, что преступления, предусмотренные ст. ст. 84, 85, 86, 211, 211-1, 211-2, 213, 213-1, 213-2, 214, 215, 216, 217, 220, 252, 253 и 254 УК РСФСР, сообщают мощным техническим системам, применяемым в сфере жизни и деятельности многих людей, в местах сосредоточения больших запасов овестьствованного общественного труда, избыточные степени свободы, создавая тем самым общую опасность (опасность для многих), или, что то же самое, нарушают отношения общественной безопасности, призванные удерживать указанные технические системы в безопасном, упорядоченном состоянии.

7. Те же свойства за крайне малым исключением (игнорирование неблагоприятных погодных условий и т. п.) присущи преступным нарушениям правил охраны труда и техники безопасности (ст. 140 УК РСФСР)¹.

До недавнего времени объектом указанного преступления единодушно называли общественные отношения, обеспечивающие охрану жизни, здоровья и трудоспособности граждан в процессе их трудовой деятельности в составе или в пределах социалистического предприятия, учреждения или организации².

В последние годы высказано мнение о том, что отношения, обеспечивающие охрану труда и соблюдение правил по технике безопасности, представляют собой часть более широких отношений — общественной безопасности³, что ст. 140 УК «охраняет жизнь и здоровье не только работника, поставленного в опасные

¹ По ч. 1 ст. 140 УК может, например, квалифицироваться при определенных условиях невыдача рабочим вредных профессий молока, спецодежды, спецмыла и т. д. Сами по себе эти предметы к технике не относятся. Но каждый из них парализует или уменьшает разрушительное действие агентов, содержащихся в ядовитых, едких и радиоактивных продуктах функционирования социотехнических систем, и в этом плане значение указанных предметов как средств технической защиты — своеобразных фильтров, входящих в состав социотехнической системы, совершенно очевидно.

² См., например, И. И. Слуцкий, Ответственность за нарушение правил по технике безопасности, стр. 23; А. Б. Сахаров, Уголовно-правовая охрана безопасности условий труда в СССР, стр. 49; М. И. Федоров, Охрана труда как объект преступного посягательства, «Ученые записки» (Пермский государственный университет), т. 15, кн. 4, вып. 3, стр. 155; Курс советского уголовного права, т. IV, стр. 248.

³ См.: Н. П. Яблоков, Квалификация преступных нарушений правил охраны труда и техники безопасности, «Советская юстиция», 1968, № 3, стр. 4.

условия труда, но и всех других лиц, которые могут пострадать от нарушений техники безопасности и промышленной санитарии»¹.

На первый взгляд, перед нами существенно разные позиции. Однако понятие работников предприятия (учреждения) трактуется учеными, стоящими на первой точке зрения, и судебной практикой так широко, что практически стирается грань между работниками предприятия и иными лицами, оказавшимися на территории предприятия и пострадавшими от нарушения правил по технике безопасности. Например, А. Б. Сахаров относит к работникам предприятия всех лиц, участвующих в общем трудовом процессе на данном предприятии². Таким же образом решает этот вопрос А. И. Свинкин³.

Еще шире трактуется понятие работников предприятия в ч. 1 п. 4 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 30 мая 1967 г., относящей к таковым всех лиц, постоянная или временная работа которых связана с производством на данном предприятии. В ряду последних называют, в частности, студентов, проходящих практику на предприятии, учащихся профессионально-технических училищ и школ, лиц, командированных на предприятие, представителей других организаций и т. д.⁴.

Нельзя не признать, что такая позиция Верховного Суда СССР соответствует действующему закону, который, в отличие от ст. 133 УК РСФСР 1926 г., предусматривавшей нарушение правил охраны труда и техники безопасности в отношении работников, говорит о несчастных случаях с людьми и о причинении смерти и телесных повреждений. Далее. Статья 133 называла в качестве субъекта преступления «наемателя», а ст. 140 УК РСФСР 1960 г. пользуется гораздо более широким понятием «должностного лица». Если при причинении вреда постороннему виновный не выступал в качестве наемателя, то должностное лицо, на участке которого произошел несчастный случай, остается таковым и тогда, когда смерть или телесные повреждения в результате нарушения правил по технике безопасности причиняются постороннему лицу. Решающее значение приобретает в этом случае обязанность «по соблюдению данных правил по технике безопасности и промышлен-

¹ И. И. Горелик, Ответственность за поставление в опасность, Минск, изд-во «Высшая школа», 1964, стр. 34.

² См.: А. Б. Сахаров, Уголовно-правовая охрана безопасности условий труда в СССР, стр. 48—49.

³ См.: А. И. Свинкин, Преступления, нарушающие правила охраны труда, и их предупреждение, стр. 5.

⁴ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1968, № 1, стр. 40.

ленной санитарии, а не по обеспечению безопасности труда данного работника»¹.

Основная задача уголовноправовой борьбы с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности в условиях современного социалистического предприятия — повышение ответственности должностных лиц, обязанных обеспечивать безопасное осуществление технологических процессов. Поэтому сущность соответствующего преступления не зависит от того, кто в результате допущенного нарушения оказался потерпевшим².

Мы полемизируем с дефиницией, когда-то являвшейся правомерной, а ныне полностью себя изжившей: замкнутость и ограниченные размеры предприятий эпохи первой промышленной революции, небольшая мощность машин, используемых на этих предприятиях, стремление частного предпринимателя максимально экономить на затратах по охране труда определяли положение, при котором риск из применения техники несли лишь те, кто непосредственно был приставлен к механизмам и машинам, а равно высокую степень этого риска. В таких условиях проблема безопасного использования техники вполне сливалась с проблемой охраны труда. На современном предприятии, где заняты тысячи и десятки тысяч людей, многие из которых вообще не связаны с обслуживанием техники (счетные, медицинские работники, работники торговли, общественного питания и т. д.), и неизбежно находятся посторонние люди, проблема охраны труда неотвратимо редуцируется в проблему общественной безопасности.

Хотелось бы подчеркнуть, что речь идет не о снижении уровня охраны жизни и здоровья персонала социотехнических установлений до уровня охраны жизни и здоровья лиц, не связанных с обслуживанием техники, а о повышении уровня охраны лиц, фактически контактирующих с производственными опасностями, до уровня охраны тех, кто осуществляет этот контакт при выполнении трудовых функций.

8. Отношения общественной безопасности выделяются теорией уголовного права в группу специальных объектов уголовноправовой охраны. Но признание общественной безопасности самостоятельным объектом уголовноправовой охраны не сопровождается теоретическим освоением этого объекта — не выделяются последствия, лежащие в одной плоскости с таковым, не исследуется внутренняя сторона деяний, опосредующих причинение этих по-

¹ А. Б. Сахаров, Уголовно-правовая охрана безопасности условий труда в СССР, стр. 49.

² См.: Н. П. Яблоков, Квалификация преступных нарушений правил охраны труда и техники безопасности, стр. 5.

следствий. В результате исследуемые отношения оказываются в группе наименее изученных.

Но и в пределах этой группы отношения общественной безопасности особенно «не повезло». Мы имеем в виду моменты, которые не только не способствуют уяснению содержания данных отношений, но и затрудняют это уяснение, искажая перспективы, в плане которых можно составить представление об элементах состава, с помощью которых эти отношения могут быть исследованы. Так, последствия преступлений в области использования техники отождествляются с последствиями преступлений против личности и против собственности¹. Но деяния с равными последствиями — суть деяния с разными объектами². В данном же случае имеют в виду посягательство на разные общественные отношения. При изучении субъективной стороны данных преступлений рассматривается психическое отношение деятеля к причинению смерти, телесных повреждений, а его отношение к нарушению общественной безопасности не исследуется.

Должно быть отмечено и то обстоятельство, что среди аксиом Особенной части советского уголовного права нет таких, которые решали бы вопрос о круге преступлений, посягающих на общественную безопасность (нормы об этих преступлениях содержатся в одной главе с нормами о преступлениях против общественного порядка и здоровья населения). Следовательно, установлению подлежат и отношения общественной безопасности, и деяния, посягающие на эти отношения.

Из этого противоречия мыслим лишь один выход — формирование предварительного представления о круге преступлений, посягающих на общественную безопасность, исследование общих свойств этих преступлений и «выход» через них на отношения общественной безопасности.

9. **Понятие общественной безопасности.** Общественная безопасность как мера защиты социалистического общества от разрушительного действия «второй» природы имеет два аспекта — пассивный и активный. Первый связан с ограждением общества от нежелательных явлений внесоциального порядка (степень защищенности планеты от радиационных излучений, от опустошительных на-

¹ См., например: П. С. Матышевский, Преступления против общественного порядка и здоровья населения, стр. 16, 18 и след.; Уголовное право. Часть Особенная, М., изд-во «Юридическая литература», 1968, стр. 491; Советское уголовное право. Особенная часть, Изд-во МУ, 1971, стр. 385—386.

² См.: А. Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления, М., Госюриздат, 1957, стр. 140.

воднений и т. д.). «...Перед лицом климатических катаклизмов, землетрясений и редкой, но реальной угрозы падения гигантских метеоритов человек, по существу, столь же беспомощен, как и в последнем ледниковом периоде»¹. Второй аспект общественной безопасности характеризуется уровнем сложившейся защиты общества от природных и технических опасностей, а точнее, развитием общественных отношений, обеспечивающих поддержание режима безопасности в сфере взаимодействия человека и техники.

В «Философских тетрадах» В. И. Ленин высказал и научно сформулировал мысль о возникновении с появлением человека и человеческого общества второй формы объективного процесса модификации материальной действительности. Если **первой** и **изначальной** формой такого процесса является естественная и имманентная трансформация природных форм под воздействием неконтролируемых сил природы, то **второй** формой модификации материальной действительности является целеполагающая деятельность человека — «2 формы **объективного** процесса: природа (механическая и химическая) и **целе**полагающая деятельность человека»².

Критикуя созерцательный материализм Л. Фейербаха за игнорирование значения целеположенной деятельности общественного человека, К. Маркс и Ф. Энгельс особо подчеркивали, что «эта деятельность, этот непрерывный чувственный труд и созидание, это производство служит настолько глубокой основой всего чувственного мира, как он теперь существует, что если бы оно прекратилось хотя бы лишь на один год, то Фейербах увидел бы опромные изменения не только в мире природы, — очень скоро не стало бы и всего человеческого мира»³.

Итак, общественная безопасность — это, с одной стороны, нечто от человека не зависящее, некоторая естественная черта, дальше которой природа «сама» не простирает враждебных действий против человека, а с другой, — результат совместной деятельности людей, направленной на удержание вещей и сил природы в безопасном состоянии⁴.

10. Юридический словарь, изданный в 1953 г., относил к общественной безопасности «систему мероприятий, направленных на охрану государственного и общественного порядка, правил социалистического общежития, на обеспечение нормальных условий для

¹ Ст. Лем, Сумма технологии, М., изд-во «Мир», 1968, стр. 25.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 170.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 43.

⁴ «Человек, производящий орудия, расширяет рамки своей деятельности и достигает ее безопасности благодаря своей постоянно возрастающей способности строить отношения с другими людьми, развивать общение». (Д. Льюис, Человек и эволюция, М., изд-во «Прогресс», 1964, стр. 392).

трудовой деятельности»¹. По мнению П. Ф. Гришанина, общественная безопасность — часть общественного порядка, которая охватывает социалистические общественные отношения, обеспечивающие соблюдение правил безопасности на транспорте, правил производства взрывоопасных работ и правил обращения с другими источниками повышенной опасности². На связь отношений общественной безопасности и общественного порядка указывают и другие авторы³.

Однако в настоящее время выдвигаются и такие определения общественной безопасности, которые выделяют специфические черты последней. Отмечается, например, что отношения общественной безопасности складываются «в процессе осуществления предприятиями и организациями, должностными лицами и гражданами специальных и технических правил, относящихся к охране жизни и здоровья граждан»⁴. Общественная безопасность, с точки зрения Н. Ф. Кузнецовой и Б. А. Курникова, связана с такой системой «поведения граждан в обществе, при которой устраняется угроза жизни или телесной неприкосновенности большего или меньшего числа людей». При этом отмечается, что чаще всего общественная безопасность терпит ущерб от нарушения правил применения источников повышенной опасности⁵. А. Н. Игнатов относит к преступлениям против общественной безопасности «деяния, нарушающие установленные советским правом правила предосторожности в производственной деятельности при использовании источников повышенной опасности, при обращении с предметами, представляющими повышенную общественную опасность»⁶.

¹ Юридический словарь, М., Госюриздат, 1953, стр. 392.

² См.: Уголовное право. Часть Особенная, М., изд-во «Юридическая литература», 1968, стр. 465.

³ См.: М. И. Еропкин, Управление в области охраны общественного порядка, М., изд-во «Юридическая литература», 1965, стр. 25; Советское уголовное право. Часть Особенная, Киев, 1968, стр. 527; Н. И. Загородников, Теоретические основы охраны общественного порядка, Сборник «XXIV съезд КПСС и вопросы теории государства и права», М., изд-во «Юридическая литература», 1972, стр. 290—291.

⁴ А. С. Серегин, К вопросу о понятии общественного порядка в советском общенародном государстве, М., «Труды Высшей школы МООН РСФСР», вып. 8, 1963, стр. 259. См. также: Г. Г. Криволапов, Объект и предмет посягательства приобретения или сбыта имущества, добытого преступным путем, «Сборник статей адъюнктов и соискателей Высшей школы МООН РСФСР», М., 1968, стр. 112.

⁵ Советское уголовное право. Особенная часть, Изд-во МУ, 1971, стр. 363.

⁶ См.: Курс советского уголовного права, т. VI, стр. 386. См. также: Советское уголовное право. Часть Особенная, М., изд-во «Юридическая литература», 1969, стр. 333; М. А. Ефимов, Борьба с преступлениями про-

11. В уголовном законодательстве ряда социалистических стран исследуемые преступления обозначались и обозначаются понятием **общеопасных преступлений** (преступлений против общественной безопасности). Выступая против выделения преступных посягательств по указанному признаку, И. Я. Фойницкий обращал внимание на неопределенность признака **общеопасности**. «Какому числу благ должно угрожать деяние, — писал он, — и нужна ли для признания его общеопасным наличие опасности для многих лиц, или достаточно опасность для блага одного лица?.. Если бы даже можно было условиться о более конкретном понимании признака **общеопасности**, то создание на основании его особой рубрики преступных деяний стояло бы в противоречии с современным распределением преступлений по предмету посягательства, и в этой группе пришлось бы объединить нарушения благ самых разнообразных»¹.

Причины выделения **общеопасных преступлений** (преступлений против общественной безопасности) в специальную главу УК очевидны: 1) появление машин и веществ, опасных для многих, вне промышленного предприятия (железнодорожный и автомобильный транспорт, сильно действующие взрывчатые и ядовитые вещества и т. п.); 2) формирование системы общественных отношений, обеспечивающих безопасное использование техники; 3) разрыв между существующими на данном этапе научно-технического прогресса возможностями охранительной техники и фактическим использованием этих возможностей; 4) увеличение общественной опасности этого разрыва.

12. Генетически становление исследуемых отношений осуществлялось следующим образом: 1) деяния, опасные для многих, или **общеопасные деяния**, 2) **меры защиты** от некоторых, а затем от большей части таких деяний, 3) формирование на базе развития и совершенствования этих мер **отношений общественной безопасности**, 4) превращение этих отношений в **объект специальной уголовно-правовой охраны**, чему соответствует включение в действующий УК норм о преступлениях в области техники².

тив общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения, Минск, изд-во «Высшая школа», 1971, стр. 13.

¹ И. Я. Фойницкий, Курс русского уголовного права, Часть Особенная, СПб., 1907, стр. 332.

² «Вообще нецелесообразно, — отмечает В. Н. Кудрявцев, — принятие новых уголовно-правовых норм по вопросам, которые не урегулированы в позитивном плане другими отраслями права». (В. Н. Кудрявцев, Две книги об уголовном законе, «Советское государство и право», 1969, № 10, стр. 160).

«Приобретая новые производительные силы, — писал Маркс, — люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, — они изменяют все свои общественные отношения»¹. «Для того чтобы не лишиться достигнутого результата, для того чтобы не потерять плодов цивилизации, люди вынуждены изменять все унаследованные общественные формы в тот момент, когда способ их сношений [сociety] более уже не соответствует приобретенным производительным силам»².

Методы, опосредующие безопасное использование техники, приобретаемая точность и детализованность, санкционируются правом, получая значение формально-определенных правил поведения. «Сложность и динамизм процессов с участием человека и машин требуют эффективного правового регулирования. Без социально-правового воздействия нельзя заложить основы, создать и использовать научно-технические разработки. Право, опосредствуя разнообразные отношения, вводит тот масштаб должного и возможного поведения, который является оптимальным и в повторяющихся, и в новых ситуациях»³.

Речь идет о выполнении государством помимо специфических классовых задач определенного круга «общих дел, вытекающих из природы всякого общества»⁴.

Таким образом, включение в Особенную часть уголовного законодательства технически развитых стран норм о преступлениях в области использования техники — следствие 1) обострения опасных свойств техники, 2) формирования общественных связей, призванных подавлять либо ограничивать эти свойства, 3) придания этим отношениям значения специального объекта уголовно-правовой охраны.

13. Предназначенные удерживать в безопасном состоянии технику, отношения общественной безопасности соотносятся со свойствами последней, поскольку «никакое действие причины не приведет к результатам, если она останется, так сказать, индифферентной по отношению к собственной природе рассматриваемого предмета»⁵.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 133.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 27, стр. 403.

³ Ю. А. Тихомиров, Социалистическое государство и научно-технический прогресс, стр. 8.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. I, стр. 422.

⁵ М. Бунге, Причинность, М., Изд-во иностранной литературы, 1962, стр. 67.

В ряду элементов общественных отношений должны быть выделены а) их участники, б) связи между ними и в) предметы, по поводу которых существуют эти связи¹.

Участниками данных отношений являются лица, управляющие техническими средствами или обслуживающие таковые. Связи между ними реализуются в управлении технико-технологической частью социотехнической системы, образующей предметную сторону данных отношений.

Важным условием нормального отправления исследуемых отношений является строгое соблюдение правил безопасности всеми взаимодействующими с техникой, или, что то же, охрана этих отношений от посягательств «изнутри» — со стороны персонала социотехнических установлений, и от посягательств «извне» — со стороны лиц, осуществляющих внешний контакт с данными установлениями (пешеходы, пассажиры транспорта и т. д.).

Те и другие посягательства отчасти сравнимы с посягательствами на нормальную работу советского государственного аппарата. В ряду последних А. Б. Сахаров различает деяния, наносящие ущерб качеству работы советского государственного аппарата и нарушающие правильную его работу, полагая, что нарушении правильной работы советских органов управления будет и сопротивление отдельных граждан представителям власти, и подлог документов, и ряд других составов недолжностных преступлений. Однако во всех этих случаях преступление, будучи более или менее серьезным препятствием нормальной работе советского государственного аппарата, все же неспособно повлиять на качество работы этого аппарата, извратить его социалистическую сущность, его подчиненность интересам коммунистического строительства, как это имеет место при должностных преступлениях.

Так, в результате использования лицом заведомо подложного документа соответствующие органы советского государственного аппарата, основываясь на этом документе, принимают неправильное решение, вызывая нарушение нормальной работы определенного звена аппарата управления. Однако, принимая по существу

¹ См.: Курс советского уголовного права, т. 2, М., изд-во «Наука», 1970, стр. 116, 120; Е. А. Фролов, Спорные вопросы общего учения об объекте преступления, «Сборник ученых трудов» (Свердловский юридический институт), вып. 10, Свердловск, 1969, стр. 197—198. М. И. Федоров и М. А. Гельфер выделяют в ряду элементов общественных отношений лишь участников и связи между ними. (См.: М. И. Федоров, Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву, «Ученые записки» (Пермский государственный университет), вып. 4, т. 11, кн. 2, стр. 183—193; М. А. Гельфер, Некоторые вопросы общего учения об объекте преступления в советском уголовном праве, «Ученые записки» (ВЮЗИ), вып. 7, М., 1959).

неправильное решение, должностное лицо, введенное в заблуждение подложным документом, в рамках тех сведений, которыми располагает, действует правильно; выполняет возложенные на него функции. Качество работы государственного аппарата в этом случае не нарушается, как не нарушается, скажем, качество работы автомобиля, под колесо которого бросают камень.

Иначе бывает в тех случаях, когда должностное лицо составляет подложный документ. Непосредственный результат этого преступления — нарушение правильной работы органов государственного аппарата, но вместе с тем такие действия ухудшают качество его работы¹, вызывают порчу, по выражению В. И. Ленина, аппарата².

Равным образом при нарушении режима безопасности в сфере применения техники людьми, не входящими в персонал социотехнических установлений, мы имеем дело с исправно функционирующими установлениями. Недостатки их работы — недостатки условий, в которых они действуют. При нарушении же указанного режима персоналом социотехнических установлений портится сама система.

14. Мы отмечаем зависимость отношений общественной безопасности от предметов, в связи с которыми они существуют. Особенности этих предметов определяют характер и содержание данных отношений.

Указанные предметы принадлежат к техническим устройствам, относимым законом, судебной практикой и наукой советского права к источникам повышенной опасности³.

В соответствии со ст. 90 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик «организации и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (транспортные организации, промышленные предприятия, стройки, владельцы автомобилей и т. п.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего».

¹ См.: А. Б. Сахаров, Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву, М., Госюриздат, 1956, стр. 31—32; Л. А. Андреев, А. Н. Лебедев, Уголовный закон и управление, «Вестник ЛГУ» (Серия «Экономика, философия, право»), 1970, № 11, стр. 136.

² См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 198.

³ См., например, Уголовное право. Часть Особенная, М., изд-во «Юридическая литература», 1968, стр. 467; Уголовное право. Часть Особенная, М., изд-во «Юридическая литература», 1969, стр. 407; Курс советского уголовного права, т. VI, М., изд-во «Наука», 1971, стр. 306; Советское уголовное право. Особенная часть, Изд-во МУ, 1971, стр. 363—364.

Из классификации источников повышенной опасности в теории гражданского права — 1) физические — механические, электрические, тепловые, 2) физико-химические — радиоактивные, 3) биологические — зоологические и микробиологические, и 4) химические — отравляющие, взрывоопасные и огнеопасные¹, видно, что источники повышенной опасности — это главным образом технические устройства, движимые механическими, химическими, электрическими и иными силами природы.

Так, Е. А. Флейшиц понимала под источником повышенной опасности «свойства вещей или силы природы, которые при достигнутом уровне развития техники не поддаются полностью контролю человека, а не подчиняясь полностью контролю, создают высокую степень вероятности причинения вреда жизни и здоровью человека либо материальным благам»².

Хотя эта точка зрения близко подходит к уяснению сущности источника повышенной опасности, она не свободна от недостатков³. В ряду таковых может быть названо и выделение в качестве специфических признаков источника повышенной опасности свойств, присущих и иным предметам. Так, все, в том числе и самые простые виды техники, могут выходить и иногда выходят из-под контроля человека, создавая при этом определенную и подчас весьма большую вероятность причинения вреда. О том свидетельствует практика начинающего велосипедиста, неопытной швеи, молодого слесаря и т. д. Более того, ушибы и ссадины при работе с молотком, топором, швейной иглой и пр. случаются гораздо чаще, чем, скажем, травмы на автотранспорте. Тем не менее законодатель относит автомобиль к источникам повышенной опасности, а молоток, велосипед и швейная игла не квалифицируются подобным образом.

Попытка связать меру опасности лишь с вероятностью возможного вреда несостоятельна. Опасность — производное и от вероятности, и от тяжести грозящего вреда. Так, пребывание большого гриппом в группе ста здоровых людей опасно всем ста, а наличие одного неисправного парашюта в партии из ста — только одному. Но

¹ См.: О. А. Красавчиков, Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности, М., изд-во «Юридическая литература», 1966, стр. 44—45.

² См.: Е. А. Флейшиц, Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения, М., Госюриздат, 1951, стр. 132.

³ Речь в соответствующем случае идет не о вещах «самих по себе», а о телах и предметах природы, вовлеченных в орбиту общественной жизни, точнее — о вещах как компонентах общественной подсистемы, опосредующей обмен веществ между человеком и природой. См. по этому вопросу: О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, Изд-во ЛГУ, 1955, стр. 186 и след.; О. А. Красавчиков, Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности, стр. 15.

шанс менее вероятный будет более опасным. Несмотря на то, что на одну катастрофу в воздухе приходится тысячи автокатастроф¹, гражданское законодательство, вообще не склонное дифференцировать источники повышенной опасности, усиливает ответственность воздушного перевозчика (ст. 101 Воздушного кодекса СССР). Связано это с тем, что автотранспортная катастрофа сопровождается, по общему правилу, телесными повреждениями или гибелью одного-двух людей, а катастрофа в воздухе обычно влечет гибель всех пассажиров и экипажа самолета.

Таким образом, исследуемая группа технических устройств является собой предметы, способные создавать при их применении а) высокую вероятность б) причинения тяжкого вреда.

В основе указанных свойств, если идти от внешнего и производного к внутреннему, невыводному, лежит неустойчивость соответствующих предметов, определяемая их принадлежностью к источникам повышенной опасности (согласно второму началу термодинамики энергией обладает лишь та физическая система, части которой неуравновешены друг с другом. В движении к равновесию, как к своему наиболее вероятному состоянию, части системы и производят определенную работу)². Превращение неорганизованного движения физических тел к равновесию в организованный энергетический поток и составляет существо управления источником повышенной опасности³.

Неустойчивость определяет сложность системы — включение в нее элементов, призванных противодействовать ее стремлению к беспорядку. Речь может идти о стенах и шлюзах гидроэлектростанции, об экранах, защищающих от радиационных излучений, о системе электрозащиты, о предохранительном клапане парового котла и т. д.⁴.

¹ За три года во всем мире погибло 3115 авиапассажиров, что в четыре раза меньше, чем погибло их на дорогах одной только Франции в течение одного года. («Литературная газета», 1969, № 5, стр. 14—15).

² «Система тел, находящихся в равновесии друг с другом, энергетически бесплодна». (Л. Д. Ландау, А. И. Китайгородский, Физика для всех, М., изд-во «Наука», 1962, стр. 362).

³ На эту функцию управления обращал внимание еще Гегель. «Вообще, — писал он, — собственная деятельность природы, эластичность часовой пружины, вода, ветер применяются так, чтобы в своем чувственном бытии делать нечто совершенно иное, чем то, что они хотели бы делать, так что их слепое делание становится целесообразным в противоположность им самим» (Гегель, Работы разных лет, т. 1, М., изд-во «Мысль», 1970, стр. 307).

⁴ На определенном этапе эволюционного развития техники усложнение задач неизбежно приводит к усложнению технических средств их решения. Причем это усложнение идет в основном по двум следующим направлениям: с одной стороны, технические системы становятся в прямом смысле

Полагая, что сложность не является специфическим признаком источника повышенной опасности, О. А. Красавчиков обращает внимание на предельную простоту некоторых из них (хлопок, бензин и т. д.)¹. Действительно, хлопок в кипах — система весьма простая. Но в этом виде он не представляет ни повышенной, ни даже обычной опасности (на бронепоездах времен Гражданской войны его использовали даже в качестве брони). Если же речь идет о взрывоопасной пыли, образующейся при переработке хлопка, то в этом случае надо иметь в виду и помещение, в котором перерабатывается хлопок, и транспортирующие, пылеулавливающие и вентиляционные устройства, т. е. достаточно сложную систему. Равным образом бензин (в количествах, определяющих его повышенную опасность) не существует сам по себе. Его либо изготавливают, либо хранят, либо используют. Все это происходит на основе применения сложного производственного оборудования — крекинг-установок, бензохранилищ, бензонасосов, противопожарного оборудования и т. д. Поскольку это так, выделять из указанных систем хлопок как таковой, бензин как таковой столь же неправомерно, как вычленивать, скажем, из двигателя внутреннего сгорания коленчатый вал, маховик, непосредственно участвовавшие в причинении вреда.

«Чем сложнее функция системы, тем больше должно быть элементов ее конструкции; а чем больше элементов, тем больше вероятность нарушений в действии системы»². Неполная надежность создает вероятность разрушительного действия технической системы.

Осуществляя обзор существенных и характерных признаков источников повышенной опасности в логической связи и последовательности, следует выделить **неустойчивость** источника повышенной опасности. От него производны два других его признака — **мощность** и **сложность**. Мощностью определяет способность источника повышенной опасности причинять **существенный** ущерб, а сложность — его **относительную надежность**.

«больше — в их состав входит все большее количество компонентов; с другой стороны, существенно изменяется внутренняя структура системы, которая в широком смысле слова подразумевает не только собственно структуру системы, но и алгоритм ее функционирования. При прочих равных условиях система, состоящая из большого числа компонентов, является более ненадежной по сравнению с системой более простой». (И. А. Ушаков, Основные методы и принципы теории надежности, «Вопросы философии», 1967, № 6, стр. 109).

¹ См.: О. А. Красавчиков. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности, стр. 19.

² В. Г. Пушкин, Проблема надежности, М., изд-во «Наука», 1971, стр. 15.

15. Указанные признаки определяют содержание общественных отношений, опосредующих безопасное действие исследуемых устройств. Поскольку истинные закономерности природы, влияющие на технологический процесс, связанный с применением данных устройств, полностью неизвестны, а издержки такой неизвестности весьма значительны, при организации отношений, обеспечивающих безопасное протекание этого процесса, исходят из того, что эти закономерности могут привести к наименее благоприятному результату, и принимают меры по его предотвращению и тогда, когда вероятность этого результата невелика и даже предельно мала¹. Хотя падение с мотоцикла — удел далеко не всякого мотоциклиста, органы госавтоинспекции обязывают всех граждан, едущих на мотоцикле, надевать предохранительный шлем. По той же причине и на тех же основаниях внедряются громоотводы, предохранительные очки, автоматические выключатели и другие предохранительные устройства.

Образно говоря, природа, равнодушная к делам людей, «стреляет по площадям», и людям не остается ничего другого как защищаться по всему фронту и на всю глубину взаимодействия с ней — проводить сложные и дорогостоящие охранительные мероприятия, направленные на защиту от случайного вреда, при заведомом знании того, что «сработают» лишь некоторые из них. Иными словами, неопределенность, отчасти характеризующая взаимодействие человека и техники, ведет к величайшей определенности социалистических общественных отношений, опосредующих это взаимодействие, — их предуготовленности к почти любому повороту событий, способному завершиться причинением вреда.

Соответственно критерием должного отправления исследуемых отношений служит не фактическое предотвращение вреда — при некоторых обстоятельствах вред может быть предотвращен и в условиях низкой организации данных отношений, а наличие указанной выше предуготовленности.

Таким образом, **общественная безопасность** как вид социалистических общественных отношений являет собой систему социального взаимодействия людей, обеспечивающего удержание технических систем в упорядоченном, безопасном состоянии — выработку, внедрение и фактическое использование средств подавления движения данных систем к наименьшему порядку (максимуму энтропии), а преступное посягательство на эти отношения — неиспользование либо недостаточное (неправильное) использование данных средств.

¹ См.: Н. Воробьев, Некоторые методологические проблемы теории игр, «Вопросы философии», 1968, № 1, стр. 95.

16. **Функции дополнительного объекта преступлений в области использования техники.** За небольшими исключениями (ст. 84, ст. 211-1, ч. 1 ст. 213-2 и ч. 1 ст. 216 УК РСФСР) уголовная ответственность за посягательства на общественную безопасность связывается с причинением вреда второму (дополнительному) объекту — жизни и здоровью граждан.

Соплашаясь с классификацией объектов преступных посягательств на основной, дополнительный и факультативный, понимая под первым отношение, ради охраны которого создана данная уголовно-правовая норма, под вторым — отношение, которое применительно к целям и задачам данной нормы защищается попутно, поскольку оно неизбежно ставится в опасность или терпит ущерб при посягательстве на основной объект, а под третьим — отношение, которое при совершении данного преступления может подвергаться, а может и не подвергаться опасности¹, мы относим отношения, охраняющие жизнь и здоровье граждан, к дополнительному объекту преступлений, предусмотренных ст. ст. 85, 86, 140, 211, 211-2, 213, 213-1, чч. II и III ст. 213-2, 214; 215, ч. II ст. 216 и 252, 253, 254 УК РСФСР.

Составы с основным и дополнительным объектами довольно распространены в системе Особенной части советского уголовного права. Причем в одних случаях причинение вреда дополнительному объекту — условие причинения вреда основному объекту (террористический акт, посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника и т. п.), в других — дополнительный объект терпит ущерб в результате причинения вреда основному объекту (преобладающая часть исследуемых преступлений): нарушение общественной безопасности влечет причинение смерти, телесных повреждений, материального ущерба.

В общем и целом ведущим критерием общественной опасности преступного деяния являются ущерб либо серьезность ущерба, причиняемого основному объекту. Между тем признание за нарушениями правил по технике безопасности (в широком значении этого слова) значения уголовного правонарушения зависит от причинения вреда дополнительному объекту; если сами нарушения не привели к наступлению смерти либо других непосредственно указанных в законе последствий, то поведение лица не рассматривается в качестве преступного, хотя образует состав административного или дисциплинарного проступка. Возникает вопрос о причинах такого парадоксального положения.

¹ См.: Е. А. Фролов, Спорные вопросы общего учения об объекте преступления, стр. 213—215.

17. Повышенная общественная опасность исследуемых нарушений очевидна. Но она не единственная предпосылка их наказуемости. Существенное значение имеет целесообразность превенции последних средствами уголовного права.

У государства не всегда имеются возможности вести борьбу с общественно опасными деяниями мерами уголовного права. Необходимо учитывать, «насколько государство, исходя из соотношения методов убеждения и принуждения, может без ущерба применять меры наказания в общегосударственном масштабе, чтобы его количественные характеристики при этом не могли превратиться в качественную определенность, не соответствующую задачам борьбы с преступностью. Требованием, ограничивающим этот предел и помогающим определению уголовно-правовой политики нашего государства, является принцип экономии принудительных мер». До признания деяния уголовно наказуемым законодатель должен тщательно взвесить правовые и политические последствия этого признания и прежде всего его совместимость с принципом неотвратимости наказания. Высокая распространенность правонарушений определенного вида делает невозможным и неэффективным их репрессирование мерами уголовного права.

18. Исследуемые нарушения весьма распространены. Обследование, проведенное в США, показало, что даже в таком рационально спланированном городе, как Вашингтон, «средний» водитель совершает более девяти ошибок каждые пять минут управления машиной². Поэтому при квалификации в качестве преступления самого нарушения правил безопасности движения на автотранспорте число лиц, подлежащих ответственности, возросло бы в сотни раз! Аналогичное положение наблюдается не только на автотранспорте³.

Важно и другое обстоятельство. До установления уголовной наказуемости деяний должны быть подготовлены условия, при которых это наказание воспринималось бы гражданами как справедливая и необходимая мера, т. е. необходимо подвести под уголов-

¹ П. С. Дагель, Основания установления уголовной наказуемости деяний, «Ученые записки ДВГУ» (Серия общественных наук), Владивосток, 1961, стр. 186. См. также: А. А. Фефелов, Понятие и система принципов советского уголовного права, Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1970, стр. 89; Е. Г. же, Критерии установления уголовной наказуемости, «Советское государство и право», 1970, № 11, стр. 103.

² См.: Пределы уголовной репрессии, «Социалистическая законность», 1972, № 11, стр. 77.

³ См.: И. М. Эпельбейм, Уголовное законодательство в области безопасного ведения горных работ в СССР и вопросы его унификации, сборник «Экономика и право», вып. IV, Алма-Ата, 1969, стр. 261.

ное наказание как меру государственного принуждения базу убеждения¹.

Подавляющая часть населения оценивает общественную опасность исследуемых преступлений в зависимости от последовавшего за ними результата. В этом убеждают материалы выборочного (раздаточного) анкетирования 1851 гражданина — жителей г. Новосибирска². Среди анketируемых были рабочие завода «Электросигнал», железнодорожники, в том числе машинисты и помощники машинистов электропоездов, шоферы, трактористы, инженерно-технические работники, студенты вузов и техникумов, врачи, военнослужащие, научные работники СО АН СССР и др.

В вводной части анкеты наряду с обращением и информацией о целях исследования был приведен следующий казус: шофер, развив недозволенную скорость на улице города, по неосторожности сбил пешехода. При этом назывались следующие варианты ситуации: а) обычная, б) осложненная нетрезвым состоянием водителя, в) осложненная неосторожностью потерпевшего.

В основной части анкеты были поставлены «закрытые» вопросы, в формулировках которых содержались варианты возможных ответов: предлагалось отметить ту меру наказания, которую респондент считал необходимым применить к водителю автомашины, причинившему в указанных обстоятельствах а) смерть, б) тяжкие, в) менее тяжкие телесные повреждения.

Анкету завершали вопросы об образовании и специальности респондента.

Для обеспечения надежности опроса был использован метод «дробных массивов», разработанный новосибирским социологом В. З. Коганом: сформированный массив анкет был разделен на четыре подмассива, каждый из которых просчитывался отдельно, а результаты обсчета подвергались сравнению. При этом выявилось, что итоги обсчета по каждой из частей мало отличаются от общих результатов (по одним и тем же показателям они состав-

¹ «Возможна такая ситуация, — пишет М. И. Ковалев, — (крайне редкий в наших условиях случай), когда культурное, нравственное развитие многих людей еще не достигло того уровня, при котором их правосознание рассматривало бы данное действие столь общественно опасным, что требовало наказуемости за него в каждом конкретном случае» (М. И. Ковалев, Советское уголовное право (Курс лекций), вып. 1, Свердловск, 1971, стр. 75).

² Выборочные опросы применяются в подавляющем большинстве социальных исследований (См.: Б. Грушин, Свободное время. Актуальные проблемы, М., изд-во «Мысль», 1967; А. Харчев, С. Голод, Профессиональная работа женщины и семья, М., изд-во «Наука», 1971; Лекции по методике конкретных социальных исследований, М., изд-во МУ, 1972).

ляли, например, 8,5% и 8,7%, 23,5% и 23,2%, 35,8% и 35,3%. Это дало основание считать, что в данном случае выявлена тенденция, которая может репрезентировать мнение значительно большего числа лиц, чем выборочная совокупность. Результаты подсчета (см. таблицу 1) свидетельствуют о том, что для подавляющей части опрошенных решающим фактором при оценке степени общественной опасности нарушения правил безопасности движения в одной и той же ситуации) была тяжесть наступивших вредных последствий.

В частности, за применение к водителю автомашины, причинившему потерпевшему в результате нарушения правил безопасности движения тяжкие телесные повреждения, наказания в виде лишения свободы на срок от семи до десяти лет высказался 1% респондентов, а за применение такого же наказания к водителю, причинившему смерть, — 26,7%; за применение тех же мер наказания к водителю, учинившему аналогичное нарушение в нетрезвом состоянии, высказались соответственно 0,4% и 80,5% опрошенных.

Представляет интерес оценка степени общественной опасности указанных преступлений отдельными группами населения (исследовались 682 анкеты, заполненные рабочими; 439 — заполненные ИТР, 160 — заполненные шоферами-трактористами, 210 — служащими, 80 — преподавателями вузов, врачами, журналистами и научными работниками, 272 — студентами вузов и техникумов). Если каждую из названных цифр принять за 100, то мнение лиц, входящих в соответствующие группы (мы взяли крайние ситуации), выглядит следующим образом (см. таблицу 2).

Указанные цифры свидетельствуют о том, что установление уголовной ответственности за нарушение правил безопасности движения транспорта, безотносительно к тяжести последствий, противоречило бы карательным возможностям Советского государства и правосознанию большинства советских граждан.

Следовательно, включение в нормы о преступлениях в области использования техники указания на дополнительный объект дает возможность дифференцировать нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, а равно иные нарушения норм безопасности на уголовно наказуемые и уголовно ненаказуемые в формах, не нарушающих основные принципы советского уголовного права и, в частности, принцип неотвратимости наказания и равенства граждан перед законом — дифференцирующие («селекционные») функции дополнительного объекта.

19. В эпоху примитивной ручной техники технические («технико-юридические») нормы носили эмпирический, неразвитый характер, нередко составляли тайну ремесла и не были доступны внешнему контролю. «Крупная промышленность разорвала завесу, которая

Таблица 1.

Мнение опрошенных лиц о виде и мере уголовного наказания, которое они считали бы справедливым применить к водителю автомашины, нарушившему правила безопасности движения, %

Вид нарушений	Характер вредных последствий	Виды наказаний						Всего
		Лишение свободы					ИТР	
		1	1-3	3-5	5-7	7-10		
Нарушение правил движения без отягчающих и смягчающих обстоятельств	смерть	1,5	8,5	23,5	35,8	26,9	3,7	100
	тяжкие телесные повреждения	8,2	25,0	35,0	22,2	5,3	3,3	100
	менее тяжкие телесные повреждения	18,8	34,4	14,6	3,6	1,0	28,3	100
Нарушение правил движения нетрезвым водителем	смерть	0,4	1,1	4,8	13,1	80,5	0,1	100
	тяжкие телесные повреждения	1,2	4,2	16,1	47,4	30,7	5,9	100
	менее тяжкие телесные повреждения	5,8	18,6	35,7	24,2	9,6	4,3	100
Нарушение, осложненное неосторожностью потерпевшего	смерть	14,5	34,3	25,9	9,3	2,7	13,2	100
	тяжкие телесные повреждения	27,9	30,9	11,0				
	менее тяжкие телесные повреждения							

Таблица 2.

Мнения отдельных групп населения о виде и мере уголовного наказания, подлежащего применению к водителю автомашины, нарушившему правила безопасности движения

Нарушение без отягчающих и смягчающих обстоятельств

	Группы населения											
	Рабочие		Шоферы и трактористы		И Т Р		Служащие		Студенты вузов и техникумов		Преподаватели вузов, научные работники, врачи	
	1 г. л. св.	7—10 л. св.	1 г. л. св.	7—10 л. св.	1 г. л. св.	7—10 л. св.	1 г. л. св.	7—10 л. св.	1 г. л. св.	7—10 л. св.	1 г. л. св.	7—10 л. св.
А	1,8	23,3	0,6	15,0	1,5	37,9	0,9	26,6	0,7	32,0	6,2	46,2
Б	20,7	1,3	27,6	—	16,6	1,3	15,0	0,5	22,3	2,3	14,8	2,7
	<i>Нарушение, учиненное нетрезвым водителем</i>											
А	0,3	79,8	0,7	78,5	0,6	82,8	1,0	79,4	—	86,0	—	78,4
Б	6,9	8,3	7,1	7,6	4,2	10,8	8,6	12,5	3,0	8,7	18,4	18,4
	<i>Нарушение, осложненное неосторожностью потерпевшего</i>											
А	11,2	2,1	8,2	0,7	11,4	1,8	16,2	9,5	14,4	—	9,6	6,0
Б	7,0	0,2	21,6	—	13,0	0,2	18,4	—	17,8	—	18,1	—

Примечание: А — последствия в виде причинения смерти;

Б — последствия — менее тяжкие телесные повреждения.

скрывала от людей их собственный общественный процесс производства и превращала различные стихийно обособившиеся отрасли производства в загадки... Пестрые, внешне лишённые внутренней связи и окостеневшие виды общественного процесса производства разложились на сознательно планомерные, систематически расчленённые, в зависимости от желаемого полезного эффекта, области применения естествознания»¹.

В предшествующий период технические нормы не были эффективными и не могли использоваться в качестве «шаблона» при решении вопроса о правомерности или неправомерности действий лиц, управляющих техникой либо обслуживающих таковую. В этих условиях решающим было не соблюдение технических правил, а достижение неопределённым путём охранительного результата.

Это иллюстрируют нормы русского дореволюционного уголовного права. Статья 1085 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. (в редакции 1903 г.) определяла состав железнодорожного преступления как заведомое совершение «неправильных при эксплуатации действий, последствием которых, хотя и неожиданным, было причинение кому-либо смерти или повреждения в здоровье», а также как умышленное неисполнение лицами «возложенных на них обязанностей, сопровождавшееся означенными последствиями». При этом сенат в своей практике неоднократно подчеркивал, что для применения данной статьи «достаточно установить, что действие железнодорожного служащего не соответствовало общим требованиям безопасности или что он не выполнил обязанности, вытекающей из самой его должности»; что статья не требует, чтобы предусмотренные ею «совершение» и «неисполнение» нарушали какие-либо специальные, изданные министерством путей сообщения правила².

Успехи естествознания позволили заменить несовершенные, полученные эмпирическим путём правила безопасности системой научно обоснованных, формально-определённых правил. Например, на основе исследований Н. Д. Зелинского в годы первой мировой войны были разработаны меры индивидуальной защиты при работе с опасными газами и парами. Теоретические исследования воспламенения веществ дали возможность Н. Н. Семенову и Я. Б. Зельдовичу и другим учёным создать общую теорию горения, на основе которой разработаны меры безопасности при применении взрывчатых и легко воспламеняющихся веществ. В результате пе-

пользования открытий А. Беккереля и П. Кюри были созданы правила безопасной работы с радиоактивными веществами. Труды И. И. Стекольниковой дали эффективные средства грозозащиты.

Правила, созданные на основе этих открытий, — ориентиры в способах безопасного использования техники, позволяют составить полный перечень общественно опасных форм взаимодействия человека и техники¹.

§ 3. КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОРИИ И ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНИКИ

1. В первые годы Советской власти преступления в области использования техники не занимали заметного места в структуре преступности. Слабость технического парка² определяла неразвитость общественных отношений, опосредующих подержание режима безопасности в сфере использования техники и позволяла осуществлять охрану этих отношений нормами УК, рассчитанными на борьбу с иными преступлениями.

С развитием техники, стоящей на вооружении социалистического общества, значение соответствующих отношений резко возрастает. Так, например, в 1973 г. промышленностью было выпущено

¹ «Если преступное деяние образуется из определенного элементарного движения, или системы телодвижений человека, или четко очерченного поведения, строго фиксированного способа (способов) действия, то в этом случае полезны и необходимы формальные критерии описания преступления». (М. И. Ковалев, Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе, «Советское государство и право», 1973, № 11, стр. 72).

² В 1928 г. в стране было, например, лишь 11 402 исправных автомобилей. (См.: А. Д. Абрамович, Краткий очерк развития автомобильной промышленности и автомобильного транспорта в СССР, М., 1958, стр. 5); 27 тысяч тракторов (См.: Народное хозяйство СССР в 1961 г. (Статистический ежегодник), М., Госстатиздат, 1962, стр. 227). Мощность электростанций была равна в том же году 1,9 млн. квт. (См.: Народное хозяйство СССР в 1970 г. (Статистический ежегодник), М., изд-во «Статистика», 1971, стр. 179); в промышленности было занято 3124 тыс. рабочих и служащих и 119 тыс. инженерно-технических работников. (См. Промышленность СССР (Статистический сборник), М., изд-во «Статистика», 1964, стр. 84).

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 497.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г., СПб, 1910, стр. 363.

1 млн. 602 тыс. автомобилей и 500 тыс. тракторов, произведено 915 млрд. квт электроэнергии¹, энерговооруженность труда возросла в 1971 г. по сравнению с 1913 г. в 27 раз, а электровооруженность труда — в 44 раза².

Сейчас уже не существует социальных связей, в той или иной мере не сопряженных с отношениями по использованию техники. По мере дальнейшего научно-технического прогресса, вовлечения в управление техникой все более широких контингентов, увеличения масштабов и сложности такого управления значение данных отношений будет возрастать. В такой же мере будет увеличиваться значение уголовноправовой охраны данных отношений.

2. Новые виды техники вызывают к жизни новые правила по технике безопасности; развитие и стабилизация на базе этих норм отношений общественной безопасности влекут появление новых уголовноправовых норм о посягательствах на общественную безопасность. Таким образом, формирование норм о преступлениях в области использования техники, опосредующее отделение ответственности за соответствующие преступления от ответственности за традиционные преступления (против личности и против собственности), имеет определенное направление, характеризуется определенными закономерностями, поддается, следовательно, объяснению и требует такового.

Если УК РСФСР 1922 г. предусматривал преступления в области использования техники **шестью** нормами³, УК РСФСР 1926 г. на момент издания содержал **семь**⁴, а на момент отмены — два-

¹ См.: «Правда», 1974, 26 января.

² См.: Народное хозяйство СССР. 1922—1972 гг. (Юбилейный статистический ежегодник), М., изд-во «Статистика», 1972, стр. 110.

³ Нарушение нанимателем Кодекса законов о труде — ч. 1 ст. 132; то же нарушение в отношении группы рабочих — ч. II ст. 132; заведомое поставление работающего в опасные условия работы — ст. 156; неисполнение или нарушение строительных, санитарных и противопожарных правил — ст. 217; неисполнение или нарушение правил, установленных для охраны порядка безопасности движения по сухопутным, водным и воздушным путям — ст. 218; нарушение правил об установке механических двигателей — ст. 221.

⁴ Нарушение строительных, санитарных или противопожарных правил — чч. I и II ст. 108; нарушение нанимателем законов, регулирующих применение труда, — чч. I, II, III и IV ст. 133; нарушение правил об установке механических двигателей — ст. 189.

дцать одну такую норму¹, то УК РСФСР 1960 г. при вступлении в силу содержал двадцать четыре², а в настоящее время содержит тридцать одну норму о преступлениях в области использования техники — нарушение правил международных полетов — ст. 84; нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта — чч. I и II ст. 85; повреждение путей сообщения и транспортных средств — ст. 86; нарушение правил охраны труда — чч. I, II и III ст. 140; нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта лицом, управляющим транспортными средствами, — чч. I, II и III ст. 211; управление транспортными средствами в состоянии опьянения — чч. I и II ст. 211-1; выпуск в эксплуатацию технически неисправных транспортных средств — ст. 211-2; нарушение действующих на транспорте правил — ст. 213; самовольная без надобности остановка поезда — чч. I и II ст. 213-1; угон воздушного судна — чч. I, II и III ст. 213-2; нарушение правил безопасности горных работ — чч. I и II ст. 214; нарушение правил при производстве строительных работ — чч. I и II ст. 215; на-

¹ Разрушение или повреждение железнодорожных и иных путей сообщения — ст. 59-3б; нарушение работниками транспорта трудовой дисциплины — чч. I и II ст. 59-3в; нарушение работниками гражданской авиации служебных обязанностей — ст. 59-3 г; нарушение правил о международных полетах — ст. 59-3 л; нарушение правил об охране порядка и безопасности движения — ст. 75-1; нарушение правил о предупреждении столкновения судов на море — ст. 75-2; нарушение правил об охране порядка и безопасности воздушных передвижений — ст. 75-4; нарушение строительных, санитарных или противопожарных правил — чч. I и II ст. 108; нарушение правил безопасности во взрывоопасных цехах — чч. I, II, III и IV ст. 108-1; нарушение нанимателем законов, регулирующих применение труда, — чч. I, II, III и IV ст. 133; пересылка по почте и другими способами огнестрельного оружия, взрывчатых и легко воспламеняющихся веществ, а также едких кислот и других едких веществ — чч. II и III ст. 182; нарушение правил об установке механического двигателя — ст. 189.

² Нарушение правил международных полетов — ст. 84; нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта — чч. I и II ст. 85; повреждение путей сообщения и транспортных средств — ст. 86; нарушение правил охраны труда — чч. I, II и III ст. 140; нарушение правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта или городского электротранспорта — чч. I и II ст. 211; нарушение правил безопасности движения автотранспорта лицом, не являющимся работником автотранспорта, — чч. I и II ст. 212; нарушение действующих на транспорте правил — ст. 213; нарушение правил безопасности горных работ — чч. I и II ст. 214; нарушение правил при производстве строительных работ — чч. I и II ст. 215; нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях и во взрывоопасных цехах — чч. I и II ст. 216; нарушение правил хранения, использования, учета или перевозки взрывчатых и радиоактивных веществ — чч. I и II ст. 217; незаконная пересылка легко воспламеняющихся или едких веществ — ст. 220; нарушение правил вождения или эксплуатации машин — ст. 252; нарушение правил полетов или подготовки к ним — ст. 253; нарушение правил кораблеводства — ст. 254.

рушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях и во взрывоопасных цехах — чч. I и II ст. 216; нарушение правил хранения, использования, учета, перевозки взрывчатых и радиоактивных веществ или пиротехнических изделий — чч. I и II ст. 217; незаконная пересылка легко воспламеняющихся или едких веществ — ст. 220; нарушение правил вождения или эксплуатации машин — ст. 252; нарушение правил полетов или подготовки к ним — ст. 253 и нарушение правил кораблевождения — ст. 254. Примерно те же нормы содержатся в УК других союзных республик.

3. Ведущее место в ряду указанных норм занимали и продолжают занимать нормы о преступлениях на транспорте, известные советскому уголовному праву еще до его кодификации¹.

УК РСФСР 1922 г. связывал состав транспортного преступления с тем, что мы бы назвали «внешним» посягательством на безопасную работу транспорта — неисполнение или нарушение правил, установленных для охраны порядка и безопасности движения по сухопутным, водным и воздушным путям (ст. 218).

К лицам, виновным в причинении смерти, телесных повреждений в результате нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, применялись статьи о преступлениях против личности и статьи о должностных преступлениях².

В 1931 г. в уголовное законодательство был введен состав: нарушение работниками транспорта трудовой дисциплины, повлекшее или способное повлечь повреждение или уничтожение подвижного состава, пути и путевых сооружений, либо несчастные случаи с людьми, несвоевременную отправление поездов и судов, скопление на местах выгрузки порожняка, простой вагонов и судов — ст. 17-3 Положения о преступлениях государственных³.

В 1932 г. Президиум Верховного Суда РСФСР указал на возможность применять ст. 59-3 УК РСФСР к работникам городского транспорта, когда их недобросовестное отношение к своим обязанностям повлекло за собой исключительно тяжелые последствия⁴.

¹ См., например, Положение о революционных трибуналах 1920 г. (СУ РСФСР, 1920, № 21); Декрет СНК РСФСР от 10 июня 1920 г. «Об автодвижении по городу Москве и ее окрестностям» («Известия», 1920, 19 июня); Декрет СНК РСФСР от 17 января 1921 г. «О воздушных передвижениях» (СУ РСФСР, 1921, № 6).

² См., например, «Судебная практика Верховного Суда РСФСР», 1931, № 1, стр. 17, 18; «Судебная практика Верховного Суда РСФСР», 1931, № 6, стр. 15—16; «Судебная практика Верховного Суда РСФСР», 1931, № 2, стр. 12—13.

³ СЗ СССР, 1931, № 4, ст. 44.

⁴ Протокольное постановление № 6 от 22 февраля 1932 г. «О квалификации аварий на городском транспорте, вызываемых халатным отношением вагоновожатых и шоферов», «Советская юстиция», 1932, № 10, стр. 35.

Процесс «расщепления» ответственности за неосторожность на ответственность за «обычные» неосторожные преступления и за неосторожные преступления, связанные с причинением вреда при применении транспорта, был продолжен в постановлениях 37 и 38 Пленумов Верховного Суда СССР от 28 мая и 25 июля 1932 г.

В первом постановлении было предложено применять к работникам автотранспорта и городских железных дорог, виновным в авариях, 1) явившихся результатом простой неосторожности, — статьи о неосторожном причинении смерти или увечья; 2) последовавших в результате явно небрежного и недобросовестного отношения указанных лиц к своей работе и повлекших за собой серьезные последствия, — ст. 111 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик; 3) повлекших за собой массовые человеческие жертвы, гибель ценного имущества и другие исключительно тяжелые последствия, — ст. 59-3в УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик со ссылкой на аналогию¹. Во втором Пленум Верховного Суда СССР предложил применять ст. 17-3 Положения о преступлениях государственных к работникам гражданской авиации, виновным в нарушениях трудовой дисциплины, повлекших последствия, указанные в данной статье².

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1935 г. это преступление было выделено в самостоятельный состав — ст. 17-4 Положения о преступлениях государственных³.

В последующем 56 Пленум Верховного Суда СССР указал на необходимость применять ст. 59-3в УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик к работникам автотранспорта и городских железных дорог и в случаях, предусмотренных п. 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 26 мая 1932 г., причем не по аналогии, а прямо⁴.

В постановлении от 15 сентября 1950 г. «О квалификации преступлений, связанных с нарушением правил движения на автотранспорте» Пленум Верховного Суда СССР обязал суды применять ст. 59-3в УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик ко всем работникам транспорта, виновным в на-

¹ См.: Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного Суда СССР, М., Юриздат, 1936, стр. 43.

² См.: Сборник постановлений и разъяснений Верховного Суда Союза ССР, М., Госиздат, 1936, стр. 43—44.

³ СЗ СССР, 1935, № 43, ст. ст. 395а и 396б.

⁴ См.: Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного Суда СССР, М., 1941, стр. 41.

рушении правил движения, повлекшем за собой несчастные случаи с людьми или иные тяжкие последствия¹.

Водители автотранспорта были дифференцированы на работников транспорта и водителей-непрофессионалов. К первым в указанных случаях применялись статьи о преступлениях на транспорте, ко вторым — статьи о преступлениях против личности или ст. 75-1 и соответствующие статьи УК других союзных республик.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 14 января 1958 г. все водители автомашин, виновные в нарушениях правил движения, повлекших аварии, несчастные случаи с людьми и другие тяжкие последствия, наказывались лишением свободы на срок до десяти лет. Те же нарушения, носившие явно злостный характер, должны были караться по ч. II ст. 59-3в².

Большая часть УК союзных республик, принятых в 1959—1961 гг., продолжила деление автотранспортных преступлений на преступления, совершаемые работниками транспорта, и преступления, учиняемые водителями-непрофессионалами.

Постановлением от 30 марта 1963 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта или городского электротранспорта» Пленум Верховного Суда РСФСР предложил квалифицировать нарушения правил безопасности движения, повлекшие несчастные случаи с людьми или другие тяжкие последствия, трактористами, водителями дорожных и других самоходных машин по ст. 211 УК РСФСР³.

Начиная с 1968 г. УК всех союзных республик содержат один «укрупненный» состав автотранспортного преступления — нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта любым лицом, фактически управляющим автотранспортным или городским электротранспортным средством, трактором или иной самоходной машиной⁴.

Рассмотренный процесс вернул водителям транспорта равенство перед уголовным законом, «нарушенное» ст. 17-3 Положения о преступлениях государственных. Однако если прежде это равен-

ство состояло в том, что за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, повлекшее тяжкое последствие, водители транспорта несли ответственность по статьям о преступлениях против личности, то в настоящее время все они несут в соответствующих случаях ответственность по статьям о преступлениях на транспорте.

Таким образом, процесс противоположения уголовной ответственности за транспортные преступления ответственности за преступления против личности и против собственности закончен.

4. УК РСФСР 1922 г. включал нормы о преступном нарушении правил охраны труда (ст. ст. 132 и 156) и нормы о неисполнении или нарушении строительных, санитарных и противопожарных правил при производстве строительных работ (ст. 217).

В УК РСФСР 1926 г. нормы о преступном нарушении правил охраны труда были объединены в одну статью (133). В статью о нарушении правил безопасности при производстве строительных работ было включено указание о нарушении тех же правил при производстве горных работ (108). В последующем УК был дополнен статьей о нарушении правил безопасности во взрывоопасных цехах (ст. 108-1)¹.

Статья 133 УК РСФСР 1926 г., как и ст. 156 УК РСФСР 1922 г., предусматривала нарушение правил охраны труда, в результате которого работник утратил или мог утратить свою трудоспособность. Причинение более тяжких последствий не охватывалось диспозицией данной статьи. Поэтому нарушение правил охраны труда, повлекшее смерть работника, квалифицировалось по совокупности ч. III ст. 133 и ст. 139 УК (неосторожное убийство).

В действующих УК союзных республик нарушение правил по технике безопасности, промышленной санитарии и иных правил охраны труда, повлекшее смерть или телесные повреждения, а равно утрату трудоспособности, охватывается одним составом (ч. III ст. 140).

5. Сопоставление отмеченных изменений показывает, что они носят однозначный характер — условием ответственности за неосторожное причинение вреда при применении определенных технических устройств, при проведении некоторых технологических процессов становятся не самонадеянность или небрежность, взятые, так сказать, сами по себе, а самонадеянность и небрежность, связанные с нарушением конкретных технических правил.

7. Говоря о причинах данного процесса, обычно указывают на повышенную общественную опасность неосторожности при уп-

¹ См.: Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1957 гг., М., Госюриздат, 1958, стр. 36.

² «Казахстанская правда», 1958, 27 января.

³ См.: Сборник постановлений Пленума, Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1951—1963 гг., М., изд-во «Юридическая литература», 1964, стр. 55.

⁴ См., например, Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 июня 1968 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР». (Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1968, № 26, ст. 1010).

¹ СУ РСФСР, 1935, № 21, ст. 306.

4 Заказ 3193.

равлении техническими устройствами (источниками повышенной опасности)¹. Действительно, неосторожность, «усиленная» техникой, ведет, по общему правилу, к особо тяжким последствиям. Это получает учет в нормах Особенной части уголовного права. Так, неосторожное убийство в быту карается лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до одного года (ст. 106), а неосторожное убийство в результате нарушения правил техники безопасности — лишением свободы на срок до пяти (ч. III ст. 140, ст. 213, ч. II ст. 214, ч. II ст. 215), до семи (ч. II ст. 216 и ч. II ст. 217), до восьми (ч. II ст. 213-1), до десяти (ч. II ст. 211), до пятнадцати лет (ч. I ст. 85 и ч. III ст. 211) и т. д.

Однако повышенная опасность исследуемых преступлений — важная, но не главная и тем более не единственная причина наполнения системы Особенной части УК нормами о преступлениях в области использования техники. В ином случае проблема была бы решена простым увеличением санкций за неосторожное убийство, неосторожное телесное повреждение и т. д.

Гораздо большее значение имеет развитие и совершенствование отношений общественной безопасности на базе полного и точного определения всего объема деятельности, образующей содержание данных отношений, или, что то же, внесение в эти отношения момента формальной определенности. Общее указание на запрет причинять смерть или ущерб здоровью граждан при применении машин, единственно возможное в период, когда зазор между цилиндром и поршнем паровой машины измерялся пальцем, а пригодность работника — ошупыванием его мускулов, заменяется четким программированием всего объема действий, подлежащих выполнению при эксплуатации данного вида техники в данной ситуации. Появляются четкие, научно обоснованные нормы, регламентирующие параметры машин, требования, предъявляемые деятельностью, связанной с их обслуживанием, к психофизиологическим качествам рабочего, вырабатываются методы обнаружения этих качеств и т. д. Эти нормы образуют систему четких критериев

¹ См., например, С. Я. Булатов, Указы Президиума Верховного Совета Казахской ССР об ответственности за нарушение правил движения и эксплуатации транспорта, «Правоведение», 1958, № 2, стр. 113; Н. И. Слуцкий, Рецензия на книгу А. Б. Сахарова «Уголовно-правовая охрана безопасности условий труда в СССР», «Правоведение», 1960, № 2; М. Брайнин, Как квалифицировать нарушение правил техники безопасности трактористами, «Советская юстиция», 1962, № 13; Ю. Северин, Ответственность трактористов за преступные нарушения правил безопасности движения, «Социалистическая законность», 1962, № 6; В. И. Траченко, Ответственность водителей автотранспорта за нарушение правил движения, «Советское государство и право», 1959, № 8.

должного (и возможного) поведения операторов технических систем, и обращение к ним исключает вменение ущерба, имеющего своим основанием не виновное поведение (упущения), а пороки самой техники.

«По мере развития социалистического общества, — пишет С. С. Алексеев, — происходит известное сужение пределов усмотрения правоприменительных органов, замена оценочных категорий исчерпывающим регулированием в нормативных актах»⁴.

Иными словами, в основе включения в систему Особенной части уголовного права норм о преступлениях в области использования техники лежит несколько причин: 1) появление единой системы формально-определенных масштабов поведения операторов технических систем; 2) необходимость гарантировать последних от уголовной ответственности за причинение вредных последствий при применении техники, не связанное с нарушением таких масштабов; 3) повышенная опасность данных преступлений.

Как нельзя более уместно звучат здесь известные слова Маркса о том, что законодатель не делает законов, не изобретает их, а только формулирует, «выражает в сознательных положительных законах внутреннюю законы духовных отношений»².

§ 4. СИСТЕМА И ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНИКИ

1. Сравнивая УК РСФСР 1960 г. с ранее действовавшими уголовными кодексами, легко заметить аккумуляцию норм о преступлениях в области использования техники в одной главе Особенной части УК или, по меньшей мере, тенденцию к такой аккумуляции. Если УК РСФСР 1926 г. из двенадцати статей, предусматривавших указанные преступления, в главу о нарушениях правил, охраняющих здоровье населения, общественную безопасность и порядок, включал лишь две (ст. ст. 182 и 189), или 17%, то УК РСФСР 1960 г. содержит в главе о преступлениях против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения одиннадцать статей из семнадцати, или 65%. Примерно так же выглядит соотношение указанных статей в УК других союзных республик.

¹ С. С. Алексеев, Социальная ценность права в советском обществе, стр. 101. См. также: В. Н. Кудрявцев, О программировании процесса применения норм права, «Вопросы кибернетики и права», М., изд-во «Наука», 1967, стр. 96; Е го же, Общая теория квалификации преступлений, М., изд-во «Юридическая литература», 1972, стр. 142.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 162.

2. В целом же статьи о преступлениях в области использования техники размещены в действующих УК в главе об иных государственных преступлениях, в главе о преступлениях против политических и трудовых прав граждан, в главе о преступлениях против общественной безопасности, общественного порядка, в главе о воинских преступлениях. В УК Армянской ССР, Казахской ССР и Молдавской ССР часть этих преступлений выделена в главу о преступлениях на транспорте.

Различным образом размещены соответствующие статьи внутри соответствующих глав УК союзных республик.

Это свидетельствует о недостаточной разработке системных вопросов Особенной части советского уголовного права в теории.

А. Н. Игнатов указывает на необходимость выделения в действующем УК новых глав и, в частности, глав о транспортных преступлениях и о преступлениях против здоровья населения, поскольку они имеют «особую специфику и существенно отличаются по многим признакам от других преступлений против общественной безопасности»¹. Однако в чем именно состоит эта специфика, А. Н. Игнатов не указывает.

В настоящее время к преступлениям против общественной безопасности все авторы относят деяния, предусмотренные ст. ст. 211—220, противопоставляя им преступления против общественного порядка и здоровья населения (М. А. Ефимов, П. Ф. Гришанин, А. Н. Игнатов, П. С. Матышевский, Н. Ф. Саввин) либо преступления, одновременно посягающие на общественный порядок и общественную безопасность — ст. ст. 206—210 и 226—230, и преступления против здоровья населения (Н. Ф. Кузнецова, Б. А. Куринов).

Среди преступлений, предусмотренных ст. ст. 211—220, П. С. Матышевский и А. Н. Игнатов выделяют нарушения общей и специальной безопасности, причисляя к первым деяния, касающиеся предметов, неправильное обращение с которыми грозит «неопределенно большому кругу лиц» (ст. 217—220), а ко вторым — несоблюдение особых предписаний или нарушение специальных технических правил, создающее опасность для жизни и здоровья людей, а также для имущества (ст. ст. 211—216)².

Но угрозу «неопределенно большому кругу лиц» создает любое из перечисленных преступлений. Поэтому использовать этот признак для их разграничения невозможно.

¹ А. Н. Игнатов, Совершенствование Особенной части УК РСФСР, «Советское государство и право», 1972, № 5, стр. 96.

² См.: П. С. Матышевский, Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения, стр. 10—11; Курс советского уголовного права, т. IV, стр. 308—309.

Н. Ф. Саввин дифференцирует исследуемые преступления на 1) преступные нарушения транспортных правил (ст. ст. 211—213-1), 2) преступные нарушения специальных производственных правил (ст. ст. 214—217) и 3) иные нарушения правил, направленных на охрану общественной безопасности (ст. ст. 218—220)¹. Сходным образом решает этот вопрос П. Ф. Гришанин, выделяя 1) преступления, нарушающие безопасность движения и эксплуатации транспорта (ст. ст. 211—213-1), 2) преступления, нарушающие правила безопасности при производстве общепромышленных работ (ст. ст. 214—216), и 3) иные преступления против общественной безопасности².

В отличие от Н. Ф. Саввина, П. Ф. Гришанин обоснованно относит угон автотранспортных средств не к преступлениям против общественной безопасности, а к преступлениям против общественного порядка. Угон транспорта сам по себе не создает угрозы жизни и здоровью граждан, не дезорганизует общественной безопасности. Более того, в руках опытного водителя угнанная машина может быть гораздо менее опасной, чем под управлением ее законного, но начинающего водителя. Не случайно Пленум Верховного Суда РСФСР в постановлении от 22 октября 1969 г. предложил квалифицировать угон автотранспорта, сопровождающийся нарушением правил безопасности движения, повлекшим тяжкие последствия, по совокупности ст. ст. 211 и 212-1³.

К преступлениям против общественной безопасности, связанным с нарушением правил обращения с источниками повышенной опасности, многие авторы относят и незаконное обращение с оружием (ст. ст. 218, 218-1 и 219)⁴. Такое решение вопроса вызывает возражения. Известно, что понятие «оружия» охватывает и холодное, и огнестрельное оружие. Но первое вовсе лишено свойств, характеризующих источник повышенной опасности. Таким образом, речь может идти об отнесении к названному источнику лишь огнестрельного оружия и боеприпасов — предметов, связанных с использованием сил природы. Однако в противоположность источнику повышенной опасности оружие (при соблюдении всех мер предосторожности) полностью контролируется человеком и вероятностной системой не является. Поговорка: «один раз в год

¹ См.: Уголовное право. Часть Особенная, М., изд-во «Юридическая литература», 1969, стр. 408—431.

² См.: Уголовное право. Часть Особенная, М., изд-во «Юридическая литература», 1968, стр. 467.

³ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1970, № 1, стр. 7.

⁴ См., например, Уголовное право. Часть Особенная, М., изд-во «Юридическая литература», 1968, стр. 467; Уголовное право. Часть Особенная, М., изд-во «Юридическая литература», 1969, стр. 409.

и незаряженное ружье стреляет» применима лишь к случаям небрежного обращения с ним.

Что касается боеприпасов и взрывчатых веществ, то при отнесении их к источнику повышенной опасности в качестве такового пришлось бы квалифицировать два—три патрона, горсть пороха и т. д. либо связывать составы ч. I ст. 218 и чч. I и II ст. 218-1 с изготовлением, хранением или хищением такого количества боеприпасов, которое придавало бы им значение источников повышенной опасности. Но первое противоречило бы сущности источника повышенной опасности, второе — не соответствовало назначению ст. ст. 218 и 218-1¹.

Слабая сторона предложенных классификаций — отсутствие обоснования. Можно предположить, что системообразующим признаком в группе исследуемых преступлений является их связь с использованием технических устройств, относящихся к источникам повышенной опасности. В плане этой связи указанные устройства и деятельность по использованию таких устройств предстают как нечто, опосредующее удержание сил природы в безопасном русле, а сами преступления — как акты, противодействующие такому удержанию. Соответственно **мерой повышенной опасности указанных актов определяется мерой повышенной опасности соответствующих устройств.** Указанный признак лег в основу разграничения транспортных преступлений на посягательства против основ общественной безопасности и на иные посягательства против общественной безопасности, а равно объединения в один состав нарушений правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, водного и воздушного транспорта. Он же должен быть положен в основу систематизации норм о преступлениях в области техники в пределах главы.

На первое место в ряду исследуемых преступлений следовало бы поставить нарушение норм безопасности при применении ядерного горючего и радиоактивных веществ (атомные преступления). За ними — нормы о нарушениях правил обращения со взрывчатыми, едкими и легко воспламеняющимися веществами, о нарушении правил безопасного ведения горных и строительных работ.

Однако наряду с индивидуальной опасностью отдельных преступлений следует учитывать их суммарную опасность, определяемую мерой распространенности. В этом плане на первое место надо поставить преступления на транспорте.

¹ Среди исследуемых преступлений М. А. Ефимов обоснованно выделяет нарушения 1) правил эксплуатации источников повышенной опасности и 2) правил обращения с оружием и взрывчатыми веществами и боеприпасами. (См.: М. А. Ефимов, Борьба с преступлениями против общественно-го порядка, общественной безопасности и здоровья населения, стр. 13).

С учетом изложенного система преступлений в области использования техники (учитываются существующие составы) должна выглядеть следующим образом.

I. Преступления против основ общественной безопасности:

- а) нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, водного и воздушного транспорта;
- б) нарушение правил международных полетов;
- в) повреждение путей сообщения и транспортных средств.

II. Преступления против трудовых прав граждан:

- а) нарушение правил охраны труда и техники безопасности.

III. Иные преступления против общественной безопасности:

- а) нарушение правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта, городского электротранспорта и иных самоходных машин;
- б) управление транспортными средствами в состоянии опьянения;
- в) выпуск в эксплуатацию технически неисправных транспортных средств;
- г) нарушение действующих на транспорте правил;
- д) самовольная без надобности остановка поезда;
- е) угон воздушного судна;
- ж) нарушение правил обращения с радиоактивными, взрывчатыми веществами или пиротехническими изделиями;
- з) нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах;
- и) незаконная пересылка легко воспламеняющихся или едких веществ;
- к) нарушение правил безопасности строительных работ;
- л) нарушение правил безопасности горных работ.

3. Понятие преступлений в области использования техники.

Сформулировать общее понятие преступлений в области техники — значит выявить существенные признаки последних. Решить эту задачу можно лишь в завершающей части работы. Но в предварительном, исходном варианте это определение нужно уже сейчас. «...Во всякий момент, — писал И. П. Павлов, — требуется известное общее представление о предмете, для того чтобы было, на что цеплять факты, для того чтобы было, что предполагать для будущих изысканий. Такое предположение является необходимостью в научном деле»¹.

¹ И. П. Павлов, Полн. собр. соч., т. III, кн. I, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 107. «Хотя мы и должны остерегаться, — писал по тому же вопросу известный английский ученый Дж. Дальтон, — чтобы какая-либо теория, противоречащая опыту, не ввела нас в заблуждение, все

Глава II „МЕХАНИЗМ“ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА БЕЗОПАСНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНИКИ

Понятие преступлений в области техники включает, естественно, те же признаки, что и общее понятие преступления. Особенное их состоит в связи с отношениями по использованию техники — источника повышенной опасности. Такая техника, как было уже отмечено, представляет собой мощную и относительно надежную техническую систему, способную причинять значительный вред. Средством подавления такой разрушительной потенции служат отношения, опосредующие удержание технических систем в безопасном состоянии. Преступления в области техники дезорганизуют эти отношения.

Таким образом, исследуемые преступления представляют собой общественно опасное, предусмотренное уголовным законом неиспользование либо недостаточное использование наличных возможностей охранительной техники в сфере применения технических устройств — источников повышенной опасности, выводящее технику из-под контроля человека и влекущее применение мер уголовного наказания либо взамен его на основаниях и условиях, предусмотренных уголовным законом, мер общественного воздействия.

же чрезвычайно целесообразно создавать некоторые предварительные представления о предмете нашего исследования, направляя тем самым себя по определенному пути исследования». (Дж. Дальтон, Сборник избранных трудов по атомистике, М., 1970, стр. 13).

В последних работах, посвященных проблематике объекта преступлений, объект рассматривается в качестве сложного системного явления — прослеживается связь между особенностями отдельных преступлений и нарушаемыми ими элементами объекта. Отказываясь рассматривать общественные отношения как нечто простое, внутренне недифференцированное, теория обращается к «механизму» посягательства на «сами по себе» связи людей, посредством которых реализуются отношения, на их участников и на предметы, в связи с которыми существуют те или иные связи¹.

Но «расщепление» объекта преступления на элементы не повлияло заметным образом на изучение исследуемых отношений. И сами эти отношения, и посягательства на них исследуются по-прежнему в целом.

Мы хотим отказаться от такого способа рассмотрения интересующих нас посягательств и обратиться к связи между характером отдельных преступлений в области техники и элементами нарушаемых ими отношений общественной безопасности. Но предварительно необходимо рассмотреть общие признаки последствий преступлений в области техники, общие признаки преступных действий, производящих данные последствия, особенности причинной связи между ними.

§ 1. ПОСЛЕДСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИИ В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНИКИ

1. Уже отмечалось, что признание общественной безопасности самостоятельным объектом уголовноправовой охраны «сосуществу-

¹ См., например, Б. С. Никифоров, Объект преступления по советскому уголовному праву, стр. 130—133; Е. А. Фролов, Объект уголовноправовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность, докторская диссертация, Свердловск, 1971, стр. 309.

ет» с суждением о тождестве последствий преступлений против общественной безопасности и последствий преступлений против личности и против собственности.

Об обоснование этого тождества указывают на то, что диспозиции норм о преступлениях в области техники не упоминают о дезорганизации отношений общественной безопасности. Но во многих нормах Особенной части УК не говорится и о других неизменных признаках состава — о субъекте преступления, субъективной стороне и т. д. «Элементы, которые не названы в диспозиции и потому не подлежат специальному доказыванию судом, не теряют от этого качества обязательных элементов составов преступлений»¹.

Умолчание закона об общественно опасных последствиях деяния, лежащих в одной плоскости с его объектом, — свидетельство непреложности последних, обусловленной их однозначной, «жесткой» связью с общественно опасным действием (бездействием). Таким последствием применительно к данным преступлениям является дезорганизация (нарушение) отношений общественной безопасности. «Любое правонарушение, — пишет С. С. Алексеев, — причиняет «нематериальный» вред, и этот вред состоит в том, что противоправное действие вносит дезорганизацию в общественные отношения, подрывает общественную дисциплину и авторитет права, препятствует нормальным процессам в функционировании и развитии социалистических общественных отношений»².

Причинение вреда отношениям общественной безопасности, нарушает ли оно связи людей по поводу использования техники, или влечет снижение надежности лиц, участвующих в отправлении этих связей, или вызывает разрушение механизмов и машин, ведет к снижению упорядоченности процессов, опосредующих «обмен вещами» между человеком и природой. Таково основное последствие данных преступлений, причинение же смерти, телесных повреждений, материального ущерба — их дополнительное последствие.

2. Указанным преступлениям противостоят общественно опасные деяния, последствия которых исчерпываются дезорганизацией отношений общественной безопасности (ст. ст. 84, 211-1, ч. 1 ст. 213-2 и ч. 1 ст. 216 УК). В теории их часто называют преступлениями, ставящими в опасность, либо преступлениями, создающими абстрактную опасность вредного последствия.

¹ Н. Ф. Кузнецова, Значение преступных последствий, М., Госюриздат, 1958, стр. 42.

² С. С. Алексеев, Социальная ценность права в советском обществе, стр. 57. См. также: Б. С. Никифоров, Объект преступления по советскому уголовному праву, стр. 105—106.

К преступлениям, ставящим в опасность, относят и деяния, создающие непосредственную угрозу жизни или здоровью людей либо угрожающие иными тяжкими последствиями (ч. II ст. 85, ст. 86, ч. I ст. 140 и ч. I ст. 217 УК), — преступления, создающие конкретную опасность вредного последствия.

Преступления, создающие «конкретную опасность», занимают промежуточное место между «обычными» преступлениями в области использования техники (ч. I ст. 85, ст. 86, чч. II и III ст. 140 и т. д.) и преступлениями, создающими абстрактную возможность вредного последствия. Для их наличия недостаточно установить факт нарушения правил по технике безопасности и вместе с тем не требуется доказывать причинение смерти, телесных повреждений и т. д.

В ряду деяний, создающих «конкретную опасность», УК Литовской ССР, Молдавской ССР и Эстонской ССР называют нарушение правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта и городского электротранспорта, создавшее угрозу тяжких последствий. Кроме того, эти УК выделяют поставление в опасность в результате нарушения правил безопасности при ведении горных и строительных работ.

Нет единства в решении этого вопроса и в теории уголовного права. Л. Г. Крахмальник и И. Г. Маландин — сторонники криминализации нарушений правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта, создающих угрозу несчастных случаев с людьми и иных тяжких последствий¹. И. М. Эпельбейм выступает за криминализацию тех же нарушений при ведении горных работ². Против установления уголовной ответственности за поставление в опасность в результате нарушений правил безопасности на автотранспорте выступает Б. А. Куринов, полагая 1) трудным, а полчас невозможным констатировать угрозу вредных последствий, если таковые не наступили, 2) нецелесообразным привлечение к уголовной ответственности за поставление в опасность в результате указанного нарушения³.

Представляется, однако, что на практике установить опасную ситуацию во многих случаях не менее легко, чем фиксировать фактическое причинение вредных последствий. При обследовании, на-

¹ См.: Л. Г. Крахмальник, И. Г. Маландин, Об уголовной ответственности за автотранспортные преступления, «Правоведение», 1964, № 3, стр. 115.

² См.: И. М. Эпельбейм, Уголовное законодательство в области безопасности ведения горных работ в СССР и вопросы его унификации, стр. 257.

³ См.: Б. А. Куринов, Автотранспортные преступления, стр. 32—47.

пример, состояния техники безопасности на шахте № 19 треста «Ленинуголь» Карагандинского бассейна в одном из забоев была обнаружена концентрация метана в 3,2% при допустимой норме в 1%. Такая концентрация газа создавала реальную возможность взрыва¹. С такой же легкостью может быть обнаружено повышение уровня радиации в результате разгерметизации контейнера с радиоактивными веществами; возможность пожара при повышении температуры в помещении с легко воспламеняющимися веществами и т. д. По мере дальнейшего научно-технического прогресса такие возможности будут возрастать. Что касается ссылки на нецелесообразность привлечения к уголовной ответственности за поставление в опасность, то криминализация всех нарушений правил техники безопасности противоречит, как было отмечено, принципу неотвратимости наказания и сложившемуся правосознанию советских граждан. Но нельзя не учитывать и того, что при самонадеянности деятель рассчитывает на предотвращение вреда. Поэтому удерживающего мотива в отношении действий, объективно способных причинить вред, у него нет. Установление уголовной ответственности за поставление в опасность в результате нарушения норм предосторожности стимулировало бы этот мотив².

Ответственность за поставление в опасность, являя в конечном счете ответственность за беспоследственную неосторожность—за нарушение правил безопасности, не повлекшее причинения вреда, встречается довольно редко в советском уголовном праве, ибо оно несовместимо с принципом экономии репрессии. Связывать уголовную ответственность с любым проявлением неосторожности — значило бы беспредельно расширять сферу преступного и уголовно наказуемого. Законодатель не идет по этому пути, но устанавливает уголовную ответственность за поставление в опасность при обстоятельствах, требующих от граждан особой внимательности и осторожности, и, в частности, при применении источников повышенной опасности.

¹ См.: И. М. Эпельбейм, Уголовное законодательство в области безопасности ведения горных работ в СССР и вопросы его унификации, стр. 257.

² См.: М. Када р, Неосторожная вина и ответственность за преступления, совершенные по неосторожности, «Вопросы уголовного права стран народной демократии», М., Изд-во иностранной литературы, 1963, стр. 255—256; Л. И. Зимонт, Н. И. Карасина, Усиление ответственности в области охраны труда, «Советское государство и право», 1972, № 3, стр. 46.

Дискуссионным является вопрос, следует ли пополнять уголовное законодательство лишь казуистическими, специальными составами создания опасности, т. е. составами, в которых предусмотрен способ действия, или же, не отказываясь от введения в наиболее важных случаях специальных составов, предусмотреть наряду с ними и общие составы создания опасности¹.

Выступая против казуистического метода образования таких составов, Т. В. Церетели ссылается на то, что 1) при таком методе могут остаться не предусмотренными определенные способы действия, которые содержат не меньшую, если не большую опасность для важных интересов, чем способы, предусмотренные в законе, 2) чисто казуистический метод построения составов создания опасности привел бы к гипертрофии уголовных кодексов. Соответственно она полагает, что наряду с сохранением специальных составов для случаев, которые следовало бы особо выделить по значению, мощности и распространенности некоторых источников опасности, целесообразно предусмотреть и общий состав создания опасности².

Таким образом, речь идет об общем составе поставления в опасность как о чем-то отличном от поставления в опасность в связи с использованием мощных и распространенных источников опасности. В таком значении общий состав поставления в опасность не имеет отношения к рассматриваемой проблеме. К этому следует добавить, что там и постольку, где и постольку речь идет о применении мощных источников опасности, нет места для «неписаных норм предосторожности» — все манипуляции с такими источниками волнуют полную и детальную регламентацию.

С нашей точки зрения, состав общей опасности должен охватывать прежде всего поставление в опасность в связи с использованием техники.

В этой связи приобретают значение факторы, которые могут служить ориентирами при определении уголовно наказуемого поставления в опасность. Общесоюзное и республиканское уголовное законодательство относят к условиям ответственности за поставление в опасность а) заведомость — ст. 85 УК и соответствующие статьи УК других союзных республик, ч. I ст. 136 УК Киргизской ССР, ч. I ст. 233 УК Молдавской ССР, ч. I ст. 142 УК Узбекской ССР, ч. I ст. 218 и ч. I ст. 219 Украинской ССР; б) за ве-

¹ См.: Т. В. Церетели, Деликты создания опасности, стр. 63; П. С. Дагел ь, Задачи борьбы с неосторожными преступлениями, «Проблемы Советского государства и права», № 1—2, Иркутск, 1972, стр. 63; П. С. Дагел ь, Применение огнестрельного оружия, создающее опасность для жизни людей, должно быть наказуемо, «Советская юстиция», 1967, № 18.

² См.: Т. В. Церетели, Деликты создания опасности, стр. 63.

домость и повторность — ч. I ст. 206 УК Эстонской ССР; в) заведомое создание серьезной опасности и повторность нарушения — ч. I ст. 241 УК Грузинской ССР.

Таким образом, составы поставления в опасность могут быть дифференцированы на следующие виды:

а) связанные с созданием **абстрактной** возможности вредного последствия (имеются в виду дополнительные последствия — смерть, телесные повреждения, материальный ущерб и т. д.);

б) связанные с созданием **конкретной** опасности вредного последствия;

в) связанные с **заведомым** созданием **конкретной** опасности вредного последствия;

г) связанные с **заведомым** повторным созданием **конкретной** опасности вредного последствия;

д) связанные с **заведомым** повторным созданием **серьезной** опасности вредного последствия.

В конечном итоге речь идет о путях, позволяющих обойтись без криминализации **всех** нарушений правил по технике безопасности и в то же время дающих возможность подвергнуть уголовной каре особо нетерпимые нарушения правил техники безопасности, хотя бы и не завершившиеся причинением смерти, телесных повреждений и т. д. Важно лишь подчеркнуть, что, говоря о создании абстрактной и реальной опасности вредного последствия, не следует забывать, что ему сопутствует фактическое нарушение общественных отношений, обеспечивающих поддержание режима безопасности в сфере взаимодействия человека и техники. **Посягая на «свой», специфический объект, преступления в области техники характеризуются и своими, лежащими в одной плоскости с этим объектом последствиями — снижением безопасного функционирования технических систем — источников повышенной опасности.**

Действия, опосредующие такую дезорганизацию, — суть сигнальные или управляющие действия. С исследования их и необходимо начать рассмотрение «механизма» преступных посягательств на отношения общественной безопасности.

§ 2. ПРЕСТУПНЫЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

1. В плане физическом действие человека являет собой акт, опосредующий перенос энергии и перевод предметов, к которым оно прилагается, в новое состояние, а равно их перемещение в пространстве.

Биологически-значимое действие включает и другое свойство — способность обеспечивать организму приспособительный эффект, позволяющий ему утверждать и сохранять себя во внешнем мире — конструктивная и охранительная функции действия¹.

В отличие от непосредственно-исполнительного действия, прилагаемого прямо к изменяемому предмету, сигнальное действие адресуется к органам управления машины-двигателем. Последний имеет в своем составе «клапан», который открывает или закрывает путь большому количеству энергии либо изменяет направление ее воздействия на объект, требуя для своего «срабатывания» малого количества энергии (электронные лампы, реле, контакторы, выключатели, дроссельные заслонки двигателей внутреннего сгорания и т. д.). Все устройства подобного рода можно рассматривать как усилители, которые получают на «вход» слабое воздействие, а на «выход» дают действие неизмеримо большей силы.

2. В теории продолжает быть предметом дискуссий вопрос о том, является ли действие сил природы и механизмов, используемых человеком, действием человека или выходит за пределы такового.

По мнению Н. Д. Дурманова, действие, образующее преступление, «охватывает собою не только телодвижения человека, но и те силы, которыми он пользуется, и те закономерности, которые он использует»². «При установлении причинной связи между действиями человека и последствиями этих действий, — пишут М. И. Ковалев и П. Т. Васильков, — надо всегда иметь в виду, что причиной выступает не только непосредственное телодвижение человека как живого существа, но и сознательно использованное им действие орудий, объективных закономерностей, механизмов и иных обстоятельств»³.

¹ См.: Ж. М. Фаверж, Оператор с двойной функцией, «Вопросы психологии», 1968, № 4, стр. 22; Н. А. Бернштейн, На путях к биологии активности, «Вопросы философии», 1965, № 10, стр. 69; П. К. Анохин, Биология и нейрофизиология условного рефлекса, М., изд-во «Медицина», 1968, стр. 15.

Организирующая функция действия не опровергается случаями, при которых его целью является разрушение какой-либо структуры: снос строения, подрыв моста, взлом сейфа и т. д. В этих случаях разрушительный момент выступает в качестве подчиненного процесса, призванного обеспечить другие, более важные для субъекта изменения. (См.: В. А. Бокарев, Объем и содержание понятия «управление», «Вопросы философии», 1966, № 10, стр. 52).

² Н. Д. Дурманов, Понятие преступления, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1948, стр. 54; См. также: Курс советского уголовного права, т. II, стр. 146.

³ М. И. Ковалев, П. Т. Васильков, Причинная связь в уголовном праве, М., Госюриздат, 1958, стр. 43.

Иначе считает Н. Ф. Кузнецова, полагая неправильным «включать в понятие действия силы, которые использует лицо в своей деятельности, а тем более закономерности объективного мира. Действия человека зависят от его воли, закономерности же внешнего мира от воли и сознания человека независимы»¹. Так, ни само оружие, ни взрыв пороха при убийстве огнестрельным оружием не становятся частью именно человеческого действия, которое ограничивается сознательным телодвижением или воздержанием от него.

С точки зрения В. Н. Кудрявцева, «необходимо различать собственное действие человека и действие технических средств или иных сил, им использованных... Преступное действие заканчивается теми движениями, посредством которых человек воздействует на указанные силы и средства (сталкивает жертву под поезд; нажимает спусковой крючок пистолета; включает аппарат при изготовлении самогона и т. п.), дальнейшая же работа механизмов, действие сил природы или поведение третьих лиц, использованные преступником, являются продолжением объективной стороны преступления, часто уже не зависящим от воли субъекта, и охватываются понятием причинной связи между действием и вредным последствием»².

Представляется, что указанный вопрос не поддается однозначному решению, существенно следующее: контролирует ли человек развязанный им ход событий с использованием сил природы или утрачивает этот контроль. В последнем случае действие заканчивается телодвижением, которым человек открывает путь для действия сил природы (сбрасывает жертву под поезд, нажимает спусковой крючок пистолета и т. п.). В первом же случае силы природы действуют под его (человека) контролем и, не отличаясь от его естественных сил, входят в содержание действия. Человек «предоставляет природе мучиться, спокойно наблюдает и малым усилием управляет целым»³.

В этом плане нет разницы между действием, скажем, «собственной» руки человека и действием искусственной руки, управляемой электромотором; между действием руки и действием манипулятора, точно воспроизводящим движение руки; между действием руки и действием гидравлической системы, управляющей рулями самолета, рулями морского и речного судна, стрелой экскаватора и т. п.

¹ Н. Ф. Кузнецова, Значение преступных последствий, стр. 11—12.

² В. Н. Кудрявцев, Объективная сторона преступления, стр. 78.

³ Гегель, Работы разных лет, т. I, стр. 307.

Иными словами, действия систем «человек — машина», «человек — предмет природы» могут быть дифференцированы на действия, 1) которыми человек лишь освобождает (развязывает) силы природы, 2) которыми освобождаемые силы природы вводятся в русло необходимого, с точки зрения субъекта, контроля и изменяют предмет в пределах, угодных субъекту. Преступления в области техники — суть действия первого вида, опосредуемые неосторожностью виновного лица.

3. На основе разного эффекта непосредственно-исполнительного и сигнального действия В. Н. Кудрявцев удачно решает старый вопрос о причиняющей силе бездействия.

Бездействие, в механическом значении этого слова, являя противоположность действию — источнику энергии, лишено причиняющей способности. В отличие от него бездействие-сигнал выполняет ту же функцию, что и сигнальное действие, т. е. несет информацию, и в этом плане его причиняющая сила не отличается от причиняющей силы бездействия¹. Так, перевод стрелки в новое положение — сигнал, вызывающий движение поезда в некотором направлении. Но какое-то направление придает этому движению и оставление стрелки в прежнем положении (бездействие); включение света подфарника автомашины и невключение этого света — равноправные сигналы, влияющие на движение других машин и пешеходов.

4. Контролируемое (непосредственно-исполнительное и сигнальное) действие человека может быть, в зависимости от того, что добавлено к нему с социальной стороны, общественно полезным, общественно опасным и социально нейтральным. Неконтролируемое же действие может быть только общественно опасным.

5. Посягательства на связи людей, опосредующие применение и использование техники. Сознательность и целенаправленность отношения человека к природе сопряжена с возникновением специфических человеческих общественных отношений в процессе соиздания и эксплуатации предметов «организованной» природы. «...Работа машины, — писал А. К. Гастев, — в которой все высчитано до мельчайших долей миллиметра и до мельчайших долей секунды, является совершеннейшим организованным сооружением, которое проецирует свою методологию не только в области организации вещей, но и организации людей»².

¹ См.: В. Н. Кудрявцев, Противоправное бездействие и причинная связь, «Советское государство и право», 1967, № 5, стр. 32—34.

² А. К. Гастев, Трудовые установки, М., изд-во «Экономика», 1973, стр. 169.

Нормативной основой данных отношений служит комплекс технических правил, представляющих собой «партитуру», по которой явление или вещь в определенной последовательности или в определенном ритме подставляется под действие разных сил природы или под разное действие одних и тех же сил либо «загораживается» от действия некоторых или одной из этих сил.

Эти акты, учиняемые группами людей, образуют сложное коллективное действие, удерживающее сложную и относительно устойчивую техническую систему в безопасном состоянии.

Нарушение технического правила, внешним выражением которого служит нажатие «не на ту кнопку», поворот «не того рычага» и т. д., ведет к вторжению в комплекс команд, поступающих на «вход» машины, неправильного сигнала, выводящего машину из под контроля человека.

6. Посягательства на вещественный элемент отношений общественной безопасности, казалось бы, возвращают нас к действиям с энергетической отдачей. В пользу такого предположения свидетельствует связь между понятиями «разрушение или повреждение путей сообщения, сооружений на них, подвижного состава или судов, средств связи или сигнализации» (ст. 86 УК) и понятиями «уничтожение или повреждение государственного имущества» (ст. ст. 98 и 99 УК).

В действительности понятия «разрушения и повреждения», употребляемые в ст. 86 УК, не совпадают с понятиями «уничтожение или повреждение», используемыми в ст. ст. 98 и 99 УК. В одном отношении они значительно уже, в другом — значительно шире последних. Статья 86 УК предусматривает разрушение или повреждение предметов, от исправности которых зависит безопасность движения и эксплуатации железнодорожного, водного и воздушного транспорта. Воплощая сложный инженерный расчет, эти предметы, идет ли речь о рельсовом пути, колесных парах тепловоза или вагона, о взлетно-посадочной полосе и т. д., несут информацию о способах удержания технических систем в упорядоченном состоянии¹. Иными словами, они представляют собой систему статических сигналов, управляющих движением железнодорожного транспорта. Поэтому разрушение или повреждение таких предметов нарушает комплекс сигналов, обеспечивающих безопасное действие техники, и в этом плане тождественно сигнальному (управляющему) действию. Разрушение или поврежде-

¹ «Колоссальное сооружение — Бруклинский мост, необозримо простирающийся в длину, и Эйфелева башня, беспредельно возвышающаяся над нею, покоятся не только на твердом фундаменте из чугуна, но еще и на более твердом — из теории упругости». (Л. Больцман, *Очерки методологии физики*, М., 1929, стр. 33).

ние предметов, нейтральных в сигнальном отношении (внутренней отделки пассажирских вагонов, помещения вокзала, станции и т. д.), не подпадает под признаки деяния, предусмотренного ст. 86.

С другой стороны, при учинении деяния, предусмотренного ст. 86, разрушение или повреждение средств транспорта, пути, связи и т. д. может отсутствовать — приведение данных средств в нерабочее состояние или в состояние, которое в данной ситуации не является нормальным (подача ложного сигнала, самовольный перевод стрелки и т. д.).

В этой связи содержание диспозиции ст. 86 является чрезмерно узким. В нее должно быть включено указание на подачу ложных сигналов и на иные действия, создающие помехи безопасной работе железнодорожного, водного и воздушного транспорта¹.

В УК союзных республик нет нормы, специально предусматривающей аналогичные посягательства на безопасную работу автотранспорта и городского электротранспорта (посягательства «извне»). Исключением является ст. 181 Армянской ССР, устанавливающая уголовную ответственность за повреждение путей сообщения и транспортных средств городского автотранспорта. Однако при наличии нормы, предусматривающей ответственность за нарушение действующих на транспорте правил (ст. 213 УК РСФСР, ст. 170 УК Армянской ССР и соответствующие статьи УК других союзных республик), в таком составе нет необходимости.

7. Деяния, посягающие на надежность персонала социотехнических систем. Простой и в то же время наиболее острой формой посягательства на личностный элемент исследуемых отношений является физическое воздействие на операторов технических систем (убийство, телесное повреждение и т. д.). Однако деяния, опосредующие эти акты, подпадают под признаки особо опасных государственных преступлений, умышленных преступлений против личности и значения для данного исследования не имеют.

¹ Отсутствие аналогии в советском уголовном праве, с одной стороны, непрекращающееся развитие техники, с другой стороны, определяют важное значение своевременного правового реагирования на развитие отношений общественной безопасности. Такое реагирование может быть обеспечено переходом от детального описания составов исследуемых преступлений к обобщенному изложению последних. «Нормативные обобщения, — пишет С. С. Алексеев, — охватывая в общей формуле максимально широкий круг отношений данного вида, позволяют предусмотреть в известных пределах возможность развития этих отношений. Именно при помощи нормативных обобщений в праве осуществляется социальное предвидение». (С. С. Алексеев, *Социальная ценность права в советском обществе*, стр. 137).

Рассмотрению подлежат деяния, которые, не посягая на оператора технической системы — человека, снижают личностные качества такового, а точнее, те из этих качеств, которые значимы для успешного отправления функций оператора технической системы. Если же быть еще более точным, то речь идет об актах, в результате которых в роли операторов технических систем оказывается лицо, лишенное свойств, необходимых для ее успешного выполнения.

Деяния, опосредующие эти акты, могут выражаться в недоучете стойких психических, психофизиологических и социальных свойств личности, несовместимых с успешным занятием деятельностью, сопряженной с применением технических устройств — источников повышенной опасности, либо в игнорировании временных расстройств, препятствующих должному отпращиванию соответствующей деятельности.

В одном из определений по конкретному уголовному делу Железнодорожная коллегия Верховного Суда СССР указала, что «за аварию, последовавшую вследствие нетрезвого состояния агента дороги (работника железнодорожного транспорта), несет ответственность и лицо, допустившее его к работе»¹. По другому делу Верховным Судом СССР было отмечено, что «нарушение правил технической эксплуатации машинистом в результате болезненного состояния, при котором он не был пригоден, но допущен администрацией к работе, не может расцениваться как преступление со стороны машиниста»².

В постановлении от 6 октября 1970 г. «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях» Пленум Верховного Суда СССР предложил квалифицировать допуск к управлению транспортным средством лица, находящегося в состоянии опьянения или же не имеющего либо лишенного водительских прав, грубое нарушение режима работы водителя, а равно невыполнение других требований, направленных на обеспечение безопасности эксплуатации транспорта лицом, ответственным за техническое состояние или эксплуатацию транспорта, по ст. 211-2 УК РСФСР и по соответствующим статьям УК других союзных республик³.

Более правильным было бы выделение соответствующего нарушения в специальный состав и установление ответственности за его учинение не только при наступлении тяжких последствий, но и при повторности (систематичности).

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР (1938 г. и первое полугодие 1939 г.), М., Юриздат, 1940, стр. 134).

² Там же, стр. 69.

³ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1970, № 6, стр. 23.

Представляется удачным опыт УК Армянской ССР, который наряду с ответственностью за выпуск в эксплуатацию неисправных автомашин, городского транспорта, тракторов, комбайнов и других самоходных механизмов предусматривает «нарушение режима работы механизаторов или водителей указанных машин и механизмов либо невыполнение обязанностей по обучению водителей или механизаторов правилам эксплуатации машин и механизмов, повлекшее тяжкие последствия» (ст. 175).

Речь идет об учете того обстоятельства, что внутри системы социалистических общественных отношений, обеспечивающих безопасное функционирование социотехнических установлений, формируется подсистема, назначенная обеспечить надежность операторов технических систем.

Нормативной основой данной подсистемы служит ст. 154 КЗоТ РСФСР 1971 г., в соответствии с которой рабочие и служащие, занятые на тяжелых работах и на работах с вредными и опасными условиями труда, а также на работах, связанных с движением транспорта, проходят обязательные при поступлении на работу и периодические медицинские осмотры для определения их пригодности к поручаемой работе и предупреждения профессиональных заболеваний. В той же связи могут быть названы ст. 175 КЗоТ, запрещающая использование на этих работах лиц моложе восемнадцати лет; приказ министра здравоохранения СССР от 30 мая 1969 г. № 400 «О проведении предварительных при поступлении на работу и периодических осмотров трудящихся», утверждающий список производств и профессий, для работы в которых обязательны данные осмотры, а также список медицинских противопоказаний к занятию определенными профессиями и к выполнению определенных видов работ (Приложения 2, 5 и 6)¹; указы того же министра № 166 от 15 марта 1971 г. и № 25 от 14 января 1972 г., установившие правила врачебного отбора плавсостава речного, морского и рыбопромышленного флотов; приказ министра путей сообщения СССР № 50/ЗЦ от 16 июня 1969 г., определяющий порядок медицинского освидетельствования работников железнодорожного транспорта.

§ 3. ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНИКИ И ПРОБЛЕМА ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ

1. Большая часть высказываний высших судебных органов по вопросам причинной связи приходится на дела о преступлениях

¹ См.: Справочник по технике безопасности, противопожарной технике и производственной санитарии, т. 3, М.-Л., изд-во «Судостроение», 1971, стр. 488.

в области техники — о преступлениях на транспорте¹, о преступном нарушении правил охраны труда и техники безопасности². В теории же уголовного права соответствующие вопросы рассматриваются в плане, весьма далеком от «технического момента». Если же этот момент и привлекается, то главным образом применительно к умышленным преступлениям: может ли лицо нести ответственность за задуманный и фактически наступивший результат, если оно почти ничего не сделало для причинения этого результата? На этот вопрос обоснованно дается отрицательный ответ. Затем на базе этого частного ответа строится общая конструкция причинной связи, применяемая и к умышленным, и к неосторожным преступлениям³.

Но при учинении умышленных и неосторожных деяний, в малой и даже ничтожной мере способствующих причинению общественно опасного результата, возникают разные явления. В первом случае **лицо, стремясь к противоправному результату, налагает на события незначительные ограничения** (Иванов, задумав убить Петрову, посылает ее на курорт в надежде, что при купании в море она утонет). Поскольку события, следующие из его действия, развиваются с большими степенями свободы, неизбежное осложнение программы причинения вреда помехами предельно снижает вероятность причинения результата и, следовательно, общественную опасность деяния. Это делает нецелесообразным привлечение лица к ответственности за покушение на преступление. Иная проблема возникает тогда, когда **лицо, специально назначенное и подготовленное для исключения факторов, способствующих причинению вредного последствия, не выполняет должным образом своих обязанностей** и допускает наступление этого вреда.

В последнем случае возникают вопросы о том, как далеко простираются возможности людей и общества в целом, когда дело идет о предотвращении вреда? Какие явления, связи могут быть предметом управления (контроля) и какие явления выходят за пределы такового?

¹ См., например: Судебная практика Верховного Суда СССР, 1956, № 2, стр. 9; Судебная практика Верховного Суда СССР, 1956, № 3, стр. 12; Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР (1938 г. и первое полугодие 1939 г.), стр. 19; Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1962, № 7, стр. 10.

² См., например: Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1941 г., М., Юриздат, 1947, стр. 52; Судебная практика Верховного Суда СССР, 1952, № 8, стр. 17.

³ На связь определенных концепций юридически-значимой причинной связи с развитием техники (потребностями научно-технического прогресса) обращает внимание Т. В. Церетели. (См.: Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, М., Госюриздат, 1963, стр. 96—97).

2. В соответствии с теорией «необходимого и случайного причинения» лицо может нести ответственность лишь за объективно необходимые последствия своего деяния. «Вопрос об ответственности за наступившие последствия, — писал, например, А. А. Пионтковский, — может быть поставлен и положительно решен лишь тогда, когда эти последствия были необходимыми, закономерными последствиями совершенного лицом действия, имели в нем свое основание»¹.

Разграничивая причинные связи на объективно-необходимые и объективно-случайные, «теория необходимого и случайного причинения», в чем надо отдать ей должное, фиксирует сущее. Это надо подчеркнуть, поскольку сторонникам этой теории порой бросают упрек в метафизическом противоположении необходимости и случайности, в забвении того, что в природе нет **только** случайных или **только** необходимых явлений².

Необходимость и случайность тесно взаимосвязаны, но различны друг от друга. Так, имеются зависимости, которые в существе остаются постоянными. Например, предметы, брошенные высоко в воздух, при наличии широкого круга условий падают на землю. Мы истолковываем это постоянство как необходимые взаимосвязи в том смысле, что они не могли быть иными, являясь неотъемлемыми и существенными сторонами внутренней природы вещей. Но законы природы следует понимать как необходимые, лишь абстрагируясь от несущественных факторов, способных иметь место «вне круга явлений, которые могут быть описаны на основе рассматриваемых законов и которые не следуют с необходимостью из чего-либо, что может быть предопределено совокупностью законов. Такие несущественные факторы приводят к **случайности**»³.

Разумеется, если мы учитываем во Вселенной все, то происходящее следует рассматривать как возникающее одно из другого, необходимо и неизбежно, и категория несущественного фактора должна исчезнуть. Но в этом случае мы встречаемся с новыми несущественными факторами, и вряд ли возможности прослеживания причинной связи когда-либо наступит конец. «До тех пор, — писал Энгельс, — пока мы не можем показать, от чего зависит число горошин в стручке, оно остается случайным; а оттого, что нам скажут, что этот факт предусмотрен уже в первоначальном устройстве солнечной системы, мы ни на шаг не подвинемся дальше. Более того: такая наука, которая взялась бы проследить случай с этим от-

¹ Курс советского уголовного права, т. 2, стр. 184.

² См.: Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, стр. 131.

³ Л. Бом, Причинность и случайность в современной физике, М., Изд-во иностранной литературы, 1959, стр. 18.

дельным стручком в его каузальном сцеплении со все более отдаленными причинами, была бы уже не наукой, а простой игрой... с одним этим стручком нам пришлось бы проследить уже больше каузальных связей, чем сколько их могли бы изучить все ботаники на свете»¹.

Однако, разграничивая необходимые и случайные причинные связи, теория необходимого и случайного причинения оставляет без аргументации основания такого разграничения. Когда сторонники этой теории говорят о том, что «случайное явление не связано с сущностью предшествующих явлений, не имеет в них своей основы, хотя косвенно и может быть зависимо от них»², то они, как отмечалось в литературе, лишь повторяют, что случайное не является необходимым, но не отвечают на вопрос о том, почему случайная зависимость не обосновывает уголовной ответственности³.

Пытаясь все же выработать такой ответ, сторонники данной теории обращают внимание на то, что объективно случайные последствия нельзя предвидеть с достаточной конкретностью. «При случайном наступлении результата, — писал М. Д. Шаргородский, — субъект может предвидеть вероятность его наступления так же, как, выходя в сырую погоду из дома, можно предвидеть возможность простуды, но такое предвидение не может быть достаточным для признания наличия ответственности»⁴. На то же обращают внимание М. И. Ковалев и П. Т. Васьков: «Говорить о предвидении случайных последствий можно лишь в смысле предположения, весьма далекого от конкретного предвидения, требуемого для умысла»⁵.

По мнению В. С. Прохорова, такое суждение означает неправомерный перенос вопроса о причинной связи из объективной плоскости в субъективную⁶. Но недостаток указанной теории не в этом. Более того, если бы удалось доказать, что объективно-случайное последствие находится за пределами значимого предвидения (предвидения, с которым следует считаться) и, следовательно, за рамками контроля, то объективно-случайный характер события свидетельствовал бы об юридической ничтожности такового. В этом случае теория необходимого причинения была бы логически и по существу безупречной. Переход от объективного к субъективному

был бы столь же естественным и правомерным, как переход от признаков субъекта преступления (вменяемость, возраст) к признакам субъективной стороны.

На деле, и о том свидетельствуют процессы, связанные с использованием техники, случайные явления не выходят за пределы предвидения и управления. Более того, способность предвидеть такие явления присуща в принципе любому организму. В противном случае организм был бы сметен с лестницы эволюции при первых же контактах с внешним миром. Особо развита эта способность у человека, получая яркое проявление при выполнении процессов, связанных с применением техники. «Уже сейчас, — пишет академик В. М. Глушков, — развитие различного рода систем контроля и защиты от случайных повреждений и аварий опережает темпы технического прогресса в целом»¹.

Преодоление вредных случайностей осуществляется двумя путями: 1) подавление случайностей, 2) сосуществование со случайными явлениями². В первом случае администрацию промышленного предприятия обязывают, например, удалять рабочих с участков, на которых возможно случайное падение предметов, перемещаемых подъемным краном;³ ограждать кабины крановщиков и механизмы кранов металлической обшивкой или прочной сеткой от случайного попадания осколков;⁴ ограничивать количество взрывоопасных баллонов, подлежащих хранению в одном помещении⁵. В ряду тех же мер может быть названа установка в моторовозном поезде устройств автоматической остановки на случай внезапной потери машинистом способности к ведению поезда (ч. III § 160 Правил технической эксплуатации железных дорог Союза ССР). Методом сосуществования со случайными явлениями служит дублирование ответственных узлов машины, обеспечивающее ее работоспособность при аварии одного или нескольких из этих узлов.

«Степень эмансипации каждого конкретного общества от стихийного воздействия случая, сила и эффективность его противодействия стихийным факторам неодинаковы. Они зависят от степени зрелости общества, от присущих ему закономерностей и тен-

¹ В. М. Глушков, Кибернетика и умственный труд, М., изд-во «Знание», 1965, стр. 44.

² См.: Л. Расстригин, Этот случайный, случайный, случайный мир, изд-во «Молодая гвардия», 1969, стр. 19.

³ См.: Справочник по котлонадзору, М.-Л., Госэнергоиздат, 1961, стр. 627.

⁴ См.: Справочник по технике безопасности, противопожарной технике и производственной санитарии, т. 2, Л., изд-во «Судостроение», 1970, стр. 469.

⁵ См.: Справочник по котлонадзору, стр. 352.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 534.

² Курс советского уголовного права, т. 2, стр. 186.

³ См.: Курс советского уголовного права. Часть Общая, т. I, стр. 346.

⁴ М. Д. Шаргородский, «Некоторые вопросы причинной связи в уголовном праве», «Советское государство и право», 1956, № 7, стр. 48.

⁵ М. И. Ковалев, П. Т. Васьков, Причинная связь в уголовном праве, стр. 56.

⁶ Курс советского уголовного права, часть Общая, т. 1, стр. 340.

денций, от того; в какой мере эти закономерности и тенденции создают возможности для проявления активности, допускают вмешательство человека, общественных институтов в общественные процессы»¹.

Но если объективно-случайные связи не выходят за пределы управления и контроля, они не выходят и за пределы того, что может быть значимо для права. Как верно писал Я. М. Магазинер, если на данном лице лежала «обязанность считаться с возможностью этого (случайного. — М. Г.) вреда, как бы мала эта вероятность ни была, то данное лицо отвечает за нарушения обязанности считаться с ним, принимать меры к его предотвращению»². На то же обращает внимание Т. Л. Сергеева, полагая, что тезис: предвидение объективно-случайных последствий не может дать содержания вине в уголовно-правовом смысле — действителен лишь в случаях, когда «лицо ничего не сделало для наступления данного результата или не имело возможности и не несло обязанности его предотвратить»³.

Здесь, как и в других случаях, чисто философский подход к проблеме, исследуемой в частной науке (проблеме причинности в праве), невозможен. Показывая неправомочность такого подхода на примере отрицания отрицания, Ф. Энгельс писал: «Когда я обо всех этих процессах говорю, что они представляют собой отрицание отрицания, то я охватываю их всех одним этим законом движения и именно потому оставляю без внимания особенности каждого специального процесса в отдельности»⁴.

Положение диалектического материализма о том, что деятельность человека производит проверку насчет причинности, надо понимать и в том смысле, что только человеку в процессе его практической деятельности дано решать вопрос о существенности или несущественности для него тех или иных причинных связей и о его (человека) способности определенным образом воздействовать на таковые.

Иными словами, диалектические категории необходимости и случайности сами по себе не определяют ни юридической значимости, ни юридической несущественности объективно-необходимых и объективно-случайных причинных связей. При решении вопроса о правовом значении указанных связей должны быть учтены:

¹ В. Г. Афанасьев, О системном подходе в социальном познании, «Вопросы философии», 1973, № 6, стр. 107.

² Я. М. Магазинер, Советское хозяйственное право, Л., 1928, стр. 363—364.

³ Т. Л. Сергеева, Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 76.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 145.

1) социальная значимость указанных связей и 2) возможность управления ими.

3. Не отличается существенно от рассмотренной теории и теория «конкретной и абстрактной возможности», предложенная О. С. Иоффе.

По мнению О. С. Иоффе, не подлежат изменению такие поступки людей, которые создают абстрактную возможность вредного последствия. Если же последствие вызвало конкретную возможность вредного результата или, тем более, превратило результат из возможного в действительный, наличию причинная связь, достаточная для привлечения к ответственности¹.

Понимая под **абстрактной** возможностью способность определенной действительности к развитию, которая не предопределяет направленности этого развития (с точки зрения абстрактной возможности возможно все, что не содержит в себе внутреннего, логического, противоречия), а под реальной — такую ступень развития действительности, которая характеризуется наличием определенных реальных предпосылок для возникновения новой действительности, Б. С. Прохоров полагает, что «явления, обусловившие абстрактную возможность тех или иных последствий, не являются их причинами... Напротив, явление (деяние человека), создавшее реальную возможность наступления результата (преступные последствия) или превратившее реальную возможность в действительность, всегда является его причиной»².

Как и рассмотренная теория, теория конкретной и абстрактной возможности решает вопрос об юридическом значении причинных зависимостей определенного рода крайне «жестко» — существенно либо несущественно для права.

Количественной мерой возможного является степень вероятности. Случайное, в том числе абстрактно-возможное, — событие, вероятность которого меньше единицы. Причем вероятность случайного события в обычном значении этого слова может быть близкой к единице, вероятность же абстрактно-возможного события близка, но не равна нулю.

Но как должна быть мала вероятность (повторяемость) события, чтобы его можно было отнести к абстрактно-возможному? Должна ли она составлять 10%, 1%, 0,1% и т. д.? Ответить однозначно на этот вопрос нельзя. Если речь идет о выпуске в рейс такси, и вероятность того, что в рейсе у него возникнет неисправность, равна 0,01, то с этой вероятностью, очевидно, можно при-

¹ См.: О. С. Иоффе, Советское гражданское право, Изд-во ЛГУ, 1958, стр. 453.

² Курс советского уголовного права. Часть Общая, т. 1, стр. 352.

мириться. Но если та же вероятность характеризует возможность возникновения неисправности в самолете, выполняющем пассажирский рейс, то совершенно очевидно, что недоучесть эту вероятность нельзя. Можно легко представить случаи, когда вероятность события снижается до тысячных и более низких долей процента, и тем не менее эти события останутся такими, с которыми люди обязаны считаться (при возведении гидроэлектростанции, постройке высотного здания, атомного реактора и т. д.). В такого рода случаях сам факт неисклученности вредного события служит основанием для принятия мер по его предупреждению.

4. В этом плане представляет интерес позиция Т. В. Церетели, учитывающей при оценке протяженности юридически-значимой причинной связи **цель** учиняемого действия. Чем полезнее цель действия, тем, с ее точки зрения, большая степень способствования наступлению общественно опасного результата требуется для обоснования наказуемости деяния; чем выше социальная значимость объекта, тем меньшая степень способствования причинению вреда этому объекту может обосновать общественную опасность деяния, тем более высокой должна быть цель действия¹. «На чашу весов следует положить, с одной стороны, цель, которая преследуется поступком, а с другой, — все остальные обстоятельства, имеющие значение для оценки поступка. Так, прежде всего полезность достигаемой поступком цели должна быть сопоставлена с социальной ценностью объекта, подвергающегося опасности... Затем с целью действия следует сопоставить степень опасности, создаваемой поступком... Наконец, следует учесть и объем вреда, который может быть причинен действием»².

События, которыми могут пренебречь механик электрокара, мастер буровзрывных работ, команда миныного тральщика, экипаж спасательного судна и т. д., становятся факторами, с которыми обязаны считаться рабочие авиамастерских, персонал взрывоопасных предприятий, атомных установок, экипаж пассажирского судна и т. д.

При решении вопроса о протяженности причинной связи, значимой для права, следует принять во внимание несколько факторов и в первую очередь общественную значимость этой связи. Существен и вопрос об ее подконтрольности. Что касается характера причинной связи (необходимая, случайная, абстрактно-конкретно-возможная), то он имеет значение лишь в той мере и постольку, поскольку определяет ее значение и подконтрольность.

¹ Т. В. Церетели, *Деликты создания опасности*, стр. 206.

² Там же, стр. 62.

Чтобы причинная связь между действием или бездействием обвиняемого и наступившими общественно опасными последствиями могла быть признана элементом объективной стороны преступления, она должна состоять из таких звеньев, включать такие приводящие силы, которые учитываются в технической («технико-юридической») норме при ее создании¹. Другими словами, **наличие правовой нормы, фиксирующей метод подавления определенного явления (необходимого или случайного) и содержащей требование осушествить такое поведение, определяет ответственность ее адресата за невыполнение или ненадлежащее выполнение этого требования.**

Поддержание режима общественной безопасности в сфере взаимодействия человека и техники и связано в основном и главным образом с соблюдением норм, рассчитанных на предотвращение случайного вреда.

§ 4. ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИИ В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНИКИ

Исследование общих признаков преступлений в области использования техники должно быть дополнено рассмотрением объективной стороны каждого из них. Вместе с тем такое исследование позволяет внести значительные сокращения в изложение признаков объективной стороны отдельных преступлений в области техники.

1. Объективная сторона нарушения **правил международных полетов** (ст. 84 УК РСФСР) выражается в нарушении правил, регламентирующих полеты, связанные с пересечением воздушным судном границ СССР и другого государства.

В диспозиции статьи приводится примерный перечень нарушений — несоблюдение указанных в разрешении маршрутов, мест посадки, воздушных ворот, высоты полетов. К иным нарушениям относятся: влет в СССР и полет над территорией СССР иностранного воздушного судна без двусторонней радиосвязи, пересечение государственной границы с нарушением указанных в разрешении сроков и т. д.

Состав формальный — заканчивается в момент нарушения правил. Последствия — снижение уровня безопасности в сфере воздушных сообщений. Катастрофа, авария, несчастные случаи

¹ См.: В. Н. Кудрявцев, *Объективная сторона преступления*, стр. 212.

с людьми имеют значение обстоятельств, отягчающих ответственность (п. 4 ст. 39 УК РСФСР).

2. Объективная сторона **угона воздушного судна** (ст. 213-1 УК РСФСР) близка к объективной стороне угона автотранспортных средств (ст. 212-1 УК РСФСР).

В постановлении от 22 октября 1969 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушениями правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их угоном» Пленум Верховного Суда РСФСР относит к угону транспортных средств «захват транспортных средств и поездку на них» (ч. 1 п. 19 постановления)¹. По мнению Б. А. Куринова, угон в смысле ст. 212-1 УК означает «незаконное, умышленное, без цели хищения завладение чужим транспортным средством путем незаконной поездки на этом механическом транспортном средстве»².

Те же признаки характеризуют угон воздушного судна. Вместе с тем угон воздушного судна имеет специфические признаки. Его ближайшие последствия — снижение безопасности воздушных сообщений.

Состав, предусмотренный ч. 1 ст. 213-1, заканчивается с началом движения судна под управлением или контролем лица, осуществляющего его угон.

Угон воздушного судна может учиняться и его экипажем. В этом случае состав заканчивается с началом управления воздушным судном с намерением учинить угон, а если такое намерение появилось в полете, — с изменением маршрута с целью произвести угон.

3. Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, водного и воздушного транспорта (ст. 85 УК РСФСР) может быть совершено путем а) нарушения правил безопасности движения, б) нарушения правил безопасности эксплуатации транспорта и в) недоброкачественного ремонта транспортных средств, путей, сигнализации и связи.

Соответствующие правила содержатся в Уставе службы на судах Морского торгового флота СССР, в Уставе службы на судах Речного флота РСФСР, в правилах технической эксплуатации железных дорог Союза ССР, в правилах производства полетов в Гражданской авиации СССР и т. д.

Исходя из возможных пробелов правил такого рода, Б. А. Куринов считает, что по ст. 85 УК следует квалифицировать и такие действия работников транспорта, «которые противоречат общепринятым нормам предосторожности, хотя бы это нарушение и не бы-

ло прямо предусмотрено в специальных правилах безопасности движения»¹.

Но использование в качестве критерия должного поведения работников транспорта «общепринятых норм поведения» сделало бы этот критерий крайне неопределенным. Определенность же требований, предъявляемых к техническому персоналу, — необходимое условие нормального функционирования технических систем. Нельзя не учитывать и того, что бланкетная диспозиция ст. 85 УК может отсылать лишь к подзаконным актам.

Из этого не следует, что «общепринятые нормы поведения» вообще не играют роли в регламентировании деятельности, связанной с применением технических устройств. Норма социалистического общежития последней трети XX века: «Не трогай самовольно механизмов и машин, опасных для тебя и окружающих», должна охраняться не менее строго, чем заповеди «не убий» и «не укради».

Правила эксплуатации железнодорожного, водного и воздушного транспорта включают нормы, обеспечивающие безопасную эксплуатацию такового и служащие его рентабельному применению. Ответственность по ст. 85 УК наступает при нарушении норм первого вида. Аналогичным образом решается вопрос об уголовной ответственности за недоброкачественный ремонт транспортных средств, путевых сооружений, средств сигнализации и связи.

Последствия рассматриваемого преступления, как и последствия большей части других преступлений в области использования техники, выражаются в дезорганизации отношений общественной безопасности и в причинении смерти, телесных повреждений, материального ущерба либо в создании угрозы причинения тех же последствий.

К несчастным случаям с людьми одни ученые относят причинение смерти и тяжких телесных повреждений², другие — причинение смерти и любых телесных повреждений³.

Представляется, что причинение легких телесных повреждений одному или нескольким лицам в результате нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта не подпадает ни под признаки несчастных случаев с людьми, ни под признаки

¹ Б. А. Куринов, Квалификация транспортных преступлений, стр. 61.

² См., например: Курс советского уголовного права, т. IV, стр. 201—202; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР, М., изд-во «Юридическая литература», 1971, стр. 185.

³ См., например: Уголовный кодекс РСФСР. Научный комментарий. Свердловск, 1962, стр. 68; Государственные преступления, М., изд-во «Высшая школа», 1961, стр. 185.

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1970, № 1.

² Б. А. Куринов, Автотранспортные преступления, стр. 152.

иных тяжких последствий (ст. 51 УК РСФСР относит умышленное легкое телесное повреждение, не повлекшее расстройства здоровья, к малозначительным преступлениям) и потому не может квалифицироваться по ст. 85 УК. Причинение же легких телесных повреждений многим лицам подпадает под признаки иных тяжких последствий.

К иным тяжким последствиям, предусмотренным ст. 85 УК, относятся и длительный перерыв движения поездов, длительный простой вагонов, причинение значительного материального ущерба и т. д. Но эти последствия должны быть связаны с созданием угрозы безопасности движения железнодорожного, водного и воздушного транспорта, т. е. связываться с нарушением режима безопасности в сфере применения этих видов транспорта.

К последствиям указанного преступления закон относит также крушение и аварию. Поскольку оба понятия являются техническими, для их уяснения необходимо обратиться к технико-нормативным актам¹.

4. Повреждение путей сообщения и транспортных средств (ст. 86 УК РСФСР). В отличие от диспозиции ст. 85, претерпевшей значительные изменения по сравнению с диспозицией ст. 59-3з УК РСФСР 1926 г., диспозиция ст. 86 почти полностью воспроизводит диспозицию ст. 59-3б прежнего УК: «разрушение или повреждение путей сообщения, сооружений на них, подвижного состава или судов, средств связи или сигнализации, которое повлекло или могло повлечь крушение поезда, аварию корабля или нарушение нормальной работы транспорта и связи».

Между тем развитие техники за период, прошедший с 1926 г., значительно увеличило виды общественно опасных посягательств на отношения, обеспечивающие охрану безопасного функционирования транспорта от посягательств извне. Стало, в частности, возможным общественно опасное воздействие на средства сигнализации и связи на языке, если можно в данном случае употребить такое выражение, этих средств — подача ложных сигналов, искажение правильных сигналов и т. д. Поэтому описание объективной стороны данного преступления должно быть дополнено и выглядеть следующим образом:

¹ См., например, Инструкцию о порядке служебного расследования и учета аварийных происшествий на внутренних водных путях РСФСР, М., изд-во «Речной транспорт», 1962, стр. 4; М. И. Кацук, И. И. Байдаков, Прокурорский надзор над соблюдением законности на транспорте (железнодорожном, водном и воздушном), М., изд-во «Юридическая литература», 1964, стр. 61—64; Указания о порядке квалификации нарушений безопасности движения в поездной и маневровой работе (утверждены министром путей сообщения СССР 3 февраля 1960 г.).

«Умышленное разрушение или повреждение путей сообщения, сооружений на них, железнодорожного подвижного состава, морских, речных или воздушных судов, средств связи или сигнализации, а равно дача ложных сигналов, заведомо для виновного затрудняющих управление этими видами транспорта, или иные действия, которые повлекли или могли повлечь крушение поезда, аварию морского, речного или воздушного судна».

5. УК девяти союзных республик относят к объективной стороне **преступного нарушения правил охраны труда** (ст. 140 УК РСФСР): 1) нарушение правил по технике безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда, если это нарушение могло повлечь за собой несчастные случаи с людьми или иные тяжкие последствия; 2) те же нарушения, повлекшие за собой причинение телесных повреждений или утрату трудоспособности;¹ 3) те же нарушения, повлекшие смерть человека или причинение тяжких телесных повреждений нескольким лицам².

В УК Азербайджанской ССР, Казахской ССР, Киргизской ССР, Узбекской ССР, Украинской ССР и Эстонской ССР статьи о преступном нарушении правил охраны труда состоят из двух частей (деяния, предусмотренные чч. II и III ст. 140 УК РСФСР, объединены в один состав).

В качестве преступления квалифицируется не любое объективно опасное действие, учиненное в сфере применения труда, а только связанное с нарушением правил охраны труда, техники безопасности или промышленной санитарии.

6. Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта лицами, управляющими транспортными средствами (ст. 211 УК РСФСР). УК десяти союзных республик связывают состав автотранспортного преступления с фактическим причинением (дополнительных) вредных последствий. В УК Грузинской ССР, Литовской ССР, Молдавской ССР, Узбекской ССР и Украинской ССР этот состав был связан и с созданием опасности вредных последствий.

В настоящее время ответственность за поставление в опасность в результате того же нарушения предусматривают лишь УК Грузинской ССР, Литовской ССР и Молдавской ССР. Причем ч. I ст. 177 УК Молдавской ССР говорит о нарушении, которое повлекло легкие телесные повреждения, материальный ущерб либо создание угрозы безопасности движения; ч. I ст. 246 УК Литов-

¹ Часть II ст. 141 УК Литовской ССР и ч. II ст. 146 УК Грузинской ССР не называют в ряду последствий данного преступления утрату трудоспособности.

² Часть III ст. 146 УК Грузинской ССР относит к последствиям преступления лишь смерть человека.

ской ССР — о заведомом создании угрозы тех же последствий, а ч. I ст. 241 УК Грузинской ССР — о нарушении, которое заведомо для виновного создавало серьезную опасность наступления несчастных случаев с людьми, если ему предшествовали меры административного или дисциплинарного взыскания за такое же нарушение.

По соображениям, которые приводились выше, установление уголовной ответственности за создание опасности в результате нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта целесообразно. Но возведение в предположение такой ответственности одного факта создания возможности вредных последствий несовместимо с принципами экономии судебных репрессий и неотвратимости наказаний, а также с правосознанием большей части граждан. В этой связи в норму (о поставлении в опасность) необходимо ввести ограничительные начала. Речь должна идти о требованиях а) повторности нарушения, б) намеренного (заведомого) нарушения, в) создания угрозы тяжкого последствия. При этом для решения вопроса о наличии или отсутствии повторности не должен иметь значения характер воздействия, примененного за первое нарушение, поскольку любое повторение нарушения, несмотря на характер примененного к нарушителю воздействия, свидетельствует о стойкости его антиобщественных установок. Статья могла бы выглядеть следующим образом:

«Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта лицом, управляющим автотранспортным или городским электротранспортным средством, трактором или иной самоходной машиной, если это нарушение создавало опасность несчастных случаев с людьми или иных тяжких последствий либо было совершено в течение года после применения к виновному мер административного или общественного воздействия...».

7. Управление транспортными средствами в состоянии опьянения (ст. 211-1 УК РСФСР), совершенное лицом, лишенным права на управление транспортными средствами за такое нарушение, влечет ответственность по ч. I данной статьи; то же деяние, учиненное повторно в течение года лицом, не имевшим водительских прав, квалифицируется по ч. II ст. 211-1 УК (Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 ноября 1972 г. «О внесении дополнений и изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР»)¹.

Указанное деяние, опосредуя включение в систему дорожно-уличного движения транспортного средства, управляемого водителем, не способным правильно оценивать дорожную и уличную об-

становку и должным образом реагировать на изменение таковой, создает высокую вероятность несчастного случая с людьми и иных тяжких последствий.

8. Объективная сторона выпуска в эксплуатацию технически неисправных транспортных средств (ст. 211-2 УК РСФСР), как и преступления, предусмотренного ст. 211-1, опосредует включение в систему дорожного и уличного движения ненадежного звена. Такими звеньями могут быть а) сама машина (автотранспортное средство), б) водитель автомашины.

В Постановлении от 6 октября 1970 г. «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях» Пленум Верховного Суда СССР предложил квалифицировать по ст. 211-2 УК РСФСР и по соответствующим статьям УК других союзных республик допуск к управлению транспортным средством лица, находящегося в состоянии опьянения или не имеющего либо лишенного водительских прав, грубое нарушение режима работы водителя, невыполнение других требований, направленных на обеспечение безопасности эксплуатации транспорта лицом, ответственным за техническое состояние или эксплуатацию транспортных средств (п. 15 постановления).

Но данное толкование ст. 211-2 и соответствующих статей УК других союзных республик противоречит наименованию статьи («Выпуск в эксплуатацию технически неисправных транспортных средств») и не подтверждается содержанием таковой.

Возможны два пути преодоления этого противоречия — 1) расширение диспозиции ст. 211-2 и 2) выделение указанного нарушения в самостоятельный состав¹.

По первому пути идет УК Армянской ССР. Предусматривая нарушение, подпадающее под признаки ст. 211-2 УК РСФСР, ст. 175 УК Армянской ССР охватывает в то же время нарушение режима работы механизаторов либо водителей машин и механизмов либо невыполнение обязанностей по обучению водителей или механизаторов правилам эксплуатации машин и механизмов.

Предпочтительнее второй путь — выделение указанного нарушения в самостоятельный состав, включение в таковой незаконного допуска лица к управлению любыми техническими средствами — источниками повышенной опасности, а равно любого нарушения режима работы лица, осуществляющего такое управление.

¹ Как правильно считает М. И. Ковалев, «при слишком большой условности объективной стороны состава преступления лучше его «разбить» на несколько составов и одну правовую норму расчленить на несколько». (М. И. Ковалев, Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе, стр. 72).

¹ Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1972, № 51, ст. 207.

9. Объективная сторона нарушения действующих на транспорте правил (ст. 213 УК РСФСР) включает в себя действия, нарушающие правила уличного и дорожного движения, установленные для пешеходов, велосипедистов, водителей мопедов и т. д., правила пользования железнодорожным, водным и воздушным транспортом, автотранспортом и городским электротранспортом; повреждения путей и транспортных средств, не подпадающие под признаки ст. 86 УК, а также гибель людей или иные тяжкие последствия.

УК Узбекской ССР выделяет в ряду указанных нарушений, кроме того, умышленное совершение действий, могущих вызвать крушение поезда (ст. 205), нарушение правил безопасности на железнодорожном транспорте (ст. 206). Тот же УК (ст. 207) и УК Казахской ССР (ст. 223), УК Киргизской ССР (ст. 223) выделяют в специальный состав нарушение правил, охраняющих порядок и безопасность воздушных сообщений, а УК Армянской ССР — повреждение путей сообщения и транспортных средств городского электротранспорта (ст. 181).

Выделение в специальный состав умышленных действий, способных вызвать крушение поезда, при наличии ст. 23 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления представляется неоправданным. То же следует сказать и по поводу нарушения правил, охраняющих безопасность воздушных сообщений, поскольку это деяние прямо охватывается статьей о нарушении действующих на транспорте правил.

10. Объективная сторона нарушения правил безопасности горных работ связывается в УК десяти союзных республик с причинением тяжких последствий.

УК Украинской ССР (ст. 218), Литовской ССР (ст. 223), Молдавской ССР (ст. 233) и Эстонской ССР (ст. 206) связывают соответствующие составы и с созданием возможности причинения тех же последствий. При этом УК Эстонской ССР требует, чтобы к виновному в течение года, предшествовавшего нарушению, были применены меры общественного воздействия либо административного или дисциплинарного взыскания.

По обстоятельству, изложенным выше, ответственность за поставление в опасность при нарушении правил безопасности указанных работ целесообразно связать с заведомостью, повторностью и с созданием угрозы тяжких последствий.

11. Сходным образом решают УК союзных республик вопрос об уголовной ответственности за нарушение правил безопасного ведения строительных работ. Большая часть УК связывает ответственность за это нарушение с гибелью людей, причинением вреда здоровью, а также с наступлением иных тяжких последствий, а УК Ли-

товской ССР, Молдавской ССР, Украинской ССР и Эстонской ССР — с созданием угрозы причинения тех же последствий. УК Эстонской ССР требует, кроме того, применения к виновному в течение года, предшествовавшего нарушению, мер общественного воздействия либо административного или дисциплинарного взыскания за такое же нарушение.

12. В УК большинства союзных республик нарушение правил безопасного ведения взрывоопасных работ конструируется как формальный состав. Часть I ст. 230 УК Литовской ССР и ч. I ст. 206 УК Эстонской ССР связывают ответственность за данное нарушение с созданием возможности причинения тяжких последствий. Кроме того, для ответственности по ч. I ст. 206 УК Эстонской ССР необходимо, чтобы нарушение учинялось заведомо и чтобы ему предшествовало применение мер общественного воздействия либо дисциплинарное или административное взыскание.

Часть I ст. 216 УК Латвийской ССР связывает ответственность за данное нарушение с человеческими жертвами или с иными тяжкими последствиями.

Поскольку любое нарушение правил безопасности при производстве взрывоопасных работ влечет реальную угрозу тяжких последствий, включение в соответствующий состав ссылки на создание опасности вредных последствий нецелесообразно, так как оно не обеспечивает охрану общественной безопасности в сфере функционирования взрывоопасных предприятий. По тем же соображениям нельзя согласиться с установлением ответственности за данное нарушение в зависимости от фактического причинения вредных последствий, а равно с установлением ответственности лишь за повторное нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях.

13. Ответственность за нарушение правил хранения, использования, учета, перевозки взрывчатых и радиоактивных веществ или пиротехнических изделий в УК семи союзных республик связывается с созданием возможности причинения вредных последствий; в УК Эстонской ССР — с фактическим причинением тяжких последствий, в УК Азербайджанской ССР, Армянской ССР, Киргизской ССР, Молдавской ССР, Узбекской ССР и Украинской ССР — с самым нарушением указанных правил¹.

14. По УК одиннадцати союзных республик ответственность за незаконную пересылку легко воспламеняющихся или едких веществ наступает лишь при причинении тяжких последствий. УК Казахской ССР, Киргизской ССР, Литовской ССР и Молдавской ССР связывают эту ответственность с самим фактом незаконной пере-

¹ УК Казахской ССР не содержит такого состава.

сылки указанных веществ. Причем ст. 222 УК Азербайджанской ССР, ст. 234 УК Армянской ССР и ст. 232 УК Киргизской ССР включают в объективную сторону данного преступления и пересылку взрывчатых веществ; ст. 205 УК Казахской ССР предусматривает незаконную пересылку взрывчатых, особо опасных веществ или наркотиков; ст. ст. 231 УК Молдавской ССР и 212 УК Узбекской ССР — незаконную пересылку взрывчатых, радиоактивных, легко воспламеняющихся или едких веществ, а ст. 233 УК Литовской ССР — пересылку ядовитых, наркотических, взрывчатых, едких или легко воспламеняющихся веществ.

* * *

Изложенное позволяет сделать вывод, что при единой сущности исследуемых преступлений нормы о них характеризуются крайним разнообразием, которое никак нельзя связать со спецификой условий и форм проявления этой сущности — в одних и тех же УК различным образом трактуются одни и те же составы, чрезмерно различаются описания объективной стороны близких составов в одном и том же УК. Нельзя не отметить и большую динамику указанных норм.

Все эти явления — свидетельство напряженных поисков оптимальных форм уголовноправовой борьбы с безответственным применением технических устройств — источников повышенной опасности.

Вместе с тем следует указать и на некоторые результаты такого поиска — возникновение тенденции к единому описанию объективной стороны различных преступлений в области техники. Должно быть отмечено как несомненное достижение устранение из описания объективной стороны данных преступлений нарушений, не связанных с нарушением правил безопасности при применении и использовании техники.

Преодоление различий в описании объективной стороны исследуемых преступлений выступает, таким образом, и как некоторый итог постижения единой сущности данных преступлений, и как задача, вытекающая из еще более глубокого постижения этой единой сущности.

Глава III ВОПРОСЫ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНИКИ. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ФОРМАЛИЗАЦИЯ ПРЕДЕЛОВ ДОЛЖНОГО ПРЕДВИДЕНИЯ ОПЕРАТОРОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Последовательное проведение принципа ответственности за вину (ст. 3 Основ уголовного законодательства) — важное условие целесообразной и гуманной карательной политики.

Значение этого принципа особенно велико при осуществлении правосудия по делам о преступлениях в области использования техники. Тяжкие последствия, обычно сопровождающие разрушительное действие технических систем, рождают у некоторых судебных работников тенденции к недооценке внутренней стороны данных преступлений¹. Преодоление этой тенденции требует дальнейшего уточнения и формализации пределов должного и возможного предвидения операторов технических систем, преодоления разрыва между обязанностями и возможностями лиц, осуществляющих управление техническими средствами либо обслуживающих таковые. Важное значение имеет и устранение неоправданных расхождений в трактовке субъективной стороны предельно близких и даже тождественных преступлений в области использования техники².

¹ Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» было отмечено, что по делам об автотранспортных преступлениях отдельные суды, находясь под впечатлением тяжелых последствий преступления, квалифицируют его по статьям закона об умышленном убийстве, несмотря на то, что такая квалификация не вытекает из обстоятельств дела. (См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1970 гг., стр. 254). См. также: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 6 октября 1970 г. «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях». (Бюллетень Верховного Суда СССР, 1970, № 6, стр. 20).

² Так, в одном из учебников указано, что при нарушении правил охраны труда психическое отношение лица к вредным последствиям может

При рассмотрении вопросов, связанных с решением указанных задач, необходимо руководствоваться общим представлением о содержании психической деятельности и о виновных формах таковой.

§ 1. ПОНЯТИЕ И ВИНОВНЫЕ ФОРМЫ ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. В плане функциональном внутренняя сторона человеческого действия является собой субъективную, ориентально-активную сторону связей индивида с окружающей средой, обеспечивающих его сохранность и утверждение во внешнем мире¹. Эти задачи достигаются 1) делением факторов внешней среды на полезные и вредные, 2) способствованием становлению первых и вытеснению вторых.

Характер функций определяет структуру психического процесса² — включение в него ориентировочных (интеллектуальных) и двигательных (волевых) элементов. С помощью первых человек определяет значимые для него параметры внешней среды

быть только неосторожным, а при нарушении правил ведения горных, строительных и взрывоопасных работ — умышленным и неосторожным. (См.: Советское уголовное право. Часть Особенная, М., Госурпиздат, 1962, стр. 183, 394—397). Различно оценивается субъективная сторона тех же преступлений в Научно-практическом комментарии Уголовного кодекса РСФСР (изд-во «Юридическая литература», 1964, стр. 302, 457—459); в Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. (Изд-во ЛГУ, 1968, стр. 259, 364—367).

По мнению П. С. Матышевского, при совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 211 и 215 УК РСФСР, отношение к вредным последствиям может быть умышленным и неосторожным, а при совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 216 и 217 УК РСФСР, — только неосторожным. (См.: П. С. Матышевский, Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения, стр. 18, 36, 37 и 43).

В то же время в ряде работ по Особенной части субъективная сторона всех преступлений в области техники оценивается одинаково. (См.: Советское уголовное право. Часть Особенная, М., изд-во «Юридическая литература», 1968, стр. 214, 414—417; Уголовное право. Часть Особенная, М., изд-во «Юридическая литература», 1968, стр. 257, 500—502; Курс советского уголовного права, т. II, IV, стр. 254, т. VI, стр. 381, 395 и 400).

¹ См.: П. К. Анохин, Биология и нейрофизиология условного рефлекса, М., изд-во «Медицина», 1963, стр. 11; К. Р. Мегредидзе, Основные проблемы социологии мышления, Тбилиси, 1965, стр. 13; П. Симонов, Комментарий к статье Джеймса Олдса «Эмоциональные центры мозга», «Наука и жизнь», 1968, № 8, стр. 48; Е. Г. же, Теория отражения и психофизиология эмоций, М., изд-во «Наука», 1970, стр. 49.

² Структура как связь элементов действующей системы и функция как выражение способности данной системы к определенному действию или к

и, сопоставляя эти параметры со своими потребностями, намечает такое преобразование последней, которое обеспечивает удовлетворение этих потребностей, посредством вторых — проводит это преобразование в жизнь.

2. Интеллект как способность индивида достигать некоторого успеха при поиске одной из многих возможных целей в обширном многообразии сред¹ включает а) оценку исходной ситуации, б) сопоставление ее с потребностями субъекта, в) решение вопроса о создании новой или сохранении старой ситуации, г) выработку программы, обеспечивающей достижение намеченного результата, и д) установление по каналам обратной связи достижения или недостижения намеченного результата.

Итогом является осознание содержания и социального значения совершаемого действия и соответственно предвидение его последствий. Причем, как отмечается в литературе, оба понятия (предвидение и осознание) равнозначны и взаимозаменяемы: сознавать содержание и значение совершаемого действия — значит предвидеть его последствия, а предвидеть последствия деяния можно лишь на основе осознания его значения и содержания². Иными словами, любое действие осуществляется ради какого-то предвидимого результата, образуя «мостик», через который идеальная цель полагает себя вовне. «Никто не может сделать что-нибудь, не делая этого вместе с тем ради какой-либо из своих потребностей и ради органа этой потребности...»³. «Деятельность цели, — выписывает

определенным действиям находятся в тесной взаимосвязи. «В функционирующем явлении, — пишет В. И. Свидерский, — проблема структуры и функции означает следующее. В функционирующем явлении его деятельность выступает как результат совместного функционирования элементов, который существенно зависит от способа взаимодействия этих элементов между собой, т. е. от их структурной связи. Значит, функция в любом случае будет прямо или косвенно зависеть от структуры, выражая возникающую деятельность элементов, образующих данное явление». (В. И. Свидерский, О диалектике элементов и структуры в объективном мире, в познании, М., 1982, стр. 210).

¹ См.: Л. Фогель, А. Оуэнс, М. Уолш, Искусственный интеллект и эволюционное моделирование, М., изд-во «Мир», 1969, стр. 19.

² «Предвидеть событие — значит сознавать его как результат другого события. Предвидение — всегда умозаключение от свойств этого другого события — причины — к необходимости, вероятности, возможности или неисключенности реализации этих свойств в виде следствия или результата события. Строго говоря, понятия эти взаимозаменяемы: если я предвижу нечто, значит я отношусь к предвиденному как к результату сознаваемого мною развития; точно так же, если я воспринимаю нечто как результат, это означает, что я сознаю развитие, которое должно привести к этому нечто». (З. Г. Злобин, В. С. Никифоров, Умысел и его формы, М., изд-во «Юридическая литература», 1972, стр. 89—90).

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 245.

В. И. Ленин из книги Гегеля «Наука логики», — направлена не на себя самоё... а на то, чтобы посредством уничтожения определенных (сторон, черт, явлений) *внешнего мира дать себе реальность в форме внешней действительности...*¹

Мы подчеркиваем этого обстоятельство ввиду того, что в последнее время появилась тенденция связывать субъективную сторону определенных преступлений лишь с психическим отношением субъекта к «самому действию». «Умысел и неосторожность в формальных составах, — пишет, например, П. С. Дагель, — определяются исключительно отношением к общественно опасному действию или бездействию»².

При принятии концепции умысла и неосторожности в отношении самого действия мы оказываемся перед проблемой обоснования вменения лицу ущерба, причиненного им тому или иному объекту.

Психическое отношение лица к общественной опасности совершаемого есть, по правильному замечанию П. С. Дагеля, его отношение к объекту преступления: «При умышленном преступлении субъект относится к соответствующим общественным интересам отрицательно, при неосторожности — недостаточно внимательно»³. Но то и другое отношение, естественно, возникает лишь на основе предвидения или возможности предвидения вредных последствий в результате учинения определенного действия. Таким образом, всякое преступление предполагает психическое отношение лица и к самому действию, и к последствиям такого.

3. Предвидение вредных последствий при совершении умышленного преступления, как и предвидение исхода любого действия, может характеризоваться неизбежностью и вероятностью. Взгляды ученых, отрицавших возможность предвидения неизбежного наступления вредных последствий при косвенном умысле, встретили справедливую критику в литературе⁴.

Более того, высказывается мнение о том, что для косвенного умысла типично именно предвидение **неизбежности** вредных последствий. «Если, как исключение, — пишет В. А. Ойгензихт, — при косвенном умысле и нет у субъекта абсолютной убежденности в от-

ношении последствий, то это выражается в допущении им возможности и благополучного исхода»¹.

В действительности осознание (предвидение) **неизбежности** вредных последствий не обязательный атрибут умысла. Более того, многие виды умышленных преступлений, как и многие виды обычной деятельности, характеризуются именно вероятностным предвидением — осознанием деятелем того, что его преступный акт завершится либо успехом, либо неудачей.

Такое (вероятное) предвидение обусловлено тем, что любое сколько-нибудь сложное действие учиняется в сложной (конфликтной) ситуации — при неполном знании факторов, влияющих на развитие этой ситуации, и чем опытнее лицо, тем очевиднее это для него.

4. Достоверному и вероятностному знанию (предвидению) противостоят случаи, при которых субъект не сознает полностью или частично подлинного содержания и настоящего значения своих действий — «не ведает, что творит». Такое неведение может быть обусловлено причинами, зависящими и не зависящими от человека. К причинам второго рода относится недостаточный уровень знаний, состоящих на вооружении общества в определенный период его истории. «Нет такого века, — писал Гельвеций, — который как-нибудь нелепым утверждением или отрицанием не готовил бы насмешек для следующего века»². То же невинное неведение может быть связано с пороками рецепторных и интеллектуальных способностей данного индивида или любого человека. Неведение же, зависящее от человека, имеет в своей основе невнимательное или недостаточно внимательное его отношение к фактам и интересам, значение которых открыто его интеллекту.

5. **Волевая сторона действия.** Понятие воли, по признанию самих психологов, относится к наименее разработанным в советской психологической науке³. Из сложившихся определений наиболее

¹ В. А. Ойгензихт, Аспекты соотношения вины и риска, стр. 38. В то же время, как бы опровергая самого себя, В. А. Ойгензихт замечает, что «акцент должен быть сделан именно на допущении положительного результата, что соответствует признанию в этом случае умышленной вины — косвенного умысла». (Там же). Замечание же В. А. Ойгензихта о том, что «хотя субъект иногда и допускает лишь возможность положительных последствий при эвентуальном умысле, он должен был предвидеть неизбежность отрицательных последствий и мог их предвидеть» (там же), ведет к размыванию граней, отделяющих этот вид вины от преступной небрежности.

² М. Гельвеций, Об уме, М., ОПИЗ, 1938, стр. 12. См. также: Дж. Ст. Милль, Система логики, М., 1914, стр. 665.

³ См.: М. М. Филиппов, Понятие воли в советской психологии. Опыт определения воли, «Ученые записки» (Томский государственный университет), № 79, 1969.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 195.

² П. С. Дагель, Проблемы вины в советском уголовном праве, стр. 50.

³ Там же, стр. 29.

⁴ См.: Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, М., Госюриздат, 1950, стр. 296; П. С. Дагель, Проблемы вины в советском уголовном праве, стр. 31; Г. А. Злобин, Б. С. Никифоров, Умысел и его формы, стр. 75; В. А. Ойгензихт, Аспекты соотношения вины и риска, «Советское государство и право», 1973, № 10, стр. 37

удачными представляются те, которые фиксируют действительное, активное начало воли.

Так, Н. А. Бернштейн видел назначение воли в преодолении препятствий и делил в этой связи движения организма на 1) имеющие одинаковое направление с движением среды, осуществляемые гладко и бесконфликтно и потому не требующие вмешательства воли и 2) требующие преодоления сопротивления среды и, следовательно, нуждающиеся в волевом усилии¹.

Против выражения волевого момента (преступного) поведения через желание или сознательное допущение (общественно опасных) последствий выступил В. Д. Филимонов. Человек, пишет он, «может очень желать достижения преступного результата, но если у него не хватает воли совершить общественно опасное действие, то никакого преступления не будет. Не будет, следовательно, и вины»².

И в самом деле, легко представить случаи, при которых желание преступного результата не сопровождается активностью, направленной на реализацию этого результата, — «желание в себе». Но поскольку правосудие имеет дело лишь с совершенным преступлением, предметом обсуждения является не вопрос о решимости его совершить — такая решимость налично, а вопрос о том, явилось ли деяние результатом желания, допущения, неоправданного риска, небрежности или случайного стечения обстоятельств. В этой связи обращение к понятию «желания» и «выход» через него на волевое содержание действия оправданы и, собственно, единственно возможны.

6. В зависимости от соответствия или несоответствия конечного поставленной цели мы называем действие успешным или безуспешным. Все успешные деяния походят друг на друга как структуры, состоящие из полноценных элементов — необходимая информация, правильная программа, строгое следование этой программе и т. д. Что касается действий безуспешных, то если о них и нельзя сказать, что каждое безуспешное действие неудачно по-своему, то можно отметить значительное разнообразие их содержания и форм. Одни из них связаны с неполной или неточной информацией, другие — с пороками программы, третьи — с неточным действием, чет-

¹ См.: Н. А. Бернштейн, Проблемы моделирования в биологии активности, Сборник «Математическое моделирование жизненных процессов», М., изд-во «Мысль», 1968, стр. 189; см. также: П. И. Иванов, Общая психология, Ташкент, 1964, стр. 336; В. К. Котырло, О генезисе волевого поведения, Материалы III Всесоюзного съезда общества психологов СССР, т. 1, вып. 1, М., 1968, стр. 334; П. Симонов, Предыстория воли, «Наука и жизнь», 1970, № 7, стр. 29.

² В. Д. Филимонов, Общественная опасность личности преступника, Томск, 1970, стр. 139.

вёртые — с пороками обратной связи и т. д. Наконец, неудачное действие может быть безрезультатным, сопровождаться вредными последствиями, быть безрезультатным и сопровождаться этими последствиями.

Итак, двигательная активность, внутреннее и внешнее которой совпадают, как ведущая (нормальная) форма контакта человека с внешним миром, и активность, внутреннее и внешнее которой не совпадают, как распространенная, но не преобладающая (патологическая) форма такого контакта, — суть психологические контуры любого человеческого действия.

7. Особенности психической деятельности операторов технических систем. Интеллектуальная и волевая стороны «технически-усиленного» действия, если иметь в виду набор и связи их структурных элементов, ничем не отличаются от тех же сторон любого действия (оценивается исходная ситуация, сопоставляется с целями, стоящими перед индивидом, принимается решение, намечается программа действий и т. д.). Однако каждый из указанных элементов характеризуется определенными особенностями: ситуация — предмет оценки — является сложной и очень сложной, оценка осуществляется в условиях острого дефицита времени, на основе большой предварительной подготовки и т. д.¹ Так, перед началом полета штурман современного пассажирского самолета должен произвести около 240 операций с радионавигационным и электронным оборудованием самолета². За время одного рейса из машиниста локомотива действует 8—10 тысяч раздражителей, из которых лишь 10% являются производственно-важными. Остальные, не являясь производственно-важными, могут в любой момент ими стать³.

Речь, таким образом, идет о деятельности, предъявляющей высокие и жесткие требования к интеллектуальным и волевым способностям человека. Это обстоятельство имеет важное значение и для решения вопроса об уровнях должного предвидения операторо-

¹ «Существует немало операций, выполнение которых сопряжено с огромным расходом нервной энергии, так как связано с большим риском и чувством моральной ответственности за порученное дело. Необходимость контролировать множество одновременно протекающих процессов, улавливать (с помощью информационных моделей, реализованных на приборах управления) десятки и сотни тысяч операций приводит к концентрации на операторских постах все больших потоков информации». (В. Г. Пушкин, Проблема надежности, М., изд-во «Наука», 1971, стр. 156). См. также: М. Г. Гаазе—Рапопорт, А. Я. Лернер, Д. А. Ошанин, Общие проблемы и задачи исследования системы «человек и автомат», Сборник «Система «человек—автомат», М., 1965, стр. 5.

² См.: В. Л. Маридук, К. К. Платонов, Напряженность в полете, М., Воениздат, 1969, стр. 6.

³ См.: В. Г. Пушкин, Л. С. Несерсян, Железнодорожная психология, М., изд-во «Транспорт», 1972, стр. 41.

ров технических систем, и для выработки критериев, позволяющих разграничивать ошибки, допущенные операторами данных систем, на извинительные, а в ряде случаев неизбежные, и просчеты и ошибки, обусловленные отрицательным отношением к интересам социалистического государства, общества и отдельных граждан.

8. Виновные формы психической деятельности, предполагая отрицательное отношение лица к указанным выше интересам, выражаются либо в намеренном причинении им вреда, либо в легкомысленном или небрежном к ним отношении.

До последнего времени умышленные преступления оценивались как более опасные по сравнению с такими же (с внешней стороны) неосторожными преступлениями. Эта оценка в настоящее время, если и не подвергается коренному пересмотру, то во всяком случае несколько уточняется. Закон предусматривает, например, одинаковые или примерно одинаковые наказания за умышленное убийство и умышленное причинение телесных повреждений, с одной стороны, и за неосторожное убийство, неосторожные телесные повреждения в результате нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, с другой. Соответственно пользоваться дифференцированным представлением о мере общественной опасности неосторожных преступлений в настоящее время оказывается невозможным.

Неодинаковую опасность умышленных и неосторожных преступлений нередко связывают с особенностями личности субъектов этих преступлений, полагая, что субъект первого опаснее субъекта второго. Но для уголовного права основное значение имеет опасность деяния, а не опасность деятеля¹. Даже при согласии с таким суждением возникает вопрос о причинах, по которым лицо, действующее с умыслом, оказывается более опасным, чем субъект неосторожного преступления. Правомерен и вопрос о том, почему одинаково рассеянные люди за неосторожность в быту, сопровождающуюся тяжкими последствиями, могут быть наказаны лишением свободы на срок до двух или до трех лет лишения свободы (ч. I ст. 114 и ст. 106), а за неосторожное причинение тех же последствий при управлении транспортом — лишением свободы на срок до десяти и до пятнадцати лет (ч. I ст. 85 и чч. II и III ст. 211 УК)?

Отвечая на этот вопрос, следует обратиться к объективным признакам умышленных и неосторожных преступлений. Представляется очевидным, что при тождестве этих признаков деление преступлений на умышленные и неосторожные было бы невозможным

¹ См., например: И. И. Карпец, Проблема преступности, М., изд-во «Юридическая литература», 1969, стр. 97.

и излишним: то, что внешним образом себя не проявляет, не существует и не существует, следовательно, для права.

Но если какие-то объективные признаки отличают умышленное преступление от «такого же» преступления, совершенного по неосторожности, то правомерно предположить, что в рамках этого различия содержится и нечто общее, что отделяет все умышленные преступления от преступлений, совершаемых по неосторожности; что каждое умышленное и каждое неосторожное преступление вызывают изменения двух видов: а) **специфические**, присущие какому-то определенному преступлению (убийству, телесным повреждениям и т. д.), и б) **неспецифические**, свойственные любому умышленному либо любому неосторожному преступлению — «стресс умысла» и «стресс неосторожности»; что эти неспецифические признаки и определяют при прочих равных условиях повышенную опасность умышленных и пониженную опасность неосторожных преступлений.

9. Умышленная вина. Сущность и структура. Прежнее законодательство (п. «а» ст. 10 УК РСФСР 1926 г.) раскрывало умысел через отношение лица к последствиям его действия. Действовавшими умышленно признавались те, кто «предвидел общественно опасный характер последствий своих действий, желал этих последствий или сознательно допускал возможность их наступления».

Новое уголовное законодательство (ст. 8 Основ) связывает интеллектуальный признак умысла с отношением лица к своему действию и к последствиям этого действия: «Преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидело его общественно опасные последствия и желало их или сознательно допускало наступление этих последствий».

Приведенное определение умысла не дает оснований относиться к нему как к психическому акту, содержание которого может не связываться с предвидением общественно опасных последствий. Любое преступление — это деяние, которое учиняется при осознании или возможности осознания лицом возможности причинения вреда. Так, субъект самовольной отлучки, если иметь в виду так называемые формальные преступления, якобы не связанные с причинением вреда, осознает и факт самовольного оставления части, и последствия такого оставления — причинение ущерба воинской дисциплине, порядку прохождения воинской службы, и определенным образом относится к этим последствиям — желает их или (чаще) безразлично к ним относится. Равным образом, субъект преступного нарушения правил по технике безопасности

сознает (либо может сознавать) не только факт этого нарушения, но и его ближайшие последствия — дезорганизацию отношений, обеспечивающих поддержание общественной безопасности в сфере использования техники, и желает либо допускает их.

Вне предвидения или возможности предвидения общественно опасного результата лицу не может быть вменено посягательство на объект, лежащий в одной плоскости с этим результатом¹.

Если возможно умышленное преступление, объективная сторона которого «короче» его субъективной стороны (приготовление и покушение), то противоположного положения в советском уголовном праве быть не может — **умышленного преступления без умысла на причинение вреда не существует.**

Нацеливание умышленного деяния на причинение общественно опасного вреда ведет к слиянию сил деятеля и предметов и явлений природы в систему, устремленную к фокусу результата². Субъект продумывает пути и подбирает средства к достижению общественно опасной цели, выбирая из необъятного спектра возможных двигательных актов те, которые ведут к достижению таковой.

При этом внешняя среда может 1) не препятствовать производимым в ней изменениям, позволяя осуществить двигательные акты, неизбежно завершающиеся причинением вреда (убийство спящего, хищение у пьяного, поджог легко воспламеняющегося материала и т. д.); 2) препятствовать этим изменениям, побуждая исполнителя выбирать в каждый момент своего действия такие акты, которые более всего приближают его к поставленной цели (разбойное нападение, мошенничество, вымогательство и т. д.)³.

¹ «С сознанием общественной опасности, — пишет П. С. Дакль, — связано сознание, хотя бы в общих чертах, признаков объекта преступления. Без этого невозможно сознание общественной опасности деяния. Совершая хулиганство, виновный сознает, что он нарушает общественный порядок, если же этого нет — отсутствует умысел на хулиганство. При внятности виновный понимает, что его действия нарушают правильную работу предприятия или учреждения, подрывают его авторитет в глазах населения». Согласиться с иным мнением «значило бы согласиться с тем, что существуют объективные признаки преступления, обуславливающие ответственность виновного и не охватываемые его виной». (П. С. Дакль, Проблемы вины в советском уголовном праве, стр. 79).

² См.: П. К. Антохин, Методологическое значение кибернетических закономерностей, Сборник «Материалистическая диалектика и методы естественных наук», М., изд-во «Наука», 1968, стр. 553.

³ Встретившись с препятствиями, оказываемыми вещами, субъект «обходит их со всех сторон, подступает к объекту с иными средствами и «мучает» объект до тех пор, пока не справится с ним или не убедится в своей беспомощности; в последнем случае объект не перестает быть проблемой и, следовательно будет провоцировать все новые опыты субъекта». (Гегель, Соч., т. II, М.-Л., Соцгиз, 1936, стр. 8).

Как акты, нацеленные на сведение внешних условий и собственных усилий субъекта в систему, нацеленную на причинение вреда, все умышленные преступления равны.

Признав доказанным, что К. нанес потерпевшему 1) удар, 2) большим охотничьим ножом, 3) в висок головы, 4) с большой силой, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР пришла к выводу об учинении им умышленного убийства¹. Тот же вывод сделал Верховный Суд СССР по делу Ш., установив, что потерпевшему 1) наносились удары, 2) в значительном количестве, 3) с большой силой, 4) в жизненно важные органы². «Выстрелы с близкого расстояния из ружья дробовыми зарядами в комнату, где заведомо находилась группа людей, — указано в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР по другому уголовному делу, — свидетельствуют о наличии прямого умысла на убийство способом, опасным для жизни многих людей»³.

Таким образом, судебно-следственные органы обоснованно исходят из того, что организация двигательных актов, осуществляющих программу действий, — наиболее адекватный объективный индикатор психических процессов, программирующих и регулирующих действие⁴.

Посягательства на отношения общественной безопасности могут опосредоваться умыслом и неосторожностью. При умысле субъект осознает нарушение регламента, обеспечивающего удержание технических систем в безопасном состоянии, предвидит последствия такого нарушения — снижение меры упорядоченности отношений общественной безопасности и желает либо (чаще) допускает такое снижение.

Нарушение правил безопасности в целях причинения смерти, телесных повреждений и т. д. квалифицируется по статьям об умышленном убийстве, умышленном причинении телесных повреждений и т. д.⁵.

10. Неосторожная вина. Сущность и структура. Всякое действие, как уже отмечалось, несет в предмет желательные (для

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1967, № 10, стр. 6—7.

² См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970 гг., стр. 437.

³ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1970, № 8, стр. 5—6.

⁴ См.: Л. М. Векиер, К сравнительному анализу психических регуляций и регулирования в автоматах, «Вопросы философии», 1968, № 2, стр. 71.

⁵ См., например, ч. II п. 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 6 октября 1970 г. «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях», Бюллетень Верховного Суда СССР, 1970, № 6, стр. 20.

субъекта) изменения и предохраняет его от излишних изменений (не совместимых с его дальнейшим существованием). Таким образом, не существует только неосторожного действия, вполне свободного от конструктивного начала. Не может быть и действия, свободного от охранительных (страхующих) функций¹.

Неосторожное деяние опосредует поражение лица при взаимодействии с внешним миром. В этом плане оно сравнимо с покушением на преступление. Различие между тем и другим заключается в том, что при неосторожном деянии лицо терпит неудачу в попытке контролировать действие развязанных им сил, а при покушении — в попытке заставить определенные силы действовать в заданном направлении.

Неконтролируемое действие сил природы (технических устройств) может 1) совпасть во времени и пространстве с другими факторами опасности (движение на пути плохо управляемого судна другого корабля; скопление людей вблизи того места, где произошел случайный выстрел, и т. д.); 2) разойтись с этими процессами (нарушение правил безопасности в безлюдном месте, неосторожный выстрел в пустом помещении и т. д.). Естественно, что в первом случае вред может наступить с определенной вероятностью, а во втором — наступить не может.

Поскольку тяжесть преступлений определяется в основном и главным образом а) тяжестью возможного вреда, б) вероятностью его наступления, в) мерой распространенности преступлений определенного рода, поскольку, далее, ущерб при учинении тождественных с внешней стороны умышленных и неосторожных преступлений выше распространенности преступлений, совершаемых умышленно, следует предположить, что различие в степени их общественной опасности связано с тем, что первые создают **большую, а вторые — меньшую вероятность причинения вреда.**

Имея в виду, что умышленные и неосторожные преступления совершаются в условиях, либо благоприятствующих, либо не благоприятствующих причинению вредных последствий, можно представить следующие четыре ситуации их учинения:

1) умышленные преступления + условия, благоприятствующие причинению вреда, — вред наступает с неизбежностью, вероятность его равна единице;

2) умышленное преступление + условия, препятствующие причинению вреда, — вред возможен, вероятность его располагается между нулем и единицей;

¹ См.: И. Г. Филановский, Преступления, совершаемые по неосторожности, «Правоведение», 1969, № 2, стр. 81.

3) неосторожное преступление + условия, благоприятствующие причинению вреда, — вред возможен, вероятность его располагается между нулем и единицей;

4) неосторожное деяние + условия, препятствующие причинению вреда, — вред невозможен, вероятность его равна нулю.

Уместно, однако, отметить, что положение о пониженной опасности неосторожных преступлений истинно до тех пор, пока речь идет о преступлениях, совершаемых в быту, и неприменимо к преступлениям, связанным с использованием техники. Так, за умышленное причинение менее тяжкого телесного повреждения наказание может быть назначено в виде лишения свободы на срок до трех лет (ч. I ст. 109 УК). Но такое же наказание может быть применено за неосторожное причинение тех же последствий в результате нарушения правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта и городского электротранспорта (ч. I ст. 211 УК). Умышленное убийство и умышленное причинение тяжких телесных повреждений наказываются соответственно лишением свободы на срок до восьми (ч. I ст. 108 УК), до десяти (ст. 103 УК) и до пятнадцати лет или смертной казней (ст. 102 УК), а неосторожное причинение тех же последствий в результате ненадлежащего применения техники карается лишением свободы на срок до пяти (ч. III ст. 140, ч. II ст. 214 и ч. II ст. 215 УК) и до пятнадцати лет (ч. I ст. 85 и ч. III ст. 211 УК).

Такая оценка общественной опасности «технически усиленной» неосторожности оправдана и закономерна. Если неосторожность в быту ведет к сравнительно ограниченным вредным последствиям, то неосторожное проведение технико-технологического процесса завершается, по общему правилу, причинением широкого и интенсивного вреда. Отсутствие точности (действие не нацеливается на причинение вреда) компенсируется, говоря языком военных, большой мощностью — если кастет, камень, нож и пр. ранят или убивают лишь при прямом попадании в цель, то пакет с динамитом, баллон под давлением и т. п. вызывают те же последствия и в том случае, если разрываются на расстоянии от человека¹.

¹ Повышение роли правовой регламентации научно-технического прогресса, пишет Л. С. Явич, «связано с дальнейшим обогащением прав личности, с самой тщательной охраной человека и всего общества от безответственного использования научно-технических достижений, с резким повышением ответственности за ряд должностных преступлений (в частности, за злоупотребление властью и служебным положением, нарушение требований техники безопасности, причинение вреда источниками повышенной опасности жизни и здоровью человека и т. п.). Когда речь идет об использовании многих новейших достижений науки и техники, тем самым уже повышается общественная опасность преступной самонадеянности и неосторожности, халатности». (Л. С. Явич, Научно-техническая революция, право и юридическая наука, «Правоведение», 1973, № 5, стр. 39).

В литературе встречаются попытки дифференцировать формы неосторожной вины по степени общественной опасности. При самонадеянности виновный, как считает Г. А. Кригер, «хотя и в меньшей степени, чем при умысле, но все же предвидит возможность наступления вредных последствий, чего нет при небрежности, при которой виновный лишь не проявляет должной осмотрительности. Кроме того, и объективно при небрежности обычно реальная возможность наступления вредных последствий гораздо меньше»¹.

Вряд ли есть смысл спорить по поводу того, что более опасно — дремучее невежество или легкомысленное обращение к неоправданному риску. Как правильно считал Н. С. Таганцев, вполне мыслимы такие случаи «беспечности, которые заключают в себе несравненно большую виновность, чем преувеличенная надежда на свою силу, ловкость и т. д.»². Довод же о том, что при небрежности «реальная возможность вредных последствий гораздо меньше», нуждается в аргументации.

И самонадеянность, и небрежность равны в том отношении, что они могут положить начало событиям, чреватых тяжкими последствиями. Но удельный вес преступно-самонадеянных и преступно-небрежных действий в общей массе неосторожных деяний, а также число факторов, провоцирующих то и другое, отнюдь не равны.

Так, среди причин дорожно-транспортных происшествий ведущее место занимают «сознательно-неосторожные» нарушения. Исследования П. С. Дагеля показывают, что среди психологических причин нарушений правил безопасности движения транспорта, допущенных водителями, главное место занимают стремление выполнить и перевыполнить план, быстрее доставить грузы и иные мотивы, провоцирующие намеренное нарушение правил безопасности³.

Причины преобладания самонадеянности в общей массе неосторожных деяний сводятся к следующему:

¹ Г. А. Кригер, Индивидуализация наказания по советскому уголовному праву, сборник «Применение наказания по советскому уголовному праву», М., Изд-во МГУ, стр. 79.

² Н. С. Таганцев, Курс русского уголовного права, Часть Общая, кн. I, СПб, 1878, стр. 81—82.

³ См.: П. С. Дагель, Криминологическое значение субъективной стороны преступления, «Советское государство и право», 1966, № 11, стр. 89.

1) мера невежества оператора технической системы — явление более или менее контролируемое; оно тем более поддается контролю, когда дело идет о знаниях субъекта, включенного в формальную группу (предприятие, научно-исследовательское учреждение и т. п.); готовность же к риску до фактического обращения к нему установить значительно труднее;

2) факторы, детерминирующие готовность (предрасположенность) лица к преступно-самонадеянному действию, гораздо разнообразнее и шире факторов, провоцирующих преступную небрежность. К ним относятся: а) положение, при котором соблюдение норм по технике безопасности создает рабочему неудобства и приводит к снижению выработки; б) бытующее в некоторых коллективах мнение о том, что строгое соблюдение правил безопасности свидетельствует о малодушии и трусости работника, причем мнение это часто находит поддержку в выступлениях журналов и газет, воспевающих ложную производственную героику, в художественной литературе, в кинофильмах; в) стремление к острым ощущениям, часто наблюдаемое у молодых рабочих¹.

Уместно заметить, что повышенная опасность самонадеянсти получает учет в уголовном праве. В ряде случаев уголовная ответственность за поставление в опасность зависит от того, создана ли опасность в результате намеренного (заведомого) нарушения норм предосторожности или по небрежности субъекта. Так, ч. II ст. 85 предусматривает ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, водного и воздушного транспорта, которое **заведомо** создавало угрозу наступления тяжких последствий. Об ответственности за заведомое поставление в опасность говорят ч. I ст. 142 УК Узбекской ССР, ч. II ст. 126 УК Казахской ССР, ч. I ст. 136 УК Киргизской ССР, ч. I ст. 134 и ч. I ст. 206 УК Эстонской ССР, ч. I ст. 219 УК Украинской ССР, ч. I ст. 211 УК Грузинской ССР, ч. I ст. 246 УК Литовской ССР и ч. I ст. 233 УК Молдавской ССР.

Слово «заведомый» означает хорошо известный, заранее известный, несомненный². В таком же значении употребляется оно в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 октября

¹ См.: И. Балинт, М. Муран, Психология безопасности труда, М., Профиздат, 1968, стр. 153—157. Н. П. Яблоков выделяет в ряду тех же причин корысть, карьеризм и связанные с ними шумиху и очковтирательство.

² См.: Словарь русского языка, т. I, М., Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957, стр. 143.

1969 г.: неисправность автомото транспорта должна признаваться заведомой, «если о ней известно лицу, ответственному за техническое состояние или эксплуатацию транспортных средств»¹.

Таким образом, в перечисленных случаях наказуемой является только неосторожность в форме самонадеянности, что свидетельствует об учете повышенной опасности преступно-самонадеянной формы вины в советском уголовном законодательстве.

11. **Преступная самонадеянность.** УК РСФСР 1922 г. признавал действовавшими неосторожно лиц, которые «легкомысленно надеялись предотвратить последствия своих действий или же не предвидели, хотя и должны были их предвидеть» (п. «б» ст. 11 УК).

В п. «б» ст. 10 УК РСФСР 1926 г. преступная самонадеянность определялась как предвидение лицом общественно опасных последствий своих поступков при легкомысленной надежде предотвратить такие последствия.

В Основах уголовного законодательства 1958 г. определение преступной самонадеянности не претерпело значительных изменений. С ней, как и прежде, связывается предвидение лицом общественно опасных последствий его действия или бездействия при легкомысленном расчете на их предотвращение (ст. 9 Основ).

Сопоставление указанных определений с ч. II ст. 48 Уголовного уложения 1903 г. («Преступное деяние почитается неосторожным не только тогда, когда виновный его не предвидел, хотя мог и должен был оное предвидеть, но также когда он хотя и предвидел наступление последствия, обуславливающего преступность сего деяния, но легкомысленно предполагал такое последствие предотвратить») показывает, что основой определения преступной самонадеянности, как и преступной небрежности, в УК РСФСР 1922 и 1926 гг. была ст. 48 Уложения.

В принципе в таком заимствовании нет ничего неожиданного. «Было бы наивным и опасным «левачеством», — пишут Г. А. Злобин и Б. С. Никифоров, — полагать, что определения «общуголовных» понятий, выработавшихся правосознанием в течение веков, таких, как кража, грабеж, разбой либо умысел или неосто-

рожность, в советском законодательстве должны быть непременно другими, чем раньше, «ни на что не похожими»¹.

Но несомненно и то, что многие технико-юридические достижения конца прошлого и начала настоящего века должны быть уточнены и пересмотрены в плане новых требований и новых условий общественной жизни и в первую очередь в плане тех изменений, которые привносит в суждение о границах должной предусмотрительности научно-технический прогресс в современных его формах².

Решающим моментом в ряду таких изменений является усложнение содержания общественной жизни, ускорение ее темпов и ритмов, включение в нее сложных и ответственных производственных процессов, резко увеличивших меру обычного и повышенного (технического) риска.

Традиционными признаками преступной самонадеянности являются: а) предвидение лицом возможности причинения своими действиями общественно опасных последствий, б) надежда (или расчет) на их предотвращение, в) фактическое наступление этих последствий г) вследствие легкомыслия указанного расчета.

Осознание общественной опасности совершаемого деяния и предвидение его общественно опасных последствий сближают преступную самонадеянность с косвенным умыслом.

Для разграничения того и другого В. Г. Макашвили использует понятия «конкретной» и «абстрактной» возможности, полагая, что субъект косвенного умысла предвидит конкретную, а субъект преступной самонадеянности — абстрактную возможность вредного последствия³. Таким же образом решают этот вопрос и многие другие авторы⁴.

Но игнорирование абстрактно-возможных (предельно маловероятных) вредных последствий действия или бездействия не только не является предосудительным, а наоборот, выступает, по общему правилу, единственно возможным способом реализации об-

¹ Г. А. Злобин, Б. С. Никифоров, Умысел и его формы, стр. 32—33.

² См.: М. Д. Шаргородский, Научный прогресс и уголовное право, стр. 89.

³ См.: В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, М., Госюриздат, 1958, стр. 21.

⁴ См.: например: Советское уголовное право. Часть Общая. Изд-во ЛГУ, 1960, стр. 319; Курс советского уголовного права, т. 2, стр. 312—313; Советское уголовное право. Часть Общая, М., изд-во «Юридическая литература», 1972, стр. 348.

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1970, № 1, стр. 7.

щественных связей. За очень небольшим исключением, рассмотренным выше (глава II, § 3), право не может требовать от граждан учета любых, в том числе абстрактно-возможных последствий их деятельности.

Подчеркивая пустоту категории абстрактной возможности, В. И. Ленин писал: «Смешно отрицать „возможность“ превращения империалистской войны в национальную... Что только не «возможно» на свете!»¹. «Но мы остаемся диалектиками, борясь с софизмами не посредством отрицания возможности всяких превращений вообще, а посредством конкретного анализа *данного* в его обстановке и в его развитии»². Видеть в преступной самонадеянности не более чем игнорирование абстрактно-возможных последствий действия — значит обрекать себя на неправильную оценку психологического и социально-политического значения таковой³.

Примером создания (и сознания) абстрактной возможности вредного последствия В. Г. Макашвили приводит следующий казус: опытный, уверенный в своем искусстве стрелок держит пари, что попадет на дальнем расстоянии в мишень, поставленную на голову ребенка, но делает промах и убивает ребенка⁴.

Этот пример нам представляется неудачным, поскольку в нем наличествует не абстрактная, а конкретная возможность вредного последствия. Направляя а) огнестрельное оружие, б) с дальнего расстояния, в) в мишень, поставленную на голову ребенка, субъект не может не сознавать, что этим он ставит жизнь человека в зависимость от обстоятельств, над которыми не может сохранять контроля, диктуемого ценностью блага. Конкретная (не абстрактная!) возможность промаха заложена в условиях любого выстрела (конструктивные и баллистические недостатки оружия, дефекты в поведении ребенка, метеорологические условия и т. п.), и чем опытнее стрелок, тем это для него очевиднее.

Таким образом, подлинное значение преступной самонадеянности состоит не в фикции небрежности (осознавал абстрактную возможность там, где на самом деле была конкретная возможность

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, стр. 348.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 6.

³ На возможность конкретного предвидения при самонадеянности указывает, например, В. А. Ойгензихт. (В. А. Ойгензихт, Проблема риска в гражданском праве, Душанбе, изд-во «Ирфон»; 1972, стр. 57; Его же, Аспекты соотношения вины и риска, стр. 38).

⁴ В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, стр. 20.

вредного последствия), а в сознательном перемещении правоохраняемого блага из безопасной сферы в опасную¹.

Рассчитывая на успех и обосновывая свой расчет созданием условий, способных, с его точки зрения, воспрепятствовать причинению вреда, субъект преступной самонадеянности учитывает и возможность неудачи — принимает в отношении ее определенные предупредительные меры. Например, в одном случае капитан рыболовного траулера У. допустил посадку судна на мель. Это произошло в районе скопления других судов, и оказать ему помощь не составляло большого труда. Однако У., не желая себя компрометировать, помощи не запросил и решил сниматься с мели собственными усилиями. Этим он вызвал большую потерю времени. Начался отлив. Судно стало «обсыхать» и получило пробойну в подводной части корпуса. Дальнейшие разрушения сделали подъем судна экономически нецелесообразным. При этом было установлено, что У., понимая опасность маневра, приказал на случай неудачи приготовить спасательные шлюпки.

Отрицая возможность двойного (альтернативного) предвидения, В. Г. Макашвили утверждает, что надежда (расчет) на одно какое-либо событие исключает надежду (расчет) на событие противоположное. «Нельзя не видеть, — пишет он, — некоторого противоречия между утверждением, что лицо предвидит возможность наступления конкретного общественно опасного последствия, и положением, что лицо в то же время рассчитывает избежать его. Последнее устраняет первое»².

Однако всякое развитие (превращение возможности в действительность) конститутивно связано с борьбой противоположностей. Эта борьба, зависящая от многих переменных, часть из которых можно предвидеть лишь с большей или меньшей вероятностью, ведет к тому, что людям приходится руководствоваться альтернативным предвидением, а в ряде случаев учитывать несколько альтернатив. Так, летчик-испытатель, безусловно рассчитывая на успех экспериментального полета, тем не менее надевает парашют. При

¹ Этого не учитывает В. А. Ойгензихт, по мнению которого вина субъекта преступной самонадеянности заключается в том, что «он должен был и не только должен был, но и мог сознавать в полной мере не только последствия своих поступков, но и ошибочность своих расчетов». (В. А. Ойгензихт, Проблема риска в гражданском праве, стр. 57). О том же он пишет в другой работе (См.: В. А. Ойгензихт, Аспекты соотношения риска и вины, стр. 38).

² В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, стр. 19.

запуске космической ракеты с космонавтом на борту головную часть ракеты снабжают аварийными двигателями, предназначенными для спасения космонавта в случае взрыва или пожара при старте. Резкое учащение пульса у летчиков во время дозаправки самолета в воздухе до 150—180 ударов в минуту — очевидное свидетельство предвидения ими не только успеха этой операции, но и возможности ее катастрофического исхода¹. Таким образом, предвидение нескольких последствий действия — это реальность. **Преступная самонадеянность предполагает психическое переживание, при котором лицо предвидит в качестве одной из альтернатив предпринимаемого действия ущерб и тем не менее не воздерживается от такого действия.** Из этого следует, что сам по себе факт двойного предвидения недостаточен для констатации преступной самонадеянности.

Выше было отмечено, что концепция В. Г. Макашвили не позволяет провести четкую грань между самонадеянностью и преступной небрежностью. Не способствует она и установлению четких границ между самонадеянностью и косвенным умыслом.

По мнению В. Г. Макашвили, субъект преступной самонадеянности, рассчитывая на определенные обстоятельства, уверен, что вред, возможность которого он предвидит, будет предотвращен². На те же обстоятельства, с точки зрения В. Г. Макашвили, может рассчитывать и лицо, действующее с косвенным умыслом, хотя расчет в этом случае и «не достигает степени уверенности»³.

Таким образом, для разграничения косвенного умысла и самонадеянности привлекается не качественный, а количественный критерий: отражение в сознании субъекта **величины шансов** на предотвращение вреда. «При косвенном умысле, — пишет В. Г. Макашвили, — лицо, надеясь на определенные обстоятельства, вместе с тем сознает, что значение этих обстоятельств в данной ситуации сомнительно и потому шансы предотвратить наступление общественно опасного последствия невелики»⁴.

На центральной людной улице два пьяных шофера устраивают «гонки» новых автомашин, значительно превышая дозволённую скорость. Они, как считает В. Г. Макашвили, не могут не сознавать, что при таких условиях многолетний опыт, умение искусно водить машину и новые исправные тормоза едва ли могут гарантировать безопасность движения, но готовы ценой причинения

¹ В. Л. Марицук, К. К. Платонов, Е. А. Плетнецкий, Напряженность в полете, М., Воениздат, 1969, стр. 8.

² См.: В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, стр. 39.

³ В. Г. Макашвили, Интеллектуальный и волевой моменты умысла, «Советское государство и право», 1968, № 7, стр. 110.

⁴ В. Г. Макашвили, О разграничении косвенного умысла и самонадеянности, «Правоведение», 1965, № 2, стр. 170.

тяжких последствий доставить себе удовольствие и позабавиться быстрой ездой. При таких обстоятельствах ссылка шоферов на свои профессиональные качества не может быть принята во внимание и следует признать, что они причинили вред умышленно¹.

Наличие косвенного умысла на причинение вреда в данном случае несомненно, наличие же расчета на предотвращение вредного последствия более чем спорно. Автомобильные гонки, опасные сами по себе, особенно рискованны на улице. Возможность их благополучного завершения производна от максимально внимательного и точного управления. Потребление алкоголя снимает эту возможность. Таким образом, в этом случае, как и при других проявлениях косвенного умысла, отсутствует расчет на конкретные обстоятельства, способные предотвратить причинение вреда, что, кстати говоря, признавал по поводу того же примера В. Г. Макашвили в более ранней работе².

Несколько противоречиво решает тот же вопрос П. С. Дегель, указывая в одной и той же работе, что субъект косвенного умысла может надеяться «на определенные обстоятельства, создающие некоторую вероятность предотвращения последствий»³, что при косвенном умысле лицо «не рассчитывает на конкретные обстоятельства, которые, по его мнению, должны предотвратить наступление этих последствий»⁴.

При этом не получает должной оценки то немаловажное обстоятельство, что при **косвенном умысле** лицо **соглашается с наступлением вредного последствия** (допускает его), а при **самонадеянности** относится к **причинению вреда отрицательно**, объективизируя это отрицательное отношение в действиях, направленных на предотвращение вреда.

Не учитывает этого различия и В. А. Ойгензихт, по мнению которого сходство между самонадеянностью и косвенным умыслом следует из «решимости действовать в своих интересах в ущерб другим; разница же заключается в том, что во втором случае чужие интересы **приносятся в жертву сознательно**, а в первом — по легкомыслию, хотя тоже вполне **сознательно**» (выделено мною. — М. Г.)⁵.

Понятия «допущение» и «недопущение», которыми пользуются В. А. Ойгензихт и другие авторы при разграничении косвенного

¹ В. Г. Макашвили, О разграничении косвенного умысла и самонадеянности, стр. 170.

² См.: В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, стр. 42.

³ П. С. Дегель, Проблемы вины в советском уголовном праве, стр. 89.

⁴ Там же, стр. 88.

⁵ В. А. Ойгензихт, Проблема риска в гражданском праве, стр. 57.

умысла и самонадеянности, имеют два значения — интеллектуальное и волевое. В первом случае имеется в виду осознание лицом возможности (неисключенности) некоторого события, во втором — волевое отношение к этому событию, отличное от желания его (этого события) и от стремления его предотвратить. «Допущение» в первом значении этого слова совершенно непригодно для разграничения умысла и самонадеянности, так как в равной мере характеризует оба вида умысла и самонадеянность. «Допущение» же как волевое отношение к общественно опасному результату присуще лишь косвенному умыслу: сознавая возможность причинения своими действиями вреда, субъект не относится к таковому ни как к желательному (отличие от прямого умысла), ни как к нежелательному (отличие от самонадеянности). Иными словами, **допущение вредных последствий в волевом значении этого термина присуще лишь косвенному умыслу.**

«При косвенном умысле, — пишет П. С. Дагель, — лицо может безразлично или даже отрицательно относиться к преступным последствиям, активно желать их наступления, может, наконец, надеяться, что они не наступят, — эти оттенки отношения к преступным последствиям не устраняют косвенного умысла...»¹. Думается, однако, что для косвенного умысла характерно как раз отсутствие «активного желания» предотвратить вредное последствие, отсутствие действий, в которых объективируется таковое. Соответственно оно не выходит за рамки благочестивого пожелания, не сопровождаемого активностью, направленной на реализацию этого пожелания. Это и определяет повышенную опасность преступно-самонадеянного действия. Более прав П. С. Дагель, когда он пишет, что «преступное последствие при косвенном умысле — это цена, которую виновный готов заплатить за достижение желаемой цели, которой он добивается ценой причинения вреда обществу, принося, таким образом, общественные интересы в жертву ради достижения личных целей»².

Действуя сознательно неосторожно, субъект преступной самонадеянности создает (и сознает) и возможность вреда, и возможность его предотвращения, а субъект косвенного умысла создает (сознает) лишь первую возможность и не создает (не сознает) вторую.

Зимним вечером М., будучи в нетрезвом состоянии, управлял трактором, фары которого были неисправны. В темноте было невозможно различать дорогу, и М. ориентировался по кронам деревьев, видневшимся на фоне неба. В результате он не заметил

¹ П. С. Дагель, Проблемы вины в советском уголовном праве, стр. 88.

² Там же, стр. 88 — 89.

мужчину, лежавшего у обочины дороги, наехал на него и причинил ему смерть.

Народный суд квалифицировал это преступление по ч. II ст. 205 УК Эстонской ССР (ч. II ст. 211 УК РСФСР). Верховный Суд Эстонской ССР, рассматривая дело в порядке надзора, согласился с такой квалификацией.

Соллидаризируясь с приговором и постановлением по данному делу, признавшими наличие у М. косвенного умысла на причинение смерти потерпевшему, Н. Нигола обращает внимание на то, что в данном случае виновный не строил свой расчет на конкретных обстоятельствах, способных воспрепятствовать причинению вреда¹.

Однако, поскольку трактор двигался в ночной тиши, а его движение сопровождалось сильным шумом, у М. мог быть реальный расчет на то, что человек, оказавшийся на лесной дороге, услышит шум трактора и сойдет с его пути.

Продолжая сравнение преступной самонадеянности и косвенного умысла, уточняя оттенки, в какой-то степени сближающие их, можно отметить, что **оба вида вины предполагают намеренное создание опасной ситуации.** Сознательное создание опасной ситуации при отсутствии желания реализации такой опасности — «общее кратное» косвенного умысла и самонадеянности. Оно же характеризует и момент оправданного производственного (и иного) творческого риска.

В общем и целом можно утверждать, что пренебрежение опасностью не всегда свидетельствует о неправомерности поступка — о безразличном отношении к наступлению вредного последствия или о легкомысленном расчете на его предотвращение.

Игнорирование опасности является во многих случаях единственно возможным средством решения важной социальной задачи. Порой оно является моральным долгом и юридической обязанностью советских граждан — профессия летчика, врача, верхолаза, бойца пожарной охраны, бойца горноспасательного отряда и т. д.

«Вовсе не любое опасное и рискованное действие субъекта, — писал М. Д. Шаргородский, — надлежит рассматривать как неосторожное. Такая оценка далеко не всегда будет правильной, даже если бы было установлено, что субъект не только мог и должен был знать об опасных последствиях, которые связаны с его деятельностью, но и то, что сам он сознавал возможность их наступления. Если бы вопрос был решен иначе, то всякая творческая де-

¹ Н. Нигола, Характер и степень общественной опасности авто-транспортных преступлений, «Советское право», 1969, № 4, стр. 244.

тельность в обществе была бы невозможна и всякая инициатива была бы убита»¹.

На то же обращал внимание Б. С. Утевский, полагая, что субъект преступной самонадеянности заслуживает упрека не за сам по себе факт обращения к риску, а за неоправданный, недопустимый риск².

Иначе считает В. А. Ойгензихт, полагая, что риск (правомерный и неправомерный) и самонадеянность находятся в разных субъективных плоскостях — субъект преступной самонадеянности «допускает легкомысленную уверенность в несовершении им противоправного поступка и в ненаступлении противоправного результата. Никакого риска здесь нет. При оправданном производственном риске отсутствует противоправность действий, а следовательно, и результата, и имеет место только допущение отрицательных последствий при совершении правомерного поступка»³. При виновном же риске субъект осознает и допускает альтернативный исход — положительный (желаемый) и отрицательный (нежелаемый)⁴.

Таким образом, намеренное привнесение опасности отсутствует, по мнению В. А. Ойгензихта, при косвенном умысле и самонадеянности, ибо косвенный умысел предполагает осознание неизбежности наступления вредного последствия, а самонадеянность — уверенность в ненаступлении такового. Намеренное поставление в опасность — атрибут особого вида вины — «виновного риска».

При небрежности лицо, с точки зрения В. А. Ойгензихта, не осознает, при косвенном умысле — осознает отрицательный результат, но относится к нему безразлично, при самонадеянности — необоснованно уверено в ненаступлении такого результата, а при виновном риске — осознает и допускает альтернативный исход — положительный (желаемый) и отрицательный (нежелаемый)⁵.

К сожалению, В. А. Ойгензихт не указывает, в каком из двух возможных значений употребляется им понятие «допущение». Если это понятие связывается с осознанием возможности (неисключенности) вредного последствия, то очевидна непригодность его для отграничения «виновного риска» от умысла в обоих его видах, ибо такое осознание присуще и прямому и косвенному умыслу.

¹ М. Д. Шаргородский, Научный прогресс и уголовное право, стр. 90.

² См.: Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, М., Госюриздат, 1950, стр. 265.

³ В. А. Ойгензихт, Проблема риска в гражданском праве, стр. 75.

⁴ См.: там же.

⁵ См.: там же, стр. 39.

Если же имеется в виду волевое значение понятия «допущение», то предположить, что субъект правомерного и неправомерного риска **соглашается** с его отрицательным (нежелательным) исходом, — значит забыть о том обстоятельстве, что рискованное действие, как и любое действие, — суть акт, нацеленный на достижение определенного результата и, следовательно, на успех. В понятие же успеха органически включается предотвращение нежелательных последствий действия. Остаются, правда, открытыми вопросы о степени уверенности лица в предотвращении вреда, о значении цели, для достижения которой предпринимается рискованное действие, о величине возможного вреда. Но они не относятся к сущности проблемы.

На первый взгляд, конструкция «виновного риска» служит уточнению оттенков психического отношения субъекта к учиняемому им общественно опасному действию и к последствиям этого действия. По замыслу автора, предложенная конструкция — следствие разукрупнения, «демонтирования» косвенного умысла и самонадеянности — отделения от косвенного умысла случаев, при которых субъект не предвидит неизбежности вредных последствий, а от преступной самонадеянности — случаев, при которых он не испытывает полной уверенности в предотвращении вреда, и сочетания того и другого в новый (третий) вид вины. Если же иметь в виду, что для косвенного умысла типично, вопреки мнению В. А. Ойгензихта, предвидение именно вероятности вредных последствий, а для самонадеянности — надежда на предотвращение вреда, то надо будет признать, что речь в конечном счете идет не о дифференциации, а об интеграции, не о разделении, а об объединении двух видов вины — косвенного умысла и самонадеянности в один (укрупненный) вид вины — «виновный риск», т. е. о попытке, которая в общем и целом не является новой в теории уголовного права. Так, в свое время были сделаны предложения создать укрупненную форму вины — «заведомость», включающую косвенный умысел и самонадеянность¹.

Для такого объединения нет никаких оснований. Оно скраывает существенное различие между случаями, при которых лицо, предвидя вероятность наступления вредных последствий своего действия (или бездействия), равнодушно соглашается с таковыми, и случаями, когда лицо, учиняя объективно опасное действие, сочетает его с актами, создающими действительную, с его точки зрения, возможность по предотвращению вреда.

¹ См.: В. Я. Лифшиц, К вопросу о понятии эвентуального умысла, «Советское государство и право», 1947, № 7; М. Чельцов, Спорные вопросы учения о преступлении, «Социалистическая законность», 1947, № 4, стр. 8—9.

Являя собой неправомерный риск, преступная самонадеянность предполагает легкомысленное поставление в опасность государственных, общественных интересов и личных интересов граждан. Это легкомыслие выражается либо в переоценке шансов на предотвращение вреда, либо в переоценке общественного значения цели действия, либо в недооценке общественной опасности возможного нежелательного результата.

Иными словами, преступная самонадеянность, предполагая намеренное поставление в опасность правоохраняемых интересов, включает следующие структурные элементы: 1) осознание лицом опасности (рискованности) своих действий, 2) расчет на конкретные обстоятельства, способные, по его мнению, предотвратить наступление вредных последствий, 3) фактическое причинение вредных последствий или создание возможности их наступления, 4) отсутствие высокой общественно значимой цели, способной оправдать создание данной опасности.

12. Преступная небрежность связывалась в УК РСФСР 1922 г. (п. «б» ст. 11) и в УК РСФСР 1926 г. (п. «б» ст. 10) с непредвидением лицом последствий своих поступков при обязанности их предвидеть.

Статья 9 Основ уголовного законодательства определяет преступную небрежность как непредвидение лицом возможности наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия при возможности и обязанности их предвидеть («должно было и могло их предвидеть»).

И в период, предшествовавший принятию Основ, многие советские криминалисты связывали небрежную вину не только с обязанностью, но и с наличием у лица возможности предвидеть общественно опасные последствия своего деяния¹.

Полагая излишним включать в определение преступной небрежности субъективный критерий (возможность предвидения), Т. Л. Сергеева указывала на то, что «в принципе каждый вменяемый человек обладает абсолютной возможностью как сознавать характер своей деятельности, так и предвидеть те последствия, которые являются или объективно могут явиться результатом его деятельности»².

¹ См., например: В. Ф. Кириченко, Значение ошибки по советскому уголовному праву, М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 78—79; В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, стр. 149; В. С. Маньковский, Проблема ответственности в уголовном праве, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 62; В. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, стр. 294; Уголовное право, Общая часть, М., Юриздат, 1948, стр. 346; Советское уголовное право, Общая часть, Изд-во МУ, 1969, стр. 175.

² Т. Л. Сергеева, К вопросу об определении преступной небрежности, «Советское государство и право», 1974, № 4, стр. 22, См. также:

Противником включения в определение преступной небрежности указания на наличие у субъекта возможности предвидеть общественно опасные последствия своего деяния был М. Д. Шаргородский. «Сейчас представляется еще более обоснованной, чем ранее, необходимость определения неосторожности в форме небрежности таким образом, чтобы ответственность имела место как в случаях, когда человек мог предвидеть наступление общественно опасных последствий, так и в случаях, когда он должен был их предвидеть»¹. Правда, в другом месте своей работы М. Д. Шаргородский указывал на необходимость «обратить внимание при определении неосторожности на субъективные возможности и знания конкретного лица, ибо то, чего можно требовать от человека в условиях современной техники, зависит: 1) от знаний этого человека; 2) от его психических особенностей (быстрота реакции, способности и т. д.); 3) от особенностей конкретного случая»².

По мнению А. А. Пионтковского, ответственность за неосторожность в форме небрежности «на основе лишь объективного критерия без учета особенностей личности, по существу, ведет к тому, что в понятие неосторожности просачивается объективное вменение. От человека нельзя требовать невозможного. Под прикрытием заботы об общественном благе при такой трактовке неосторожности понятие неосторожной вины расширилось бы до пределов, могущих помешать техническому прогрессу»³.

Уместно отметить, что обе, существенно разные позиции изложены в работах, посвященных вопросам, возникшим перед уголовным правом в связи с научно-техническим прогрессом. В том и в другом случаях обращается внимание на возможность разрыва между обязанностями, налагаемыми государством на определенно субъекта в связи с его позицией в «социотехнической системе, и возможностями этого субъекта — его способностями должным образом выполнить эти обязанности. Причем вполне обоснованно обращается внимание на высокую опасность этого разрыва на данном этапе научно-технического прогресса. Неспособность ямщика справиться с тройкой лошадей вела к тому, что из саней вываливались седоки, получали ушибы и на тех же санях ехали дальше. Та же неспособность при управлении самолетом, морским

А. С. Никифоров, Основные вопросы уголовной ответственности за преступления, совершенные по небрежности, «Ученые записки ВЮИОН», вып. 1, М., Госюриздат, 1955, стр. 166—167.

¹ М. Д. Шаргородский, Научный прогресс и уголовное право, стр. 90.

² Там же, стр. 89.

³ А. А. Пионтковский, Уголовный закон в борьбе с отрицательными последствиями научно-технического прогресса, стр. 36.

или речным судном, атомным реактором и т. п. чревата гибелью сотен и тысяч людей.

Из этого следует, что исключение объективного вменения должно осуществляться путем преодоления разрыва между обязанностями и способностями (возможностями) операторов технических систем на основе широких организационно-технических мероприятий, направленных на преодоление указанного разрыва и опосредованных правом.

Способы решения этой задачи рассматривались М. Д. Шаргородским и А. А. Пионтковским. «Человек в современном обществе, — писал М. Д. Шаргородский, — должен отвечать за то, что он принимает на себя ответственность за деятельность или действия, с последствиями которых он справиться не в состоянии... Это не исключает, конечно, того, что отвечают и лица, поставившие субъекта в условия, в которых он должен выполнять функции, которые он выполнять не может»¹. «От каждого гражданина, — указывал А. А. Пионтковский, — можно и нужно требовать, чтобы он не занимался той деятельностью, с которой не в состоянии справиться. Это особенно необходимо в условиях научно-технической революции... Объективная невозможность лица справиться с возникающей опасностью в конкретной ситуации в силу отсутствия у него необходимого опыта и знаний не освобождает его от ответственности, если по своему преступному легкомыслию он берет за дело, не обладая необходимыми знаниями»².

Мысль о том, что установление уголовной ответственности за причинение вреда деятельности, которой лицо не имело права заниматься, и даже за обращение к этой деятельности, является важным условием исключения разрыва между обязанностями и способностями лица, вполне справедлива. При этом лишено значения то обстоятельство, идет ли речь о самовольном обращении к подобной деятельности (угон автотранспорта) либо о представлении подложных документов, необходимых для допуска к работе, связанной с обслуживанием источников повышенной опасности, и т. д. Важно иметь в виду, что во всех этих случаях речь должна идти не о небрежности, а о преступной самонадеянности — лицо осознает общественную опасность своего действия или бездействия, предвидит его общественно опасные последствия и рассчитывает их предотвратить.

С этим не был согласен М. Д. Шаргородский, полагая, что возведением подобных случаев в самонадеянность мы возвращаемся

¹ М. Д. Шаргородский, Научный прогресс и уголовное право, стр. 91.

² А. А. Пионтковский, Уголовный закон в борьбе с отрицательными последствиями научно-технического прогресса, стр. 36.

к средневековой доктрине — «тому, кто занимается незаконным делом, вменяется все, что происходит от преступления»¹. Но порок данной доктрины заключается в том, что она предлагает вменение в качестве умышленно причиненных случайных последствий действий субъекта. Легко заметить, что в рассмотренном случае речь идет совсем о другом.

Применительно к преступной небрежности значение имеют случаи, при которых лицо не могло должным образом выполнять возложенные на него обязанности, но не знало об этом.

Отказ от субъективного критерия преступной небрежности по мотивам того, что каждый вменяемый человек способен предвидеть все последствия своих действий, противоречит, как указывалось выше, относительности человеческих знаний. Представления о предметах и свойствах действия, руководствуясь которыми можно получить желаемые результаты, далеко не совершенны и отнюдь не полны. В результате объективно вредное действие может оцениваться лицом, в соответствии с заблуждениями его времени, как полезное и социальное ценное (коховский туберкулин, первоначальное — в непомерных дозах — применение кокаина и т. п.). История науки — история подобных заблуждений². Речь может идти и просто о незнании какого-то закона, определенных условий и т. д.³.

Естественно, что вменять человеку ошибки и просчеты, имеющие своим основанием эти и подобные причины, бессмысленно и бессмысленно. «Господство над природой, проявляющее себя в практике человечества, есть результат объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы...»⁴.

Столь же бессмысленно привлекать лицо к ответственности за ошибки, обусловленные пороговыми возможностями организма человека как такового⁵, и теми же возможностями данного конкретного человека.

¹ См.: М. Д. Шаргородский, Научный прогресс и уголовное право, стр. 91.

² См.: Л. Бриллюэн, Научная определенность и информация, М., изд-во «Мир», 1966, стр. 9.

³ Сейчас уже свыше 300 судов Балтийского и Черноморского пароходств совершили рейсы через Атлантику по рекомендациям, выдаваемым капитанам с учетом прогнозируемой обстановки по районам плавания. Однако еще не обеспечивается поденное прогнозирование волнения моря, слабо изучены характеристики потерь скорости различных типов судов в зависимости от волнения и других гидрометеорологических факторов. (См.: «Безопасность мореплавания», 1966, № 9, стр. 5—6).

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 198.

⁵ Так, при полете со скоростью, в три раза превышающей скорость звука, пилот видит предметы на расстоянии 100 м позади самолета, как бы находящимися на уровне самолета. (См.: В. Ф. Ломов, Человек и техника, М., изд-во «Советское радио», 1966, стр. 17).

В то же время государство вправе требовать от граждан деятельности, обеспечивающей осуществление решаемых общественных задач. Речь может идти об общих и специальных требованиях, о требованиях, адресуемых любому и каждому, и о требованиях, адресатами которых являются лица, выполняющие специальные роли.

Условием предъявления тех и других требований служит способность лица вести себя в соответствии с таковыми. Причем, если в первом случае речь идет об общей способности, то во втором — о качествах, позволяющих лицу адекватно вести себя в экстремальных (сложных) условиях.

Конкретно речь идет о следующем: 1) при выработке технических норм параметры предполагаемого технико-технологического процесса сопоставляются с психофизиологическими способностями человека; внедрению подлежат также механизмы (процессы), параметры которых соответствуют этим способностям — «закон соответствия личного и вещного элементов производительных сил обнаруживается прежде всего в обусловленности средств труда физической и психической природой общественных индивидов, уровнем общественного воспитания и образования (социальным наследованием)»¹; 2) включению в состав персонала социотехнических установлений предшествует проверка психофизиологических способностей, а равно знаний и опыта претендента; 3) лицо, включенное в состав социотехнического установления, подвергается периодическим проверкам на предмет наличия или исчезновения (снижения) указанных качеств².

¹ Ю. К. Плетников, О природе социальной формы движения, Изд-во МУ, 1971, стр. 23. На то же обращает внимание Ю. С. Мелешенко: «Поскольку техника, будучи средством труда определенного назначения, представляет собой вещь или комплекс вещей, обладающих теми или иными физическими, химическими и другими свойствами, поскольку она основана на использовании тех или иных природных процессов, необходимо ее согласование с телесными свойствами человека... Центр тяжести заметно перемещается в сторону психофизиологических особенностей и способностей человека». (Ю. С. Мелешенко, Техника и закономерности ее развития, Лениздат, 1970, стр. 56).

² Так, приказ начальника Западно-Сибирской железной дороги № 4-И от 3 января 1972 г. «О мерах по обеспечению безопасности движения» обязал руководителей подразделений дороги «обеспечить постоянный контроль за работоспособностью бригад перед поездкой... В необходимых случаях, а также по установленному в депо графику направлять бригады для прохождения предрейсового медицинского осмотра. Работников локомотивной бригады, которые по своему состоянию не могут обеспечить безопасность движения поездов, отстранять от работы с последующим докладом начальнику депо. В пунктах, удаленных от основного и оборотного депо»

Иными словами, на определенном этапе развития социалистических общественных отношений, обеспечивающих безопасное применение техники, соответствие способностей лица его социальной позиции (роли) входит в сферу социального контроля и становится предметом правового регулирования. Появляется система типовых (формально-определенных) масштабов, служащих средством такого регулирования.

Эти процессы закладывают основы для преодоления разрыва между обязанностями и субъективными возможностями (способностями) лица. Интерес представляет в данной связи § 10 УК Германской Демократической Республики: «Не действует виновно (умышленно или неосторожно) тот, для кого выполнение его обязанностей объективно невозможно или кто не в состоянии их выполнять, так как он в результате своей личной неспособности, за которую он не должен нести ответственности, не может осознать обстоятельств или последствий своего поведения или же не может осознать лежащих на нем при данных обстоятельствах обязанностей».

Поскольку объективные требования должного поведения операторов технических систем соотносятся с конкретными условиями, при которых существует возможность их выполнения, и, в частности, с их психофизиологическими способностями, постольку определением должного поведения операторов технических систем устанавливается и возможность такового.

Такое решение вопроса ни в коей мере не способствует «прощанию» в советское уголовное право объективного вменения. Более того, оно снимает почву для такого вменения, устраняя положение, при котором на лицо может быть возложена обязанность, превышающая его возможности¹. С ситуации: «должен был, но не мог» акцент переносится на причины, по которым у пульта управления ответственной технической системы оказалось лицо, не способное обеспечить ее безопасное применение.

Иными словами, надлежащее стравление отношений общественной безопасности исключает разрыв между обязанно-

ежедневную проверку работоспособности маневровых и локомотивных бригад возложить на дежурных по станции» (стр. 46—47).

¹ «Свойства и особенности, присущие данному конкретному лицу, — пишет В. Г. Макашвили, — его силы и возможности должны приниматься во внимание при установлении уголовной ответственности за преступления, совершенные по небрежности... Но значит ли это, что на практике в каждом отдельном случае для обоснования обвинения в причинении вреда по неосторожности должно быть особо доказано отсутствие субъективных обстоятельств, препятствующих лицу выполнить ожидаемую от него предусмотрительность и заботливость? Нет, не означает. В подавляющем большинстве случаев вместе с доказательств-

стями и возможностями операторов технических систем. За каждым же случаем такого разрыва стоит упущение лица, осуществляющего контроль за комплектованием социотехнических установлений надежным техническим персоналом. Такое упущение представляет на данном этапе научно-технического прогресса высокую и специфическую общественную опасность и в этом качестве должно быть выделено в самостоятельный состав.

§ 2. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ФОРМАЛИЗАЦИЯ ПРЕДЕЛОВ ДОЛЖНОГО ПРЕДВИДЕНИЯ ОПЕРАТОРОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СИСТЕМ

1. Выше было отмечено, что развитие отношений общественной безопасности сопровождается увеличением определенности норм, регламентирующих управление техническими средствами. Метод «проб и ошибок», первоначально опосредовавший такое управление, заменяется полным и четким описанием приемов, обеспечивающих удержание технических систем в безопасном состоянии.

Правовым выражением этого процесса является 1) закрепление в праве («техничко-юридических» нормах) всего объема регламентированного поведения в сфере взаимодействия человека и техники, субъектов этого поведения, условий, при которых оно осуществляется, и т. д.; 2) использование указанных норм в качестве единственного критерия должного поведения операторов технических систем.

Так, по делу Д. и С. Верховный Суд СССР указал: «Лица, ответственные по технике безопасности, несут уголовную ответственность за несчастный случай только тогда, если последний произошел по причине нарушения этими лицами установленных правил по технике безопасности»¹. На то же обращается внимание в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 23 февраля 1967 г. по делу Б.², в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 5 марта 1963 г. по делу Н. и М.³ и т. д.

2. Уже отмечалось, что в ряду «техничко-юридических» норм могут быть выделены правила общей и специальной безопасности.

вом того, что лицо должно было предвидеть и предотвратить наступление вредного результата, устанавливается и субъективная возможность сделать это». (В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, стр. 148—149).

¹ См.: Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР. 1941 г., М., Юридиздат, 1947, стр. 52.

² См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1967, № 3, стр. 13.

³ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1963, № 7, стр. 8.

Первые адресуются любому и каждому и характеризуются предельной простотой; вторые — регламентируют поведение лиц, участвующих в управлении сложными и ответственными технологическими процессами, и отличаются повышенной сложностью.

Это обстоятельство вплотную подводит нас к проблеме специального субъекта в законодательстве и в науке советского уголовного права.

3. Данная проблема не имеет «большой теории». Немногочисленные исследования, посвященные этой теме, написаны применительно к специфике отдельных преступлений¹. Тем не менее можно отметить два подхода к этой теме — **формальный**, акцентирующий внимание на порядке ответственности специального субъекта за нарушение возложенных на него обязанностей, и **материальный**, учитывающий общественный статус (социальную роль) субъекта.

По мнению Н. М. Меркушева, «выделение в уголовном законодательстве самостоятельных составов преступлений со специальными субъектами означает:

а) установление при определенных условиях уголовной ответственности для специальных субъектов, в то время как общие субъекты за совершение аналогичных действий уголовной ответственности не подлежат;

б) установление повышенной уголовной ответственности для специальных субъектов по сравнению с уголовной ответственностью общих субъектов за такие же деяния»².

Тезис о разной ответственности за одни и те же преступления противоречит, как уже отмечалось в литературе, одному из основных принципов советского уголовного права — принципу равенства уголовной ответственности за одинаковые преступления³. Тем не менее приходится признать, что этот принцип верен в той части, в какой он отражал положение, существовавшее долгие годы в советском уголовном законодательстве и отчасти сохранившееся в настоящее время.

¹ См.: З. Г. Корчева, Субъект нарушения правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта СССР, «Ученые записки» (Харьковский юридический институт), вып. 14, 1960; А. И. Свишгин, Субъект преступного нарушения правил охраны труда, «Сборник аспирантских работ» (Свердловский юридический институт), вып. 8, Свердловск, 1964; Н. П. Яблоков, о субъекте преступных нарушений правил охраны труда и техники безопасности, «Советская юстиция», 1968, № 23.

² Н. М. Меркушев, Соучастие в преступлениях со специальным субъектом, «Ученые записки» (Белорусский государственный университет им. В. И. Ленина), вып. 34, Серия юридическая, Минск, 1957, стр. 5.

³ Курс советского уголовного права. Часть Общая, т. 1, стр. 389.

Так, до 1968 г. ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта зависела от личности нарушителя — от того, являлся ли им работник транспорта или водитель-непрофессионал. В настоящее время такого рода нарушения, независимо от их субъекта, квалифицируются одинаково.

Аналогичные смещения произошли и в плане ответственности за нарушение правил безопасного ведения горных работ (постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 мая 1967 г. «О практике рассмотрения судебных дел, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности, и повышении роли судов в предупреждении этих нарушений», п. 3, ч. III).

Таким образом, разная ответственность за одни и те же действия с определенной последовательностью преодолевается в советском уголовном праве и требует поэтому не обоснования, а критики.

Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что «равные» действия специального и общего субъекта являются в действительности далеко не равными. Так, самовольное оставление воинской части военнослужащим образует акт, нарушающий установленный порядок несения воинской службы; «те же действия» со стороны вольнонаемного лица не нарушают этот порядок и т. д.

Существование в советском уголовном праве составов со специальными субъектами — следствие наделения определенных лиц особыми функциями или полномочиями, следствие выдвижения их на особо важные социальные роли и возложения ответственности за должное отправление последних¹.

«Преступления со специальным субъектом, — пишет В. Н. Кудрявцев, — должностные, воинские, транспортные и др. — выделены в уголовном законодательстве в самостоятельные группы в большинстве случаев именно по характеру тех общественных отношений, которые ограждаются от преступных посягательств. Эти преступления совершаются в определенных областях государственной и общественной деятельности, поэтому практически не всякий может их совершить»².

¹ Оно, по мнению В. С. Орлова, «обусловлено спецификой отдельных видов преступлений, совершение которых возможно только в связи с выполнением возложенных на них законом определенных обязанностей. Поэтому, устанавливая уголовную ответственность за некоторые преступления, законодатель предусматривает в качестве их субъекта, в отличие от всех других преступлений, не вообще любого человека, способного совершить преступление, а лишь человека, надленного по закону особыми свойствами или признаками» (В. С. Орлов, Субъект преступления по советскому уголовному праву, М., Госизриздат, 1958, стр. 138).

² В. Н. Кудрявцев, Общая теория квалификации преступлений, М., изд-во «Юридическая литература», 1972, стр. 188.

Разная общественная значимость «одних и тех же» действий специального и общего субъектов, определяемая особым общественным статусом первого, дает ему возможность общественно опасным образом воздействовать на общественные отношения, «закрываемые» для аналогичного воздействия со стороны прочих лиц.

В ряду специальных субъектов, способных учинять исследуемые преступления, УК РСФСР называет работников железнодорожного, водного и воздушного транспорта (ст. 85); должностных лиц, ответственных за безопасные условия труда (ст. 140); лиц, ответственных за техническое состояние или эксплуатацию транспортных средств (ст. 211-2). УК других союзных республик относят к субъектам данных преступлений, кроме того, руководящих и инженерно-технических работников, горных мастеров (десятников) действующих и строящихся шахт — ст. 207 УК Казахской ССР; лиц, ответственных за соблюдение правил, обеспечивающих безопасность взрывоопасного производства, — ч. II ст. 208 УК Казахской ССР и ч. II ст. 216 УК Латвийской ССР; должностных лиц, ответственных за выполнение правил безопасности при производстве горных, строительных и взрывоопасных работ, — ст. 206 УК Эстонской ССР; лиц, которым взрывчатые, легко воспламеняющиеся, едкие или радиоактивные вещества вверены по службе, — ст. 209 УК Эстонской ССР.

В ст. ст. 214 и 216 УК РСФСР и в соответствующих статьях УК других союзных республик указание на специального субъекта отсутствует. Из этого, казалось бы, следует, что нести ответственность за нарушения, предусмотренные данными статьями, могут любые лица.

Однако нормы, к которым отсылают диспозиции соответствующих статей, адресованы главным образом лицам, выполняющим определенные технические и организационно-технические функции. Так, п. 13 Типовой инструкции для крановщиков башенных кранов обязывает крановщиков осмотреть до начала работы подкрановые пути и концевые упоры, заземляющие проводники в доступных местах и их присоединение к рельсам и т. д.¹ «При любых операциях со взрывчатыми материалами, — указано в п. II Единых правил безопасности при производстве взрывных работ, — должна соблюдаться максимальная осторожность; взрывчатые материалы не должны подвергаться ударам и толчкам; запрещается также толкать, бросать, перекачивать (кантовать) и ударять ящики (тару) со взрывчатыми материалами»².

¹ См.: Руководящие материалы по котлонадзору, М., Металлургиздат, 1963.

² Единые правила безопасности при взрывных работах, М., изд-во «Недра», 1968.

Таким образом, преступления в области использования техники — это в основном и главным образом преступления со специальными субъектами. В одном случае уголовно-правовые нормы непосредственно указывают на такового (ст. ст. 85, 140, 211, 211-2) или подразумевают его (ст. ст. 84, 252—254), в другом — указание на специального субъекта содержится в производственно-нормативном материале, к которому отсылают соответствующие нормы (ст. ст. 214, 215 и 216). Некоторые из исследуемых преступлений могут учиняться специальными и общими субъектами (ст. ст. 213-2, 217 и 220) либо только общими субъектами (ст. ст. 86, 213, 213-1).

4. Особое место в ряду преступлений в области техники занимают деяния, связанные с самовольным или иным противоправным вторжением в управление техническими системами — источниками повышенной опасности.

Опасность такого деяния особенно велика. Так, профессионал, а равно лицо, специально обученное управлению автомобилем, даже учинив ошибку, может принять действенные меры по предотвращению вреда либо его ограничению. Неспециалист же такой возможностью не обладает. «Небрежное совершение хирургической операции, небрежное управление автомобилем и пр., — пишет болгарский криминалист К. Лютов, — создают специфическую и повышенную опасность не только тогда, когда допускаются профессионалами, но и тогда, когда учиняются иными лицами. Напротив, опасность в последнем случае увеличивается, поскольку неспециалист имеет, как правило, значительно меньшую подготовку и опыт»¹.

Учет неодинакового значения нарушения обязанностей определенного рода, с одной стороны, и незаконного обращения к деятельности, связанной с отпращиванием таких обязанностей — с другой, содержится в Уголовном кодексе Народной Республики Болгарии. Часть I ст. 123 УК НРБ устанавливает ответственность того, «кто вследствие незнания или небрежного исполнения своей профессии или другой регламентированной правом деятельности, представляющей источник повышенной опасности, причинит смерть другому», а ч. II этой же статьи — ответственность того, «кто по неосторожности причинит другому смерть путем действий, подпадающих под признаки профессии или деятельности, предусмотренных предыдущим абзацем, которыми лицо не имело права, заниматься». Причем ответственность за второе преступление выше,

¹ К. Лютов. Профессионална непредпазливост в наказателното право на Народна Република България, София, «Наука и искусство», 1958, стр. 25.

чем за первое. Аналогичным образом строится ответственность за причинение телесных повреждений (чч. I и II ст. 134).

Такое решение вопроса представляется совершенно правильным. Дифференцирование ответственности за преступления в области использования техники по признакам субъекта следует проводить не по оттенкам правового титула на такое управление, а по факту наличия или отсутствия такого титула.

Характеризуясь высокой общественной опасностью, связанное с особой дерзостью и явным неуважением к социалистическому правопорядку, самовольное вторжение в управление техническими средствами — источниками повышенной опасности — должно быть выделено в специальный состав.

5. В разных частях работы мы обращали внимание на повышенную ответственность операторов технических систем. Такая ответственность определяется высокой конструктивной и разрушительной потенциальностью «технически усиленного» действия, а также тем обстоятельством, что при выполнении этого действия приходится учитывать и перерабатывать огромное количество информации, причем делать это, по общему правилу, в условиях острого дефицита времени.

Указанные обстоятельства открывают еще одну грань в комплексе проблем специального субъекта — требования, предъявляемые той или иной социальной ролью к личностным качествам субъекта, и соответствие этих качеств данным требованиям.

Большое внимание уделял этим качествам В. И. Ленин¹. К числу свойств личности, входящих, например, в организаторские способности, В. И. Ленин относил толковость и распорядительность, знание людей², «общительность или способность проникать в круги», «способность привлекать к себе людей»³, трезвость ума, волевые качества, умение разбираться в людях⁴.

Другие требования предъявляют к людям профессии врача, учителя, преподавателя вуза и т. д. Специфические требования адресуются и к личностным качествам людей — операторов технических систем.

Развитие культуры, углубившее и сделавшее более точными представления о психофизиологических возможностях человека, позволило выдвинуть, а затем сделать более точными критерии способности лица успешно выполнять определенную социальную

¹ См., например: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 193—194;

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 190—201.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 350—351.

⁴ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 193, 199—200; т. 38, стр. 74, 79, 224; т. 45, стр. 350.

роль, или, что в данном случае одно и то же, критерии его способности предвидеть и предотвращать общественно опасные последствия ненадлежащего отправления действий, входящих в содержание соответствующей роли.

«В современных условиях научно-технической революции, — пишет П. М. Ринг, — настало время... с новых позиций рассмотреть многие фундаментальные категории ответственности, включая основания ответственности, субъектов ответственности, размеры ее»¹.

6. Исходным моментом в развитии данных критериев явилось установление **возраста** уголовной ответственности, постижение той простой — с позиции сегодняшнего дня — истины, что «познание явлений окружающего нас мира, внутренней их связи обнаруживается, — говоря языком старых криминалистов, — в ребенке не вдруг, с первым появлением его умственной жизни, а только мало-помалу, вместе с постепенным развитием способности вникать и запоминать»; что «эта постепенность развития относится как к познанию сущности и взаимного отношения окружающего ребенка мира физического, так и к распознаванию явлений общественной и государственной жизни»².

В соответствии со ст. 10 Основ уголовного законодательства уголовной ответственности и наказанию подлежат лица, которым до совершения преступления исполнилось шестнадцать лет. Илишь за убийство, умышленное нанесение телесных повреждений, изнасилование, разбойное нападение и некоторые другие преступления с простым фактическим и социальным содержанием ответственность наступает с четырнадцати лет.

В теории высказываются предложения повысить возраст, с которого может наступать ответственность за совершение определенных преступлений. Например, Н. Т. Кут и П. В. Лихолат считают необходимым включить в главу «О преступлении» УК союзных республик статью с перечнем преступлений, ответственность за которые наступает с восемнадцатилетнего возраста, называя в числе таковых деяния, предусмотренные ст. ст. 80, 123, 124, 135, 137, 138, 140, 152 УК и другие³.

Речь идет в данном случае о действиях, учинить которые способны лишь совершеннолетние. Поэтому принятие предложения Н. Т. Кута и П. В. Лихолата, фиксирующего сущее, способствова-

¹ П. М. Ринг, Право и научно-технический прогресс, стр. 246.

² Н. С. Таганцев, Курс русского уголовного права, кн. I, ПСб, 1874, стр. 80.

³ См.: Н. Т. Кут, П. В. Лихолат, О совершенствовании некоторых уголовноправовых норм, «Труды Высшей школы МВД СССР», вып. 4, Киев, 1970, стр. 177—179.

ло бы уточнению положений Общей части советского уголовного права.

Но еще большее значение имело бы включение в соответствующий перечень норм о преступлениях в области техники.

Статья 75 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде 1970 г. (ст. 175 КЗоТ РСФСР 1971 г.) запрещает применение труда лиц моложе восемнадцати лет на работах с вредными и опасными условиями труда. Постановление Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы от 29 августа 1959 г. «О списке производств, профессий, специальностей и работ, на которых запрещено применение труда лиц, не достигших 18-летнего возраста» не разрешает допускать несовершеннолетних к управлению автотранспортом, тракторами, комбайнами и другими самоходными машинами. Их нельзя включать в состав локомотивных бригад, в экипажи морских, речных и воздушных судов. Им запрещается работать авиационными механиками, мотористами, машинистами двигателей внутреннего сгорания, паровых двигателей и т. д.¹.

Вполне очевидно, что эти ограничения имеют своим основанием данные физиологии, психологии труда, инженерной психологии, свидетельствующие о неспособности несовершеннолетних обеспечивать безопасное применение технических устройств, относящихся к источникам повышенной опасности. Естественно, что привлекать этих лиц к уголовной ответственности за нарушение правил безопасности при применении транспорта и иных источников повышенной опасности, предполагая их способными предвидеть и предотвращать общественно опасные последствия такого применения («не предвидел, но по обстоятельствам дела мог и должен был предвидеть»), значило бы полемизировать с законом.

Положение, при котором нормы одной отрасли социалистического права устанавливают неспособность несовершеннолетних лиц должным образом выполнять ту или иную деятельность, а нормы другой отрасли регламентируют ответственность этих лиц за ненадлежащее отправление данной деятельности, — свидетельство внутренней несогласованности права.

Интересам нормального отправления отношений общественной безопасности соответствует положение, исключающее допуск лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, к управлению источниками повышенной опасности. Так как звеном, ответственным за включение соответствующих лиц в управление таким источником, является руководитель или иное должностное лицо социалистического установления, осуждение самого несовершеннолетнего за на-

¹ См.: Бюллетень Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы, 1959, № 6.

рушение, которого он не мог не совершить, означало бы необоснованную реабилитацию данного должностного лица.

7. К факторам, лишающим лицо возможности предвидеть и предотвращать общественно опасные последствия своего действия или бездействия, относится и **невменяемость** — душевная болезнь, слабоумие или иное болезненное состояние, достигшие определенной силы.

Согласно ст. 11 Основ уголовного законодательства не подлежит ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного действия не могло отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими вследствие хронической душевной болезни, временного расстройств душевной деятельности, слабоумия или иного болезненного состояния.

Небезынтересно отметить, что первоначально понятие невменяемости связывалось лишь с медицинским критерием — с состоянием безумия (ст. 64 Уголовного кодекса Франции 1810 г.). Во второй половине XIX века в уголовное законодательство наряду с медицинским вводится психологический критерий невменяемости, который вначале касался лишь пороков интеллекта, а затем стал затрагивать и пороки воли¹.

8. В основе отмеченных процессов — повышения возраста уголовной ответственности и учета все более широкого круга признаков, лишающих человека способности сознать значение совершаемых действий и предвидеть их общественно опасные последствия, лежат 1) усложнение темпов и содержания общественной жизни — процессы, с которыми легко справлялся дебильный, по нашим сегодняшним представлениям, средневековый ремесленник, оказываются не по силам рабочему современному предприятию с гораздо меньшими пороками душевной деятельности; 2) улучшение методики диагноза патологии нервных и психофизиологических функций человека; 3) повышение культуры права.

Очевидна зависимость между объемом признаков субъекта преступления и «протяженностью» субъективной стороны преступного деяния². Зависимость эта выглядит следующим образом: чем шире перечень признаков, исключающих субъект преступления, тем уже пределы судебной оценки способности лица осознавать значение своих действий и руководить ими. Иными словами, отно-

¹ См.: Д. Р. Лунц, Проблема невменяемости в практике судебной психиатрии, М., изд-во «Медицина», 1966, стр. 26.

² «Вменяемость как признак субъекта преступления, — пишет В. Н. Кудрявцев, — тесно связана с формами психического отношения лица к своему поведению». (В. Н. Кудрявцев, Общая теория квалификации преступлений, стр. 76).

шение между признаками субъекта и признаками субъективной стороны преступления есть отношение между устойчивыми, «снятыми» в законе, формально-определенными представлениями о способности лица предвидеть и предотвращать общественно опасные последствия своего поведения и оценочным суждением об этих способностях в данном конкретном случае, относящимся к компетенции суда.

9. В общем и целом можно утверждать, что для решения вопроса о способности лица ориентироваться в данной ситуации и определенным образом воздействовать на нее можно удовлетвориться изучением особенностей этой ситуации и сопоставлением последних с психическим отношением к ним действующего лица, т. е. обойтись оценочными критериями, «заложенными» в признаках субъективной стороны. Однако закон не идет по этому пути — фиксируется возраст, до достижения которого лицо признается неспособным ориентироваться в ситуации, а равно душевные недуги, лишающие его такой способности.

Формально-определенные критерии, как было отмечено в литературе, порой не позволяют учитывать особенности конкретной ситуации. Таков, в частности, «порядок наступления дееспособности и деликтоспособности, начиная с определенного возраста (в общем независимо от того, какова конкретная степень понимания лицом значения совершаемых им действий)». Но законодатель все же идет на установление строгих формальных критериев, потому что выигрыш от их применения намного превосходит возможные отрицательные последствия¹.

Очевидна целесообразность применения указанных критериев и при решении вопроса о круге лиц, способных принимать участие в эксплуатации технических систем. «Жесткое» исключение из круга претендентов на соответствующие роли лиц с невысокой степенью надежности намного превосходит отрицательные последствия соответствующего ограничения.

Ассимиляция достижений культуры и, в частности, науки, изучающей психику человека, — необходимое условие культуры права². «Не так давно, — пишут Б. С. Никифоров, С. С. Остроумов,

¹ См.: С. С. Алексеев, Социальная ценность права в советском обществе, стр. 97.

² «Указание на уровень правовой культуры, — пишет С. С. Алексеев, — выражает оценку состояния права, правосознания, юридической практики с точки зрения передовых, демократических принципов, совершенных приемов регулирования, правил юридической техники, а также уровня знания и понимания права в обществе, строгого и безусловного выполнения всех его предписаний, соответствия правотворчества и правоприменительной практики высоким требованиям социалистической законности». (Там же, стр. 203). Учет правом достижений

Н. А. Стручков, — каких-нибудь пятьсот-восемьсот лет назад, никто не сомневался в том, что вполне резонно применять жестокие наказания за голый факт причинения малозначительного вреда, никто не сомневался, что наказание должно применяться и к душевнобольным. Сегодня нанесение даже смертельной раны, если при этом не было умысла или неосторожности, не влечет наказания. ...Однако не усмотрит ли завтрашняя наука достаточно высокую степень... непреодолимой жесткой детерминированности там, где мы, свысока отвергая всякое иное решение, видим избирательное поведение, обосновывающее высокую степень ответственности?»¹.

10. Изложенное подводит нас к постановке следующего вопроса: соответствует ли сложившийся формально-определенный перечень признаков неспособности лица отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими (возраст, вменяемость) потребностям сегодняшнего дня?

Утвердительно ответить на этот вопрос можно было бы лишь при одном из следующих условий: а) если бы среда, к требованиям которой приспособилась за долгие годы эволюции психика людей, не претерпела в течение последних пятидесяти-ста лет значительных изменений за счет включения в нее крайних (экстремальных) процессов, 2) если бы эти изменения сопровождалась адекватными изменениями психофизиологических качеств человека.

В действительности условия, в которых живут и работают люди, за указанный период резко изменились в сторону усложнения, а психические способности людей остались в общем и целом такими, какими они были тысячу и десять тысяч лет назад².

«Существует проблема психологической адаптации к новым условиям существования. Каждому из нас и обществу в целом следует понять, что мы несем большие потери от несчастных случаев прежде всего потому, что опаздываем с психологическим приспособлением к новой среде обитания, насыщенной современной техникой»³.

Так, в 1800 г. скорость передвижения человека была равна 20 км/час, в 1900 г. — 100 км/час, в 1950 г. — 1200 км/час, в 1959 г. — 28 800 км/час и в 1969 г. — 40 000 км/час. Лавинообраз-

культуры на данном этапе развития общества является частью правовой культуры.

¹ В. Никифоров, С. Остроумов, Н. Стручков, Посредние — проблема, «Новый мир», 1972, № 5, стр. 245.

² См.: И. В. Муравов, В. С. Бойко, О биологической эволюции человека в современных условиях, «Философские науки», 1972, № 2, стр. 97.

³ «Литературная газета», 1973, 30 мая.

но растет поток информации, подлежащей освоению человеком, повышаются темпы обновления знаний и т. д.

В этой связи делаются предложения внести исправления в генетические коды человека¹, произвести перегруппировку элементов его функциональной нервной системы² и т. д. и во всяком случае указывают на такую возможность³. Разумеется, однако, что реализация такой возможности — дело отдаленного будущего. Пока же приходится считаться с тем, что у органов управления современной техникой (технологическим процессом) может оказаться человек, вменяемый в традиционном значении этого слова (ст. ст. 10 и 11 Основ уголовного законодательства), но лишенный способности поступать должным образом в сложной производственной обстановке.

Так, дежурный одной из ГЭС, получив сигнал о возникающей большой аварии, впал в состояние оцепенения: опустился в кресло и просидел неподвижно, не отдавая никаких распоряжений, не отвечая на телефонные звонки. Авария была ликвидирована другими работниками⁴. Практически возникло состояние, близкое к эпилептоидному — затемнение сознания, расстройство течения мысли, тугое восприятие окружающего и т. д.⁵.

В других случаях лицу может быть поручена работа, для выполнения которой требуется такая острота зрения (обоняния, слуха и т. д.), которой это лицо не располагает. Естественно, что какую-то часть производственно-значимой ситуации это лицо не усвоит или усвоит искаженно⁶.

Так, в случае, который едва не завершился тяжелой железнодорожной катастрофой, яркость и насыщенность светового сигнала совпали для машиниста с яркостью и насыщенностью фона, окружающего дорогу, — лес потемнел в лучах отходящего дня, и красный свет светофора стал отдавать густой зеленью. Во Всесоюзном научно-исследовательском институте железнодорожной гигиены было установлено серьезное нарушение зрения машиниста⁷.

¹ См.: Н. Н. Дубинин, Философский и социологический аспекты генетики человека, «Вопросы философии», 1971, № 2, стр. 62.

² См.: Х. Дельгадо, Мозг и сознание, М., изд-во «Мир», 1971, стр. 24.

³ Т. В. Карсаевская, К проблеме управления биосоциальными факторами развития человека, Сборник «Философия пограничных проблем», вып. 5, Пермь, 1972, стр. 163.

⁴ См.: К. М. Гуревич, Профессиональная пригодность и основные свойства нервной системы, М., изд-во «Просвещение», 1970, стр. 185.

⁵ См.: Е. К. Краснушкин, Избранные труды, М., Медгиз, 1960, стр. 342.

⁶ См.: В. А. Филиппов, Сенсорная основа трудовой деятельности как функциональная система, Сборник «Технический прогресс и сенсорная основа трудовой деятельности человека», М., 1972, стр. 10.

⁷ «Правда», 1973, 8 октября.

Современная техника вызывает серьезные сдвиги в согласовании лично-вещных элементов процесса труда. Причем центр тяжести заметно перемещается в сторону повышения значимости психофизиологических особенностей и способностей человека¹.

Лишенная способности целенаправленно уподоблять себе человека, орудие труда не только «задает» образ действия работника, но и определяет свойства работника, необходимые для правильного применения его (орудия труда).

Таким образом, способность человека отдавать себе отчет в своих действиях и (или) руководить ими может быть утрачена и в результате патологии сознания и воли (ст. ст. 10 и 11 Основ уголовного законодательства), и в результате экстремального («патологического») состояния внешней среды.

11. Понимая под способностью к труду «совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости»², Маркс отмечал, что у разных людей эти способности проявляются по-разному. Различные операции предъявляют к производителю товара разные требования. «В одном случае он должен развивать больше силы, в другом случае — больше ловкости, в третьем — больше внимательности и т. д., но один и тот же индивидуум не обладает всеми этими качествами в равной мере. ...таким образом, природные особенности рабочих образуют ту почву, на которой произрастает разделение труда»³.

«Давно уже кто-то заметил, — писал Н. А. Добролюбов, как бы предвосхищая будущие идеи о профориентации, — что на свете нет, собственно, неспособных людей, а есть только неуместные; что плохой извозчик и вываленный им из саней плохой чиновник, выгнанный из службы за неспособность, — оба, может быть, не были бы плохими, если бы поменялись своими местами: чиновник может быть, имеет от природы склонность к управлению лошадьми, а извозчик в состоянии отлично рассуждать о судебных делах... Все горе происхо-

¹ «Какова бы ни была деятельность человека в системе управления, требуется внимательнейший учет его физиологических и психологических особенностей, так как без этого учета человек может оказаться слабым звеном в системе управления, которое в первую очередь выйдет из строя при неблагоприятных условиях и тем самым нарушит ее нормальную работу». (В. П. Зинченко, Д. Ю. Панов, Игровые системы управления и информационные модели, Сборник «Система «человек—автомат», М., изд-во «Наука», 1965, стр. 28). См. также: Ю. С. Мелешенко. Техника и закономерности ее развития, Лениздат, 1970, стр. 56.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 178.

³ Там же, стр. 361.

дит от их неуместности, в которой опять не виноваты ни чиновник, ни извозчик, а виновата их судьба...»¹.

Вопрос о внутреннем балансе биотехнического комплекса «человек—машина» приобретает на данном этапе научно-технического прогресса огромное значение, ибо производным от этого баланса наряду с другими факторами является безопасность многих — общественная безопасность.

Но научно-технический прогресс не только потребовал тщательного балансирования психофизиологических способностей человека и параметров машины, но и создал предпосылки для такого балансирования — внес качественную и количественную определенность в представления об указанных способностях, заложив тем самым основы для формализации требований, предъявляемых операторам технических систем.

Уже известны предельно допустимые для человеческого организма величины освещенности, температуры, давления, радиации, шумов, вибрации. Известно, что параметры машины должны соответствовать размерам человека, а условия работы на ней — способности его восприятия, памяти, мышления, скорости принятия решений и т. п.². Известна и методика обнаружения таких способностей³.

Развивая понятие о способностях, данное Марксом, В. И. Ленин видел в них единство врожденных и приобретенных свойств личности, определяющих качество ее деятельности⁴.

Исследуя стойкие психические свойства личности, К. К. Платонов выделяет в их ряду четыре подструктуры: 1) моральные черты личности, отражающие индивидуально преломленное классовое общественное сознание и формируемые путем воспитания; 2) знания, навыки, умения и привычки, приобретаемые в личном опыте путем обучения, но уже с заметным влиянием биологически обусловленных свойств личности («индивидуальная культура», «подготовленность», «опыт»); 3) индивидуальные особенности отдельных психических процессов, или психических функций, понимаемых как формы отражения: эмоции, ощущения, мышление, восприятие, чувства, воля и память; влияние биологических особенностей в

¹ Н. А. Добролюбов, Собр. соч., т. II, М. — Л., Государственное издательство «Художественная литература», 1962, стр. 126.

² См. например: Г. Маньшин, «Человек—машина»: надежность контакта, «Наука и жизнь», 1972, № 12, стр. 81.

³ Созданы в частности, таблицы и приборы, позволяющие выявлять любые расстройства в цветовом восприятии мира человеком. («Правда», 1973, 8 октября).

⁴ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 361; т. 26, стр. 372; т. 35, стр. 199, 201, 286; т. 36, стр. 193—194; т. 39, стр. 255.

этой подструктуре видно еще более отчетливо, поскольку формы отражения являются функциями мозга; 4) свойства темперамента; сюда же входят половые и возрастные свойства личности, а также ее патологические (органические) изменения; свойства личности, включенные в эту подструктуру, несравненно больше зависят от физиологических и даже морфологических особенностей мозга, чем от социальных влияний на человека¹.

Профессиональная способность, включающая в качестве своих компонентов легко изменяющиеся свойства личности (первая, вторая и отчасти третья подструктуры), может изменяться и совершенствоваться. Для совершенствования же, связанного с более стойкими компонентами, перспектив может и не быть².

В психологической литературе социалистических стран все чаще встречается мысль о том, что недостаточность тех или иных методов не должна являться основанием для пренебрежительного отношения к проблеме профессионального отбора вообще. Особенно же нетерпимо подобное отношение в тех случаях, когда речь идет об операторах в системах управления, работа которых связана с большим риском и даже с опасностью для жизни как их самих, так и других лиц³. Обращают, в частности, внимание на то, что решение вопроса о том, мог или не мог водитель автомашины произвести определенные действия по предотвращению аварии,

должно производиться с соответствующим психологическим анализом¹.

Установлена непригодность для профессий шофера, водителя локомотива, летчика и др. лиц с резко выраженной эмоциональной возбудимостью, а также с замедленной возбудимостью².

«Биологически наследственное снаряжение не определяет, что человек будет делать, но оно накладывает известные ограничения на то, что он может делать»³. Оставляя в стороне вопрос о преодолении таких ограничений, следует отметить реальность ситуаций, при которых за пультом управления машиной может оказаться человек, лишенный качеств, необходимых для обеспечения нормального (безопасного) функционирования такой системы. Способное адаптироваться к обычным условиям, такое лицо в условиях нервно-психологических перегрузок либо не получает на «вход» необходимой информации (пороки зрительных, слуховых или иных рецепторов), либо оказывается неспособным обработать эту информацию в приемлемые сроки, либо дает на «выход» неправильные, неточные команды (дефекты моторных функций, называемые в общечитии неловкостью). Иными словами, в соответствующих случаях лицо оказывается лишенным свободы воли и в этом плане уподобляется невменяемому в традиционном значении этого слова.

Таким образом, на данном этапе научно-технического прогресса способность лица отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими уже не может рассматриваться как нечто простое, внутренне неразличимое, а должна дифференцироваться на общую — способность к адекватному поведению в обычных условиях, и специальную — та же способность в условиях нервно-психологических перегрузок.

Предстаряется совершенно очевидным, что действия, имеющие своим источником специальную невменяемость лица, как и действия слабоумного, душевнобольного, лишены значения для уголовного права.

¹ См.: К. К. Платонов, Проблемы способностей, М., изд-во «Наука», 1972, стр. 77—81.

² См. там же. См. также: К. М. Гуревич, В. Ф. Матвеев, О профессиональной пригодности операторов и способах ее определения. Сборник «Вопросы профессиональной пригодности оперативного персонала энергосистем», М., 1968, стр. 29; К. К. Платонов, Вопросы психологии труда, М., изд-во «Медицина», 1970, стр. 146; К. К. Платонов, В. М. Гольдштейн, Психология личности пилота, М., 1972, стр. 223.

³ Венгерские психологи И. Балинт и М. Мурани делят факторы, «усиливающие индивидуальную подверженность опасности несчастных случаев», на 1) устойчиво повышающие подверженность рабочего опасности, 2) временно повышающие эту подверженность. В ряду первых они называют а) функциональное изменение в нервной системе или в других органах, имеющее болезненный характер, или близкое к нему состояние, б) различные изъяны органов чувств, в) нарушение связи между сенсорными и двигательными центрами высших отделов нервной системы, обуславливающее неспособность лица с должной быстротой и точностью реагировать на внешние воздействия, воспринимаемые его органами чувств, г) дефекты, возникающие в координации движений. (См.: И. Балинт, М. Мурани, Психология безопасности труда, стр. 150—154. См. также: Д. Ю. Ошанин, Человек в автоматизированных системах управления, сборник «Кибернетику — на службу коммунизму», М., Госэнергоиздат, 1961, стр. 183).

¹ См.: Всероссийская научно-практическая конференция, «Советская юстиция», 1973, № 11, стр. 27.

² См.: К. М. Гуревич, С. С. Гаджиев, Изучение роли личного фактора в управлении электрооборудованием электростанций, «Вопросы психологии», 1962, № 3; А. С. Соколов, Некоторые проблемы безопасности движения на автотранспорте, «Проблемы безопасности движения», вып. 2, 1969; Ю. С. Бровер, Психофизиологические основы обеспечения безопасности движения, «Проблемы безопасности движения», вып. 3, 1970; В. С. Фролов, Человек в системах управления самолетом, М., Воениздат, 1970, стр. 65; В. Н. Пушкин, С. С. Несерсян, Железнодорожная психология, М., изд-во «Транспорт», 1972, стр. 173.

³ Т. Шебутани, Социальная психология, М., изд-во «Прогресс», 1969, стр. 448.

12. Изложенное определяет практическое и теоретическое значение вопроса о месте способности второго рода («специальной вменяемости») в системе признаков состава преступления. Речь идет о следующем: относится ли эта способность к признакам, характеризующим субъект, или к признакам, относящимся к субъективной стороне преступления?

К сожалению, вопрос этот не решен и даже не поставлен в науке уголовного права. Тем важнее обратиться к вопросу, отчасти исследованному, хотя и носящему более узкий характер. Мы имеем в виду уголовноправовое значение состояния здоровья работников железнодорожного, водного и воздушного транспорта. В. Д. Меньшагин и Н. С. Алексеев относят таковое к признакам субъекта преступления¹, а Б. А. Куринов — к субъективной стороне преступления².

В обоснование своей позиции Б. А. Куринов ссылается на два обстоятельства: 1) в отдельных случаях лицо может избежать преступного результата своих действий, несмотря на имеющиеся у него недостатки здоровья; 2) лицо, имеющее недостатки здоровья, может поступить на транспорт, обманув должностных лиц.

Первое связано с уже отмеченной односторонностью формально-определенных критериев. Оперировав таковыми, отвлекаются, в частности, от того, что в определенных случаях лицо, страдающее заболеванием, противопоказанным для деятельности определенного рода, может все же оказаться способным должным образом выполнять таковую.

Но то же самое противоречие, не подвергаемое, кстати говоря, ни малейшему сомнению, возникает в результате установления **возрастного ценза** для занятия деятельностью определенного рода. Абсурдно было бы считать, что способность управлять, скажем, источником повышенной опасности возникает у лица именно в день его совершеннолетия, что она абсолютно отсутствует за неделю, за день до наступления восемнадцати лет. Тем не менее законодатель идет на установление четких, формально-определенных границ при решении соответствующего вопроса.

Не имея возможности ориентироваться в сложной гамме факторов, определяющих влияние определенного заболевания (возраста) на способность данного **конкретного индивида** выполнять функции, связанные с управлением техническими системами, право иск-

¹ См.: А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права, Особенная часть, т. I, М., Госюриздат, 1955, стр. 318; Советское уголовное право. Часть Особенная, М., Госюриздат, 1962, стр. 74.

² См.: Б. А. Куринов, Квалификация транспортных преступлений, стр. 190—191.

лючает отправление этих функций всеми, кто страдает этими болезнями (не достиг установленного возраста). Тем самым оно по-пытывает меру надежности персонала социотехнических установлений, уровень общественной безопасности в сфере взаимодействия человека и техники в целом. В этом смысле формализм содержания в праве полезен, обеспечивая господство над изменчивым, свободой от случая¹.

Согласно ст. 65 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде (ст. 154 КЗоТ РСФСР) рабочие и служащие, занятые на работах с опасными условиями труда, а также на работах, связанных с движением транспорта, проходят обязательные при поступлении на работу и периодические медицинские освидетельствования для определения их пригодности к порученной работе и предупреждения профессиональных заболеваний. Аналогичное требование содержится в ст. 31 Воздушного кодекса СССР, в § 8 Правил технической эксплуатации железных дорог Союза ССР и т. д.²

Поскольку в основе указанных ограничений лежит признание компетентными государственными органами отсутствия у лиц, страдающих определенными заболеваниями, способности обеспечить нормальную и безопасную работу транспорта, промышленных, горных, строительных предприятий и т. д., решать и даже ставить вопрос о влиянии таких заболеваний на способность лица участвовать в работе соответствующих социотехнических установлений «строго индивидуально с учетом личности и обстоятельств дела», как предлагает Б. А. Куринов, значит полемизировать с их уже состоявшейся оценкой.

Такая полемика не менее неправомерна, чем «индивидуальный подход» к лицу, не достигшему установленного возраста либо вменяемому (в смысле ст. 11 Основ). **Отсутствие у оператора технической системы сенсорных, моторных и иных психофизиологических качеств, необходимых для безопасного проведения определенных технологических процессов, — свидетельство его неспособно-**

¹ См.: В. М. Коган, Логико-юридическая структура советского уголовного закона, Алма-Ата, 1966, стр. 25; Его же. К вопросу о формализации отрасли права, Сборник «Кибернетика и право», М., изд-во «Наука», 1967, стр. 104; Е. А. Фролов, Объект и преступные последствия при посягательствах на социалистическую собственность, «Сборник ученых трудов» (Свердловский юридический институт), вып. 8, 1968, стр. 151.

² Приказом министра путей сообщения СССР № 50/ЦЗ от 16 июня 1969 г. «О медицинском освидетельствовании работников железнодорожного транспорта» установлено, что все лица, поступающие на должности, перечисленные в списке профессий, связанных с безопасностью движения поездов, подлежат обязательному предварительному медицинскому осви-

сти отдавать себе отчет в своих действиях, связанных с проведением этих процессов, или руководить ими, или, что то же, свидетельствование его «специальной невменяемости».

Выдвигая понятие «специальной невменяемости», мы не настаиваем на самом термине. Может быть и, видимо, будет найдено более удачное обозначение для исследуемого явления. Важно лишь оттенить то обстоятельство, что отсутствие у лица определенных психофизиологических качеств в условиях, требующих проявления, мобилизации этих качеств, выравнивает его статус со статусом лица, не достигшего установленного возраста или невменяемого ст. ст. 10 и 11 Основ).

Иными словами, взаимодействие с вещами и явлениями «второй» («организованной») природы с их высокими и сверхвысокими скоростями, огромной сложностью и т. д. ставит человека перед проблемой «второй» адаптации — психического приспособления к вещам и явлениям этой природы.

Полное и детальное описание в нормативных актах «набора» психофизиологических качеств, необходимых для успешного осуществления функций операторов технических систем, а равно факторов, снимающих или снижающих такие качества, обосновывает отнесение этих качеств вместе с возрастом и (обычной) вменяемостью к признакам субъекта преступления.

13. К признакам субъекта преступления Н. С. Алексеев и В. Д. Меньшагин относят и профессиональную подготовку работника транспорта¹. Указывая на возможность учинения соответствующего преступления не в связи с отсутствием у лица профессиональной подготовки, а равно на возможность незаконного вторжения в управление транспортом неподготовленного лица и на нечеткость самого понятия «профессиональная подготовка», Б. А. Куринов относит соответствующий признак к субъективной стороне преступления.

Однако в этом, как и в уже рассмотренных, случае решающим является следующее обстоятельство: должен ли суд рассматривать и даже ставить вопрос о способности лица успешно выполнять деятельность, требующую специальной подготовки, если у лица отсутствует такая подготовка. В условиях нормативной урегулированности подготовки лица к деятельности, связанной с управлением

детельствованию и периодическому освидетельствованию во время службы для определения их годности к данной профессии. До выяснения результатов освидетельствования администрации категорически запрещается допускать вновь поступающих к работе.

¹ А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права. Особенная часть, т. I, стр. 318; Советское уголовное право. Часть Особенная, М., Госюриздат, 1962, стр. 74.

техникой, а равно методов проверки этой подготовленности ответить на этот вопрос можно только отрицательно.

* * *

Развитие отношений общественной безопасности и совершенствование их нормативной основы сопровождаются двумя взаимосвязанными процессами — 1) внесением формальной определенности в пределы должного предвидения операторов технических систем, в результате чего эти пределы устанавливаются не судом, а законом; 2) внесением формальной определенности в суждение о пределах возможного предвидения тех же лиц, позволяющей рассматривать указанные пределы сквозь призму свойств субъекта преступления.

Слияние должного и возможного предвидения операторов технических систем путем обязывания к определенным действиям лишь лиц, способных фактически выполнить таковые, позволяет исключить объективное вменение, принципиально чуждое советскому уголовному праву, на основе приемлемой для нормального отправления отношений общественной безопасности в сфере взаимодействия человека и техники. Такое решение вопроса позволяет в то же время сконцентрировать внимание на должном отпадении деятельности, связанной с комплектованием социотехнических установлений оперативным и обслуживающим персоналом, — на деятельности лиц, ответственных за такое комплектование.

Говоря более точно, предлагаемое решение позволяет рассматривать разрыв между обязанностями и возможностями лица в качестве специфического общественно опасного явления, подлежащего выделению в специальный состав.

Глава IV

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, УСТРАНЯЮЩИЕ ОБЩЕСТВЕННУЮ ОПАСНОСТЬ ДЕЯНИЙ, И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ВЛИЯЮЩИЕ НА СТЕПЕНЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ

Выше уже отмечалось, что не всякое действие, связанное с применением техники и закончившееся причинением вреда, входит в сферу преступного и уголовно наказуемого. За пределами этой сферы оказываются случаи невиновного причинения вредных последствий и деяния, бороться с которыми мерами уголовного права (в данный исторический период) нецелесообразно.

Обращение к вине, акцентируя внимание на психическом отношении лица к интересам социалистического общества, позволяет разграничивать внешне тождественные деяния на общественно опасные, общественно полезные и лишенные значения для права. С такой точки зрения отсутствие вины может рассматриваться в качестве некоторого «генерального обстоятельства», устраняющего общественную опасность деяний, эквивалентного всем прочим обстоятельствам, исключаяющим эту опасность.

Однако уголовное законодательство социалистических стран содержит относительно развернутый перечень этих обстоятельств.

Учет данных обстоятельств в уголовном законе имеет своим основанием следующие причины: 1) действия, которыми осуществляются крайняя необходимость, необходимая оборона и т. д., не только не являются общественно опасными, но характеризуются ярко выраженной социальной ценностью; 2) описание соответствующих актов хотя и осуществляется посредством оценочных терминов, характеризуется все же большей определенностью, нежели общее указание на отсутствие вины; такая определенность соответствует задачам охраны прав и интересов субъекта крайней необходимости; необходимой обороны; лица, участвующего в задержании преступника.

Ограничение обстоятельств, исключаящих общественную опасность деяний, перечнем, установленным в законе, обычно мотиви-

руют их особой юридической природой, не раскрывая, однако, содержание таковой. Если в этом случае имеют в виду учет данных обстоятельств уголовным законом (ст. ст. 13 и 14 Основ уголовного законодательства, ст. 16 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство»)¹, то речь идет о существенном моменте. Однако этот момент не исключает конструирования соответствующих обстоятельств в плане желательного законодательства. Если же предположить, что особая природа исследуемых обстоятельств определяется противоречием между их общественно опасной формой и общественно полезным содержанием, то такое же противоречие характеризует исполнение обязательного приказа, правомерный производственный риск и т. д.²

В рамках настоящей работы нет необходимости останавливаться на каждом из этих обстоятельств. Значение имеют лишь крайняя необходимость, правомерный производственный риск, исполнение технически неграмотного приказа, действия потерпевших и третьих лиц, нарушающие безопасную работу социотехнических установлений.

§ I. КРАЙНЯЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

1. Статья 14 Основ уголовного законодательства определяет крайнюю необходимость как действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но совершенное «для устранения опасности, угрожающей интересам Советского государства, общественным интересам, личности или правам данного лица или других граждан, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный».

¹ Ведомости Верховного Совета СССР, 1966, № 30, ст. 595.

² И. И. Слудский делил обстоятельства, устраняющие общественную опасность деяний, на три группы: 1) обстоятельства, в которых ярко выражена общественная полезность и правомерность поведения людей (необходимая оборона, крайняя необходимость, меры по задержанию преступника, исполнение законного приказа, выполнение служебных и профессиональных обязанностей, осуществление своего права и принуждение к повиновению в армии, флоте и военизированных учреждениях); 2) обстоятельства, хотя и исключаящие общественную опасность и наказуемость деяний, но не делающие их в ряде случаев полезными и правомерными (добровольный отказ от преступления, согласие потерпевшего, малозначительность правонарушения, изменение закона, изменение соци-

2. К обстоятельствам, вызывающим возникновение состояния крайней необходимости в производственных условиях, относятся: аварии, непредвиденные осложнения производственного процесса, вызванные неисправностью оборудования, пожары, наводнения, стихийные бедствия.

Соответственно источниками опасности в интересующих нас случаях могут быть: механизмы, технологические процессы, определенные вещества, действия людей (ненадлежащее поведение потерпевших и третьих лиц), действие сил природы и т. д.

3. По мнению некоторых ученых, состояние крайней необходимости создает лишь наличная опасность¹. С. А. Домахин считал, что состояние крайней необходимости создает иногда и будущая опасность, оговаривая, однако, что «речь может идти лишь о неизбежной опасности, характеризующейся значительной степенью вероятности»². На то же обращают внимание Б. А. Курипов³ и А. И. Санталов⁴.

Понятие наличной опасности используется практикой и наукой уголовного права также для характеристики условий необходимой обороны. При этом в теории часто ссылаются на известное положение «Воинских артикулов» Петра Первого: «Не должен есть от соперника себе первого удара ожидать, ибо чрез такой первый удар может тако учиниться, что и противиться весьма забудет».

Но то же применимо к крайней необходимости. Реализация угрозы, идет ли речь о действии стихийных сил природы, о разрушительной работе механизмов и т. д., может вовсе исключить шансы на предотвращение вреда. Так, при получении штормового предупреждения капитан корабля, терпящего бедствие, может встать перед необходимостью избавиться от опасного груза до начала шторма, поскольку во время шторма сделать это будет гораздо труднее. Иными словами, в этих случаях действует правило: **чем выше ценность объекта, подвергаемого опасности, чем выше вероятность и объем возможного вреда, тем ранее могут и должны**

ально-политической обстановки, истечение сроков давности уголовного преследования и давности исполнения обвинительного приговора); 3) физическое принуждение и непреодолимая сила. (См.: И. И. Слуцкий, *Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность*, Изд-во ЛГУ, 1956, стр. 11—12).

¹ См., например: Курс советского уголовного права, т. II, стр. 384.

² С. А. Домахин, *Крайняя необходимость по советскому уголовному праву*, М., Госюриздат, 1955, стр. 33.

³ «...Наличной считается не только уже возникшая опасность, но и угрожающая, т. е. такая, которая неминуемо и непосредственно должна возникнуть и ее потом нельзя уже будет предотвратить какими-либо мерами». (Советское уголовное право. Общая часть, Изд-во МУ, 1969, стр. 203).

⁴ См.: Курс советского уголовного права, Часть Общая, т. I, стр. 512.

быть приняты охранительные меры, в том числе и связанные с причинением определенного (меньшего) вреда.

4. Опасность при крайней необходимости, как и при необходимой обороне, должна быть действительной, а не мнимой. Вопрос об ответственности лица, причинившего общественно опасный ущерб в целях предотвращения несуществующей угрозы, должен обсуждаться по правилам фактической ошибки.

Вместе с тем надо признать, что повышенное внимание к возможной опасности и реагирование на таковую путем нарушения некоторых правоохраняемых интересов не всегда устраняет правомерность деяния. Так, правило «хорошей морской практики»: «в сомнительных случаях считай себя ближе к опасности» обязывает капитана судна принимать меры по предотвращению опасности и в тех случаях, когда нет полной уверенности в отсутствии таковой. Командир воздушного судна имеет право отказаться от выполнения полетного задания, если он не уверен в его благополучном завершении.

5. По мнению Н. Д. Дурманова, из смысла ст. 14 Основ уголовного законодательства следует, что закон не устанавливает в качестве неперемennого условия крайней необходимости **фактическое** устранение грозящей опасности и считает достаточным, если совершенные действия были направлены к этой цели¹.

Учитывается, видимо, то обстоятельство, что ст. 14 говорит о действии, **направленном** на предотвращение вреда, — действие, «совершенное... для устранения опасности...». Если бы соответствующий текст исчерпывал описание крайней необходимости, позиция Н. Д. Дурманова возражений не вызывала. Однако в ст. 14 говорится не о предотвращаемом, а о **предотвращенном** вреде. Употребление причастия совершенного вида свидетельствует о том, что законодатель имеет в виду действие, завершившееся успехом.

Некоторые криминалисты предлагают исключать ответственность в подобных случаях за отсутствием вины². В принципе это правильно. Вина как отрицательное отношение лица к интересам социалистического общества, естественно, отсутствует при учинении действий, имеющих целью предотвращение возможного вреда. Но вина отсутствует и при необходимой обороне, и при «обычной» крайней необходимости, и при задержании преступника. Тем не менее законодатель выделяет первое, второе и третье, поскольку акцент на условиях, при которых субъект вынужден был причинить

¹ См.: Н. Д. Дурманов, *Обстоятельства, исключающие общественную опасность и противоправность деяния*, М., 1961, стр. 39.

² См.: Советское уголовное право. Часть Общая, М., изд-во «Юридическая литература», 1964, стр. 165—166.

вред нападающему, третьим лицам или убегающему преступнику, в наибольшей мере способствует гарантии субъекта от необоснованного привлечения к ответственности.

Нельзя согласиться и с мнением о том, что ответственность в подобных случаях исключается в силу того, что лицо не является общественно опасным¹. Сказать о лице, пренебрегшем опасностью для спасения жизни человека, государственного имущества или иного правоохраняемого блага, что оно всего лишь не является общественно опасным, значит ничего о нем не сказать или сказать слишком мало.

В плане решения данного вопроса можно было бы изменить ст. 14 Основ, дополнив ее указанием на действия, направленные на предотвращение вреда, безотносительно к их конечному результату. Но это потребовало бы внесения в ст. 14 существенных оговорок и в конечном итоге разрушило бы рассматриваемый состав².

Выход состоит в развитии системы обстоятельств, исключаящих общественную опасность и противоправность деяний, за счет введения в нее новых обстоятельств и, в частности, института правомерного производственного риска.

6. Если в обычных условиях ситуации, при которых возникает состояние крайней необходимости, правом не регламентируются, то в производственных условиях такая регламентация должна иметь место. Речь идет о заблаговременном определении опасностей, подавляемых действиями, связанными с причинением определенного (меньшего) вреда. В качестве примера можно назвать очередность отключения от снабжения электроэнергией потребителей при аварии энергосистемы; регламентацию случаев, при которых легчик-испытатель может оставить терпящий бедствие самолет. В подобных случаях обращение к соответствующим актам является не только правом, но и обязанностью лица.

7. В литературе было сделано предложение дополнить перечень обстоятельств, исключаящих уголовную ответственность, институтом «служебной необходимости», при которой, в отличие от крайней необходимости, причиненный вред равен устраняемому³.

¹ См.; С. А. Домакин. Крайняя необходимость по советскому, уголовному праву, стр. 59.

² «Наука начинается, когда значения слов четко разграничены. Слова могут быть выбраны из существующего словаря, либо могут быть созданы новые слова, но все они должны получить новое определение, исключаящее недоразумение и двусмысленность в пределах того раздела науки, где они применяются». (Л. Бриллюэн, Наука и теория информации, М., 1960, стр. 13).

³ Сходство между крайней необходимостью и служебной необходимостью, — писал С. А. Домакин, — в обязательности для того и для

Понятие служебной необходимости в предложенной трактовке не может быть отнесено к условиям, определяющим общественную полезность поведения людей, ибо действие, учиняемое в этом состоянии, перелажает равный же ущерб с одного участка социалистического строительства на другой («чужой»). В советском обществе такое действие не только не является общественно полезным, а наоборот, характеризуется очевидной общественной вредностью. «... Если тот или иной руководитель, — говорит Л. И. Брежнев, — отчитывается за производство продукции, то дать обоснованную оценку его работе можно, только разобравшись: а какой ценой это достигнуто. И если цена была чрезмерной, если сам он выполнил план, но сорвал кооперированные поставки и подвел другие предприятия, если успех в одном месте повлек за собой недостачу в другом, то такой руководитель заслуживает не похвалы, а критики»¹.

Разумеется, «переадресовать» ущерб значительно легче, чем преодолеть его собственными силами. Однако советские производственные кадры должны идти по второму пути.

Когда дело идет о равном ущербе, действие может быть оправданно только в том случае, если оно снижает вероятность возможного вреда.

§ 2. ПРАВОМЕРНЫЙ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ РИСК

1. Проблема производственного риска стала в последние годы весьма популярной в теории социалистического права. Ей уделяют внимание ученые, работающие в области уголовного права²,

другого случаев условий, определяющих возникновение реальной необходимости в совершении деяния, устраняющего грозящий вред. Различие же между этими состояниями заключается в том, что при служебной необходимости может не быть второго условия крайней необходимости. Иначе говоря, служебная необходимость предполагает такую ситуацию, когда грозящий вред нельзя было устранить иным путем, но вред устраненный может быть равен причиненному». (С. А. Домакин, Крайняя необходимость по советскому уголовному праву, стр. 73).

¹ Л. И. Брежнев, Ленинским курсом (Статьи и речи), т. 3, стр. 266.

² См.: И. И. Слуцкий, Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность, стр. 17—18; В. Ф. Кириченко, Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву, М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 72—74; В. Н. Кудрявцев, Объективная сторона преступления, стр. 112—113; А. А. Пионтковский, Учение о преступлении, М., Госюриздат, 1961, стр. 475—476; П. С. Дагель, Об уголовной ответственности врачей, «Советская юстиция», 1964, № 19; Его же, Производственный риск и уголовная ответственность, «Совет-

гражданского права¹, трудового права² и международного права³. Большое внимание уделяют вопросам правомерного творческого риска юристы Германской Демократической Республики (Э. Бухгольд, Д. Зейдель, И. Лекшас), Польской Народной Республики (А. Вахрах, А. Габерле, А. Губинский, П. Поплавский, М. Санетра, И. Савицкий).

Такой интерес не является случайным. В социалистическом обществе творчество в труде из привилегии одиночек стало массовым общественным явлением. Риск — конститутивное условие творчества. «Для всех должно быть, наконец, совершенно ясно, — писал В. В. Куйбышев, — что там, где нет опыта, где нет известной доли риска, там не может быть того проявления творческой инициативы инженерно-технического персонала, которую мы вправе ожидать и без которой мы не сумеем революционизировать надлежащим темпом наше производство»⁴.

«В последний период, — отмечал Л. И. Брежнев, — Центральный Комитет партии сделал многое, чтобы развязать творческую инициативу наших людей, создать атмосферу уверенности, открыть простор для проявления каждым своих деловых, организаторских способностей. Можно было бы привести сотни примеров, когда инициатива масс, самостоятельные решения, нередко связан-

ские государство и право», 1965, № 3; Курс советского уголовного права. Часть Общая, т. I, стр. 524—526; М. Д. Шаргородский, Научный прогресс и уголовное право, стр. 92—94; Курс советского уголовного права, т. 2, стр. 396—397; П. С. Дагель, С. Я. Улицкий, Совершенствование уголовноправовых норм по охране здоровья населения, «Советское государство и право», 1971, № 7, стр. 105—107; А. А. Пионтковский, Уголовный закон в борьбе с отрицательными последствиями научно-технического прогресса, стр. 37—38.

¹ См.: А. И. Омельченко, Творческий риск, его государственно-правовая охрана, Изд-во МГУ, 1955; В. Рассудовский, Вопрос об имущественном риске в гражданском праве, «Советская юстиция», 1963, № 18; Сборник «Правовые вопросы научно-технического прогресса в СССР», М., изд-во «Наука», 1967, стр. 166—170; Е. Боровик, Возмещение вреда, полученного работником в результате рискованных действий, «Советская юстиция», 1970, № 15, стр. 29—30; В. А. Ойгензихт, Категория «риска» в советском гражданском праве, «Правоведение», 1971, № 5; Его же, Проблема риска в гражданском праве; Его же, Аспекты соотношения вины и риска.

² См.: С. С. Каринский, Материальная ответственность рабочих и служащих по советскому трудовому праву, М., Госюриздат, 1955, стр. 64—65; Е. А. Кленов, В. Г. Малов, Возмещение вреда, причиненного предприятию, учреждению рабочими и служащими, М., Госюриздат, 1962, стр. 40.

³ См.: А. Иойрыш, Атом и право, стр. 45—50.

⁴ В. В. Куйбышев, Избранные произведения, М., Госполитиздат, 1956, стр. 131.

ные с определенным, но оправданным риском, приносят хорошие эффективные результаты»¹.

Четкое разграничение правомерного и неправомерного риска — необходимое условие успешного развития социалистического производства, стимулирования творческой активности масс; в то же время оно будет способствовать преодолению тенденций к злоупотреблению последним.

Социальная ценность нормального производственного риска очевидна. Не оспаривается она и учеными, работающими в разных отраслях советского права. Тем не менее некоторые признают за правомерным риском значение обстоятельства, исключающего общественную опасность деяния², другие — подводят риск под признаки традиционных обстоятельств, исключающих ответственность³, третьи — вообще обходят молчанием эту проблему.

Значение оправданного производственного риска как обстоятельства, исключающего общественную опасность деяния, казалось бы, может быть опровергнуто указанием на то, что и без соответствующего закона наше производство не стоит на месте, а непрерывно развивается. Это действительно так. Но происходит это потому, что Советское государство, общественные организации фактически поддерживают новаторов, когда они обращаются в процессе своих исканий к уместному риску. Но это обстоятельство не устраняет, а напротив, усиливает необходимость изучения и нормативного урегулирования проблемы творческого производственного риска.

Принцип законности — это не только принцип: «Нет преступления без указания в законе», но и принцип: «Нет обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, не предусмотренных в уголовном законе».

Согласно § 169 УК ГДР, содержащему закон о хозяйственном риске и риске развития, «отсутствуют преступные деяния, предусмотренные § 163—168, если:

1) действия были предприняты с тем, чтобы принести значительную хозяйственную пользу или предотвратить значительный хозяйственный ущерб, и действовавшее лицо после анализа всех обстоятельств дела, произведенного с сознанием своей ответственности, могло считать наступившие хозяйственные убытки менее вероят-

¹ Л. И. Брежнев, Ленинским курсом (Статьи и речи), т. 2, стр. 528.

² См., например, М. Д. Шаргородский, Научный прогресс и уголовное право, стр. 94; А. А. Пионтковский, Уголовный закон в борьбе с отрицательными последствиями научно-технического прогресса, стр. 37—38.

³ См.: Н. Д. Дурманов, Обстоятельства, исключающие общественную опасность деяния, стр. 39.

ными или значительно меньшими чем предполагаемая польза (хозяйственный риск);

2) хозяйственные убытки наступили в рамках предусмотренных или утвержденных государством или иным образом лежащих в сфере ответственности действовавшего лица работ по исследованию и развитию или технико-экономических экспериментов, которые были предприняты с учетом уровня научных знаний и после анализа всех обстоятельств дела, произведенного с сознанием ответственности (риск исследования и развития)».

В соответствии с ч. III ст. 217 УК ПНР «не совершает преступления, предусмотренного § 1 и 2, тот, кто с целью принести пользу обществу хозяйству или же в целях проведения научно-исследовательских работ либо технических или экономических экспериментов действует в границах риска, который, исходя из современного состояния науки, является допустимым, в особенности когда вероятность пользы серьезно превышает вероятность могущего наступить вреда».

Поскольку риск может учиняться не только в производственных условиях (в связи с хозяйственными потребностями), норму о нем следовало бы включить в систему Общей части уголовного права, поместив ее за нормами о необходимой обороне и крайней необходимости.

2. Понятие правомерного производственного риска. Слово «риск» означает опасность¹. В таком именно значении употребляло данный термин постановление СНК СССР от 7 августа 1928 г. «Об организации научно-исследовательской работы для нужд промышленности», предусмотревшее выделение предприятиям специальных средств на внедрение в производство научных достижений «с допущением в этих мероприятиях элементов риска»².

Постановлением ЦИК и СНК от 12 июня 1929 г. «Об имущественной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный ими нанимателю» в законодательство было введено понятие «нормального производственно-хозяйственного риска»³.

В эти же годы судебная практика начинает встречаться с проблемой производственного риска при рассмотрении уголовных

¹ В русский язык это слово пришло из европейских языков, скорее всего из испанского (*Risko*), на котором оно означало скалу. (См.: В. И. Серебровский, *Очерки советского страхового права*, М., Госиздат, 1926, стр. 18). Мореплаватели обозначали этим словом опасность, которая угрожала их кораблям. Подробный разбор этимологических определений риска содержится в работе В. А. Ойгензихта «Проблема риска в гражданском праве», стр. 5 и далее.

² См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, т. I, Изд-во политической литературы, М., 1967, стр. 755.

³ СЗ СССР, 1929, № 9—10, ст. 195.

дел. В докладе VI съезду прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР народный комиссар юстиции тов. Янсон отмечал необходимость принимать максимум усилий для решения вопроса о том, является ли то или иное решение технической проблемы, причинившее государству убыток, «результатом злого умысла, или технических дерзновений, смелости проектировавшего»¹.

В 1932 г. Народный комиссариат юстиции РСФСР обратил внимание судебных органов на необходимость учитывать при рассмотрении дел о хозяйственных преступлениях вопрос о так называемом техническом риске².

Через двенадцать лет в определении по делу Л. Верховный Суд СССР указал, что «производственный риск может при известных условиях явиться обстоятельством, устраняющим ответственность подсудимого»³.

Отдавая должное тому обстоятельству, что это определение было верно по существу⁴, нельзя вместе с тем не признать, что его издание, основанное на предположении о праве суда конструировать обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, противоречит режиму социалистической законности. Поскольку в период, к которому относится издание данного определения, нарушения законности связывались главным образом с необоснованным привлечением к уголовной ответственности, может создаться впечатление, что это определение, сужавшее сферу уголовно наказуемого, являлось благом — нарушением законности со знаком «плюс». В действительности это не так. Формирование в сознании граждан представления о том, что справедливое решение вопроса может быть достигнуто лишь за счет произвольного обращения с законом, подрывает авторитет права в глазах населения.

Рассматриваемый пробел ведет к тому, что по другим делам, фактически связанным с оправданным риском, Верховный Суд СССР обосновывает исключение ответственности за таковой ссылкой на иные обстоятельства, в частности на то, что лицо «не может нести ответственности за последствия, которые наступили не по его вине и устранение которых от него не зависело»⁵.

¹ Еженедельник советской юстиции, 1929, № 9—10, стр. 195.

² См.: Сборник циркуляров и разъяснений НКЮ РСФСР, М., 1934, стр. 245—246.

³ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1944 г., М., Юриздат, 1948, стр. 145—146.

⁴ См. подробнее об этом деле: М. С. Гринберг, *Проблема производственного риска в уголовном праве*, М., Госюриздат, 1963, стр. 18—21.

⁵ См., например: Судебная практика Верховного Суда СССР, 1946, II/XXIV, стр. 1112; Судебная практика Верховного Суда СССР, 1949, № 3, стр. 39.

Той же практики придерживаются судебные органы и в последующий период¹.

Изложенное свидетельствует о том, что: 1) судебные и следственные органы встречались, встречаются и, разумеется, будут встречаться с комплексом вопросов, связанных с проблемой производственного риска; 2) учитывая политику нашей партии и Советского государства, поощряющую творческую инициативу советских людей, эти органы в некоторых случаях принимают во внимание общественно ценный характер правомерного производственного риска; 3) при этом практика пытается найти критерии правомерного применения риска; 4) недостаточная разработка вопросов, относящихся к данной проблематике, отсутствие закона о правомерном риске ведут либо к осуждению лиц, обратившихся на определенном этапе своих творческих исканий к рискованному действию, либо к возведению в ранг «производственной героинки» случаев недопустимого обращения к производственному риску.

Значение правомерного производственного риска как самостоятельного обстоятельства, устраняющего общественную опасность деяния, обуславливается следующими моментами:

1) правомерный риск (особенно при неудачном финале) весьма напоминает преступно-самонадеянное действие;

2) правомерный риск есть социально-ценное явление;

3) правомерный риск отличается от прочих обстоятельств, включающих общественную опасность деяния. Указанное отличие состоит в следующем: а) если при крайней необходимости речь идет только о предотвращении вреда, то производственный риск опосредует и конструктивную производственную деятельность; б) крайняя необходимость предполагает, а риск не предполагает причинение (другого) вреда; в) если социальная ценность действий, совершаемых в состоянии крайней необходимости, определяется тем, что они предотвращают больший вред, то социальная ценность риска следует из того, что им предотвращается более вероятный вред. Иными словами, при крайней необходимости различна значимость предотвращаемых и причиняемых вредных последствий, а вероятность их одна и та же (равна единице), при производственном же риске (из предотвращения вреда) различна вероятность вредных последствий, а значение их соразмерно.

С учетом условий правомерности действий, совершаемых в процессе производственного риска, которые будут рассмотрены в последующем изложении, правомерный риск можно определить следующим образом: сознательное пренебрежение опасностью во имя

¹ См., например: «Литературная газета», 1962, 19 июля.

достижения важной (общественно полезной) цели, которая не может быть достигнута обычными (нерискованными) средствами.

В обширном монографическом исследовании «Проблема риска в гражданском праве» В. А. Ойгензихт понимает под риском «субъективную категорию, которая существует параллельно с виной, но может существовать и совместно с ней, как психическое отношение субъектов к результату собственных действий или действий других лиц, а также к результату объективно-случайных либо случайно-невозможных действий (событий), выражающееся в осознанном допущении отрицательных, в том числе невозместимых имущественных последствий»¹.

В конечном итоге в работе В. А. Ойгензихта речь идет о двух видах риска — «о риске при отсутствии вины» и риске как своеобразном виде «умышленной вины, сопряженной с риском»².

Имея в виду последнее значение риска, можно, разумеется, согласиться с тем, что риск выступает в качестве субъективной категории. Но любая субъективная категория значима для права лишь в той мере, в какой ей соответствует внешнее проявление — поведение людей в определенной обстановке. В частности, необходимость идти на риск связана прежде всего с неопределенностью обстановки, в которой действует рискующее лицо. Поэтому противопоставлять риск как субъективное переживание рискованному поведению неправомерно. Рискованное поведение — суть действие или бездействие, заключающее в себе угрозу вреда.

3. Виды производственного риска. В плане назначения и по сферам применения риск может быть дифференцирован на а) риск из предотвращения вреда, б) технический и в) творческий риск. Эти виды риска могут в свою очередь иметь место на производстве, в хозяйственной деятельности, в искусстве, медицине, педагогике и т. д.³

Производственный риск из предотвращения вреда. Возможность возникновения на производстве опасных ситуаций обусловлена несовершенством машин и механизмов, действием стихийных сил природы, ненадлежащим поведением людей и т. д.⁴.

¹ В. А. Ойгензихт, Проблема риска в гражданском праве, стр. 77.

² Там же.

³ Специальным видом риска называют и «атомный риск». (См.: А. Иойрыш, Атом и право, стр. 45).

⁴ При испытании в воздухе нового авиационного мотора выявилась его серьезная неисправность. Исследовать ее в воздухе было невозможно. Мотор надо было доставить на землю с минимальными разрушениями. Для этого требовалось остановить мотор, что легки и сделал. Но с выключенным мотором самолет мог «не дотянуть» до аэродрома. Пришлось выбирать между продолжением полета с работающим мотором и действием, в результате которого можно было сохранить мотор, но можно было и погнубить самому и

В определенных случаях риск из предотвращения вреда является не только правом, но и обязанностью работника. Так, капитан судна обязан оказать помощь людям, гибнущим на море или на ином водном пути, даже в том случае, если такая помощь сопряжена с известной опасностью для собственного судна (ст. 129 УК РСФСР). Линейный монтер не может уклониться от ремонта линии электропередачи, находящейся под высоким напряжением, если отключение этой линии не представляется возможным по условиям, связанным с ее значением; если работник обладает необходимой квалификацией; если работы производятся двумя лицами, одно из которых осуществляет надзор за работающим; если работы производятся с надежной опоры¹.

В разгар летней путины, когда на промысле должно находиться как можно больше судов, танкер «Уржум», снабжавший топливом экспедиции по лову сельди в Северной Атлантике, получил повреждение и вышел из строя. Его нужно было срочно ремонтировать. Мурманская судоверфь располагала устройством для подъема судов, рассчитанным на более легкие корабли. Главный технолог судоверфи предложил использовать запас прочности, заложенный в данном устройстве. Риск состоял в том, что точно определить величину этого запаса было невозможно. Таким образом, действовать приходилось в условиях неполной информации, не исключая возможной неудачи. Танкер был поднят, быстро отремонтирован и возвращен на промысел².

Узость альтернативы, стоящей перед лицом в подобной ситуации, учитывается, например, в советском морском праве. «Разумно произведенные действия, — пишет А. Д. Кейлин, — могут в силу тех или других причин не дать полезного результата, и устранение опасности может последовать в силу других обстоятельств. Однако при разумности действий отсутствие полезного результата значения не имеет»³.

Там, где речь идет о гибельном, вероятное предпочитают неизбежному⁴. Согласно ч. 1 § 169 УК ГДР, если «действия были пред-

попугать при этом мотор и самолет. Летчик пошел по второму пути и ценой огромного риска дал конструкторам возможность найти дефект мотора. (См.: М. Галлай, Через невидимые барьеры, Испытано в небе, М., изд-во «Молодая гвардия», 1965, стр. 318—319).

¹ См.: Правила техники безопасности при эксплуатации электроустановок городских электросетей, М., — Л., 1958.

² «Известия», 1960, 15 мая.

³ А. Д. Кейлин, Советское морское право, М., Водтрансиздат, 1954, стр. 280.

⁴ При посадке нового турбореактивного самолета не удалось выпустить левую стойку шасси. Летчик оказался перед выбором: убрать переднюю и правую стойки шасси и садиться на «брюхо» или попробовать посадить по-

приняты с тем, чтобы... предотвратить значительный хозяйственный ущерб, и действовавшее лицо после анализа всех обстоятельств дела... могло считать наступившие хозяйственные убытки менее вероятными», риск является правомерным. О правомерности из предотвращения вреда говорит и ч. III ст. 217 УК ПНР.

Новаторский риск. Проблемы риска в указанном аспекте не существовало, если бы человеческое познание завершалось в стадии абстрактного мышления и люди получали истинное представление о новом одним логическим путем. Но «истина, — как говорил Гегель, — не есть отчеканенная монета, которая может быть дана в готовом виде и спрятана в карман»¹.

Несовершенство человеческого глаза, приборов, усиливающих глаз, может повлечь искаженное представление о предмете уже на стадии «живого созерцания». Расхождение между ожидаемым и фактически выполненным может повлечь и правильное восприятие ситуации при неполном знании законов, влияющих на таковую.

Благодаря науке, каждое новое поколение начинает познавательную деятельность там, где ее оставило прежнее поколение. Но наряду и вместе с тем знания складываются и из непосредственного опыта, предполагающего вторжение в новое и, следовательно, рискованное. Потому и говорят, что «новое дело — всегда риск».

При решении задачи со многими неизвестными, учил В. И. Ленин, нельзя без соответствующего практического опыта определить с абсолютной или даже с достаточно большой степенью точности, какой прием может быть применен против враждебной крепости. Нередко такой прием находят только после длительного штурма, упорных кровопролитнейших атак. Соответствующие усилия и дают армиям необходимое знание конкретных условий борьбы².

Ученые предполагают, что в будущем длительном космическом полете летательный аппарат может встретиться с относительно крупными метеоритными частицами, способными пробить корпус корабля. Для двухмиллиметровой алюминиевой оболочки на 100 кв. м поверхности пробивающий удар будет происходить раз в год. Естественно, что этой вероятностью придется пренебречь.

«Риск — это вынужденный образ действий в условиях неопределенности, ведущий в конечном результате к преобладанию успе-

рабль на переднее и правое колесо. В первом случае риск для здоровья и жизни экипажа меньше, но машина будет потеряна наверняка — ее фюзеляж будет полностью разрушен. А при удачной посадке на одно основное колесо фюзеляж, возможно, останется цел, но как обернется эта попытка для экипажа — неизвестно». (М. Галлай, Испытано в небе, стр. 228).

¹ Гегель, Соч., т. IV, стр. 20.

² См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 195—196.

ха над неудачей»¹. Право не может этого не учитывать. Оно не может ставить задачу создать такое положение, при котором ученые не рисковали бы вообще². Исследуется ли проблема космических полетов, внедряется ли новый метод плавки, более совершенная машина для производства обуви, осуществляется ли вторжение в неисследованные области Антарктики — путь улавливания истины всегда один — исследовательский риск.

В условиях социалистического хозяйства проблема новаторского риска должна решаться с учетом тех потерь, которые могут понести промышленность, оборона страны, если новое не будет внедрено. Должно учитываться указание партии на «необходимость ускорить темпы научно-технического прогресса путем всемерного развития исследований в наиболее перспективных областях науки и сокращения сроков внедрения результатов научных исследований в производство»³.

Степень допустимого риска зависит не только от размеров возможного убытка, но и от степени вероятности реализации ожидаемых результатов. Стремление свести к минимуму возможные убытки определяет невыгодное положение замыслов, связанных с большим риском; обращение к значительному риску для достижения значительного эффекта увеличивает долю средств, подверженных убытку.

Таким образом, при обсуждении вопроса о правомерности новаторского риска должны быть приняты во внимание характер и тяжесть возможных вредных последствий и значение нового, которому риск открывает дорогу. Иное решение вопроса вывело бы за пределы легальной любую новаторскую деятельность.

Технический риск опосредует в определенных случаях текущее применение техники. Неизбежность такого риска определяется неполной надежностью устройств, обеспечивающих безопасное функционирование техники — конструкция станка не исключает доступа человека к опасному месту; приборы управления делают возможным пуск машины при случайном задевании; конструкция тормоза не позволяет достаточно быстро останавливать работу агрегата и т. д.

Например, в химической промышленности многие технологические процессы протекают в условиях огне- и взрывоопасности.

¹ В. Абу чун, Теория мудрой отдачи, «Наука и жизнь», 1973, № 6, стр. 95.

² См.: М. Д. Шаргородский, Научный прогресс и уголовное право, стр. 93.

³ Директивы XXIV съезда ЮПОС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 гг., стр. 9.

Большую опасность представляют, в частности, образование ацетиленов в время получения кислорода и азота в кислородно-разделительных установках, проведение технологических процессов под давлением с применением высоких температур¹. В определенных случаях, как отмечалось выше, правила по технике безопасности допускают работы вблизи токоведущих частей, находящихся под напряжением.

Непонимание роли и значения здорового технического риска, стремление к уходу от любого действия, в какой-то мере связанного с риском, ведут к нерациональной трате сил, к потере времени, к перерасходу материала и т. д.

Так, рядовую мачту линии высоковольтной электропередачи можно рассчитать с таким запасом прочности, что она поспорит в долговечности с египетскими пирамидами. Но состоящая из тысяч таких мачт линия будет настолько дорогой, что сделает экономически невыгодным пользование электроэнергией. Поэтому подобные сооружения рассчитывают не на любые маловероятные случаи, а на повторяющиеся, типичные случайные происшествия. Как следствие этого, вопрос о том, предвидел ли, скажем, проектировщик ураган необычайной силы, разрушивший определенное сооружение, сам по себе является праздным и должен быть заменен другим вопросом: обязан ли был проектировщик учитывать такой ураган или мог и должен был игнорировать его возможность.

Если при малых масштабах производства перерасход металла на ту или иную машину не составлял значительной проблемы, то в настоящее время даже небольшое уменьшение веса железнодорожного вагона, трактора, тепловоза и т. д. может дать такую экономическую выгоду, которая с лихвой окупит потери от выхода из строя какого-то агрегата в результате маловероятного стечения неблагоприятных обстоятельств. Иными словами, при больших масштабах производства технику за редким исключением (космические аппараты, гидротехнические сооружения и т. п.) рассчитывают на обычные (повторяющиеся) условия, пренебрегая редкими, маловероятными ситуациями. Там действует правило, что «прочность оборудования и его точность должны быть тем большими, чем выше значение тех ценностей, которые подвергаются опасности при выходе его из строя»².

¹ См.: С. Гайдай, М. Кац, Охрана труда на химических предприятиях, М., Профиздат, 1968, стр. 153.

² См., например, сборник «Экономия металлов при конструировании машин», М., 1953, стр. 9. См. также: А. Ф. Лесохин, Допуски и технические измерения, М., Машгиз, 1954, стр. 13.

Таким образом, риск из применения техники определяется двумя причинами — 1) невозможностью для человека в каждый данный момент полностью контролировать процесс и результаты своей деятельности по использованию определенных видов техники; 2) необходимостью разумного ограничения запасов прочности технических сооружений.

4. **Условия правомерности производственного риска.** В теории было высказано мнение об общественной полезности любого риска¹.

Однако интересам социалистического общества соответствует не всякий риск. Летом 1969 г. в газетах был опубликован список кандидатов в лауреаты Государственной премии. В нем значились и имена лиц, спроектировавших и построивших курортный комплекс Пицунда. Однако при расчете фундаментов высотных зданий, входящих в этот комплекс, были игнорированы геологические особенности мыса. В результате во время шторма была разрушена часть подпорной стены и создана непосредственная угроза четырнадцатипятиэтажному корпусу пансионата. Научно-технический совет Госстроя СССР должен был принять решение о развертывании противоаварийных работ. При этом выяснилось, что еще в период проектирования данного комплекса было указано на опасность, заложенную в самой его идее².

На одном из московских заводов в литейном цехе выбило вентиль из трубы, по которой к печам подавался мазут. Каждую минуту мазут мог вспыхнуть. Нужно было либо гасить печи, задержав работу примерно на сутки, либо вернуть вентиль при горевших печах. Но во втором случае кто-то из рабочих должен был пойти на огромный риск. Начальник цеха предложил одному из рабочих попробовать. «Вы что? — резонно возразил тот. — У меня дети». На это вызвался другой слесарь. Утопая в обжигающем мазуте, он сумел вставить вентиль. Но если бы из полыхавшей рядом печи выпала искра, он заживо сгорел бы.

«А ведь в этих эпизодах, — пишет автор очерка Т. Тамарин, — действует не один человек: рядом с главным участником присутствуют и какие-то должностные лица — начальник цеха, участка, прораб и просто товарищи по работе... Как же получается, что, скажем, начальник цеха не только разрешает рабочему рисковать жизнью, но даже предлагает ему пойти на такой риск? Не значит ли это, что план или график для такого руководителя дороже людей, для которых, собственно, и существуют наши планы»³

¹ См.: А. И. Омельченко, Творческий риск, его государственно-правовая охрана, стр. 38.

² «Литературная газета», 1969, 24 сентября.

³ «Литературная газета», 1962, 25 сентября.

Таким образом, оправданному, общественно ценному риску противостоят случаи авантюрного обращения к таковому. Это в равной степени относится и к риску из предотвращения вреда, и к техническому и новаторскому риску. В этой связи исследование условий правомерного риска приобретает большое практическое и научное значение.

Поскольку нормы Особенной части УК РСФСР и УК других союзных республик устанавливают ответственность и за причинение вреда, и за создание угрозы вредных последствий, возможны следующие ситуации, вытекающие из обращения к производственному риску: 1) цель достигнута и не было потерь, 2) цель достигнута, но были и потери, 3) цель не достигнута и не было потерь, 4) цель не достигнута, но потери наступили.

Условием правомерности риска не может быть его конечный результат — успех¹. Иное решение вопроса, предполагая, по существу, апелляцию к случайности, неизбежно вело бы к объективному вменению. Что касается практической стороны вопроса, то следует учесть, что ответственность за неосторожность — а субъективная сторона правомерного риска граничит с самонадеянностью² — возможна, по общему правилу, лишь при наступлении вредного последствия. Следовательно, если вредный результат отсутствует, вменение «материального» неосторожного преступления не может иметь места, в силу чего обращение к закону о правомерном риске является излишним. «На долю» правомерного риска остались бы лишь случаи беспоследственной неосторожности — наказуемого поставления в опасность.

К такому именно мнению склоняется Д. Зейдель (ГДР). Правильно отмечая, что оценка правомерности или неправомерности риска не должна зависеть от его результата; что лицо, намеренное обратиться к риску, должно заранее информироваться правом об юридической оценке этого намерения, он вместе с тем утверждает, что такие факторы, как причинение вреда или создание опасности, все же играют роль при правовой оценке производственного риска, так как позволяют установить ответственное или безответственное

¹ «Не всякий научно-технический отчет как результат договорных работ представляет собой положительное разрешение заданной проблемы, готовое к промышленному использованию. вполне допустимы «творческие неудачи». Но даже отрицательное решение той или иной научно-технической проблемы все же облегчает дальнейшие поиски и помогает в конечном счете разрешению научно-технических проблем в правильном направлении». Сборник «Правовые вопросы научно-технического прогресса в СССР», стр. 167.

² Иначе считает П. С. Дагель, по мнению которого оправданный риск граничит не с самонадеянностью, а с косвенным умыслом. (См.: П. С. Дагель, Проблемы вины в советском уголовном праве, стр. 116).

отношение лица к решению применить риск и к осуществлению этого решения¹.

Эту оговорку Д. Зейдель направляет против тех случаев производственного риска, при которых расчет на ненаступление вредных последствий основывается на неподкрепленной действительным положением вещей надежде на то, что «ничего не случится». Но надежда такого рода исключает правомерность любого риска, в том числе и такого, который не заканчивается причинением вреда. С другой стороны, если при обращении к производственному риску были должным образом учтены возможные опасности и пути их предупреждения, ответственность за риск исключается и при непредотвращении вреда².

Большинство криминалистов, занимающихся проблемой производственного риска, приходит к обоснованному выводу о том, что оценка поведения, направленного к достижению социально ценного результата, не может всецело зависеть от успеха или неуспеха этого поведения. Кстати, в другой работе, написанной совместно с Э. Бухгольцем, Д. Зейдель справедливо порицает логику некоторых хозяйственных руководителей: «Либо тебе это удастся и ты получишь орден, либо не удастся и ты предстанешь перед кэди!», полагая, что такое рассуждение препятствует хозяйственному развитию³.

В ряду условий правомерного производственного риска должны быть выделены следующие: а) учет общественной ценности цели, для достижения которой предпринимается рискованное действие, б) невозможность (без существенных потерь) достичь этой цели обычными (нерискованными) средствами, в) принятие всех мер предосторожности, г) устранение человека из зоны опасности во всех тех случаях, когда такое устранение является объективно возможным.

Сопоставление характера и степени риска с социальным значением цели рискованного действия — решающее условие для признания за риском значения обстоятельства, исключающего общественную опасность деяния.

¹ См.: Д. Зейдель, Риск в производстве и исследовании, Берлин, Государственное издательство ГДР, 1968, стр. 120 (на немецком языке).

² «Если конкретная исторически определенная практика не подтверждает полностью или частично того или другого закона, это, отнюдь, не свидетельствует о неправильности данного закона вообще», — справедливо отмечает В. П. Тугаринов. (В. П. Тугаринов, Законы объективного мира, их познание и использование, Л., 1955, стр. 169).

³ См.: Э. Бухгольц, Д. Зейдель, Учет хозяйственного риска в уголовном праве ГДР, «Государство и право», 1969, стр. 1356 (на немецком языке).

В условиях социалистического производства возможные издержки производственного риска на **данном** предприятии должны сопоставляться с той экономической выгодой, которую получит народное хозяйство **в целом** от реализации нового.

Так, для быстрой и эффективной разработки нефтяных месторождений применяется так называемое законтурное заводнение — в скважины нагнетается вода, и под ее давлением нефть, которую иными способами поднять на поверхность нельзя, выходит мощным фонтаном. Чем ближе к скважинам проводится заводнение, тем выше эффект, но тем точнее должна проводиться эта операция.

Нефтяники Башкирии пробурили нагнетательные скважины в 4—5 км от нефтяного контура. Но на таком расстоянии вода не оказывала заметного давления на пласт. Пришлось бурить новый ряд ближе. На это потратили десятки миллионов рублей. В Татарии же пошли на риск и дали сильное давление на пласт. Это позволило бурить меньшее количество скважин и дало огромный экономический эффект¹.

В соответствии с ч. 1 § 169 УК ГДР хозяйственный риск и риск развития правомерны только в том случае, когда предпринимается, «чтобы принести значительную хозяйственную пользу или предотвратить значительный хозяйственный ущерб». То же условие выдвигает ч. III ст. 217 УК ПНР, говоря о правомерности риска, предпринятого «с целью принести пользу общественному хозяйству или в целях проведения научно-исследовательской работы либо технических или хозяйственных экспериментов».

Таким образом, **общественная ценность (правомерность) риска определяется его направленностью на достижение важного производственного результата.**

Риск правомерен лишь тогда, когда цель, ради которой он предпринимается, не может быть достигнута обычными, нерискованными средствами. Наличие безопасных путей достижения цели снимает правомерность риска².

В определенных случаях лицо оказывается перед дилеммой: решиться на причинение меньшего вреда или обратиться к риску. В этой связи можно вспомнить историю подъема доменной печи на заводе «Азовсталь», взорванной при отступлении немецкими оккупантами. Ее можно было, ничем не рискуя, разобрать, а затем по-

¹ А. Клименко, В. Шустиков, Осторожность или консерватизм, «Известия» 1961, 28 марта.

² Это учитывают и ученые, работающие в других отраслях советского права. (См., например: А. Ф. Гранин, Вопросы оперативной самостоятельности и инициативы в деятельности учреждений внутренних дел, «Труды Киевской высшей школы МВД СССР», вып. 4, Киев, 1970, стр. 120).

строить заново. Однако колоссальное сооружение было поставлено на место без предварительной разборки. Риск сэкономил стране более миллиона рублей, на несколько месяцев был ускорен пуск печи.

Обязан ли субъект производственного риска избирать способ действия, сопряженный с наименьшей опасностью?

Представляется, что решение здесь должно быть такое же, как при крайней необходимости. В острых ситуациях, характеризующихся быстрым развитием событий, не оставляющих времени для размышлений, правомерен и риск, сопряженный с относительно высокой опасностью¹. В случаях же «спокойного» развития событий предпочтение должно быть отдано минимальному риску².

Принятие всех мер предосторожности — третье условие правомерного производственного риска. Неучет либо недостаточный учет возможных последствий риска и мер, направленных на предотвращение отрицательных последствий такового, лишает риск полезного значения. Иными словами, субъект правомерного риска обязан принимать меры к тому, чтобы создаваемая им опасность локализовывалась определенными границами и существовали реальные шансы на предотвращение вреда.

Согласно § 169 УК ГДР хозяйственный риск и риск развития правомерны лишь в том случае, когда субъект риска, проанализировав «все обстоятельства дела», с сознанием своей ответственности мог «считать наступившие хозяйственные убытки менее вероятными или значительно меньшими, чем предполагаемая польза». Часть III ст. 217 УК ПНР связывает правомерность риска с учетом превышения вероятности полезного исхода над вероятностью возможного вреда.

По этим причинам нельзя согласиться с П. С. Дагелем, полагающим, что оправданный риск граничит с косвенным умыслом. Непринятие мер предосторожности, обусловленное безразличным отношением к наступлению вреда, исключает риск как таковой. «Действия на авось, — писал Д. И. Писарев, — не имеют ничего общего ни с мужеством героя, ни с сознательным риском смелого спекулятора; в них просто выражается неумение и нежелание додумать до конца, неспособность ума к сложным выкладкам и лень мысли, ведущая за собой необходимость оставлять в тумане

¹ См.: В. Г. Вердников, А. Ю. Кабалкин, К проектам ГК и ГПК, «Советское государство и право», 1963, № 1, стр. 103.

² Согласно правилам перевозки взрывчатых материалов в составе поезда, следующего с этими веществами, не должно быть никого, кроме машиниста электровоза, взрывника и рабочих, связанных с перевозкой этих веществ. (См.: В. А. Ассонов, М. М. Докучаев, Буровзрывные работы, М., Стройиздат, 1960, стр. 402).

те следствия, которыми непременно должен закончиться данный поступок»¹.

Более правильно решает тот же вопрос А. И. Свинкин, полагая, что производственный риск оправдан, «когда конструктор, изобретатель, допуская абстрактную возможность причинения вреда участникам трудового процесса, проектирует новую машину, сооружение разумной устойчивости и прочности, иногда пренебрегая явлениями случайного, нетипичного характера»². Но, как уже отмечалось, лицо предвидит в соответствующих случаях не абстрактную, а конкретную возможность вредных последствий.

Риск, даже в неправомерных формах, предполагает принятие реальных мер по предотвращению вреда. Отсутствие таких мер превращает риск в намеренное причинение ущерба.

Для поршневого самолета чрезвычайно опасно обледенение карбюратора. Когда иные способы борьбы с этим явлением оказываются безрезультатными, летчику в качестве «последнего средства» рекомендуют направить выхлопные газы от работающего мотора в карбюратор, что может сбить лед, но может вызвать и пожар³. Тем не менее, когда альтернативой является остановка мотора, данное действие становится благом.

По мнению А. И. Свинкина, производственный риск оправдан в следующих двух случаях: а) когда его возможность прямо предусмотрена соответствующими правилами, б) при обращении к нему с целью предотвращения неотвратимого иными средствами более существенного вреда⁴.

Но такое суждение снимает грань между производственным риском и крайней необходимостью. На долю риска в собственном смысле этого слова остаются случаи, при которых лицу не удалось предотвратить больший вред ценою причинения меньшего вреда. Но как быть тогда, когда для предотвращения определенного вреда рискуют не меньшими, а большими благами — летчик не катапультируется из аварийного самолета, имея в виду посадить его на аэродром, и не разрешает катапультироваться бортинженеру; саперы производят разминирование склада боеприпасов без предварительной эвакуации имущества, которое может пострадать при взрыве, и т. д.?

¹ Д. И. Писарев, Избранные философские произведения, М., Госполитиздат, 1949, стр. 227.

² А. И. Свинкин, Преступные нарушения правил охраны труда и их предупреждение, стр. 6.

³ См.: Х. Хайсор, Самолет в опасности, М., Изд-во иностранной литературы, 1958, стр. 115.

⁴ См.: А. И. Свинкин, Преступные нарушения правил охраны труда и их предупреждение, стр. 6.

В этих и подобных случаях правомерность риска определяется его направленностью на предотвращение более вероятного и, следовательно, более опасного вреда.

Условием правомерного производственного риска является ограничение возможного вреда материальными потерями, когда такое ограничение возможно без срыва особо важных производственных процессов.

Ряд юристов социалистических стран оспаривает правомерность такого риска. «Никакие экономические соображения, — указывает, например, К. Н. Спекхард, — не могут сделать правомерным создание общей опасности, поставление в опасность жизни и здоровья человека»¹. Так же решал эту проблему польский криминалист И. Савицкий. На этой же точке зрения стоял и автор настоящей работы².

Более глубокое изучение практики и производственно-нормативного материала показало ошибочность такого суждения.

По мнению Л. Френцеля, выведение подобного риска за пределы легального сделало бы невозможным хозяйственное развитие и проведение научно-исследовательских работ. Без него мы не имели бы сегодня ни паровой машины, ни электромоторов, ни самолетов, ни рентгеновских лучей, ни дифтерийной сыворотки и не могли бы думать об атомных исследованиях и о полезном использовании атомной энергии³. О том же говорят Д. Зейдель, А. Габерле и многие другие криминалисты ГДР и ПНР. В советской литературе мы также встречаемся с признанием правомерности соответствующих видов риска (П. С. Дагель, А. И. Свинкин, М. Д. Шаргородский, Н. П. Яблоков).

Общепризнано, что осуществление акта необходимой обороны, даже сопряженного с известным риском, является обязанностью определенных лиц. Таким же признанием пользуется положение о том, что лицо, обязанное подвергнуться опасности, не вправе уходить от таковой по мотивам крайней необходимости. В этом плане оспаривать правомерность производственного риска, сопряженного с опасностью для жизни и здоровья человека, безотносительно к важности задач, решаемых данным риском, и нелогично, и ошибочно по существу. Действие, связанное с личной опасностью и направленное на достижение важного народно-хозяйственного

¹ К. Н. Спекхард, Проблема уголовной ответственности за хозяйственные преступления, «Государство и право», 1966, № 12, стр. 1978 (на немецком языке).

² См.: М. С. Гринберг, Момент оправданного риска в производственном процессе и его уголовноправовое значение, «Советское государство и право», 1954, № 1, стр. 106.

³ См.: Л. Френцель, Уголовная охрана жизни и здоровья трудящихся во время производственного процесса в ГДР, Вабельсберг, 1958, стр. 189 (на немецком языке).

результата, является не менее полезным, чем такое же действие, направленное на отражение преступного посягательства.

Заслуживает внимания вопрос о дозволенности риска как об одном из условий его правомерного применения. По мнению А. И. Свинкина, производственный риск является оправданным тогда, когда возможность его прямо предусмотрена в нормах по технике безопасности¹. Той же точки зрения придерживается Н. П. Яблоков.

Такое решение вопроса вызывает возражения. Действие в пределах технических правил, как отмечалось выше, хотя бы и завершившееся причинением вреда, не входит в сферу неправомерного. Это так называемая общая опасность, а точнее, риск из использования техники, взятый, так сказать, как таковой. Соответственно, если лицо причиняет вред, действуя в рамках технических правил, оно ссылается на эти правила. Так, бригадир, предложивший рабочему произвести ремонт токоведущих частей агрегата без снятия напряжения, не будет нести ответственности ни за само поставление рабочего в опасные условия труда, ни за последовавший при этом ущерб, если инструкция, которой он должен был руководствоваться, предусматривала именно такой ремонт. «Нет необходимости доказывать допустимость риска, — пишет А. Габерле, — если деяние не вышло за пределы дозволенного... Риск должен расширять рамки дозволенной деятельности, а не находиться в пределах ее»².

Правомерный риск — суть действие, выходящее за рамки формально-определенных правил. Обращение к таковому — свидетельство неизбежных пробелов последних. В этой связи в основу суждения об общественной полезности и допустимости риска должен быть положен оценочный критерий.

Важно отметить и то обстоятельство, что использование в качестве критерия правомерного риска признака соблюдения технических правил не решает соответствующий вопрос по существу, а лишь переносит вопрос об ответственности за риск с лица, непосредственно предпринявшего риск, на лицо, предписавшее (разрешившее) таковой.

Закон о правомерном риске должен быть помещен в главу «О преступлении» Общей части УК союзных республик и следовать сразу за статьями о необходимой обороне и крайней необходимости.

¹ См.: А. И. Свинкин, Преступные нарушения правил охраны труда и их предупреждение, стр. 6.

² А. Габерле, Допустимый риск, «Новое право», 1965, № 12, стр. 1402 (на польском языке).

При определении признаков правомерного производственного риска, как и при установлении условий правомерности необходимой обороны и крайней необходимости, как свидетельствует законодательная практика ГДР и ПНР, нельзя избежать оценочных критериев.

Текст предлагаемого закона мог бы выглядеть следующим образом: **Не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного Особенной частью Уголовного кодекса, но совершенное в процессе правомерного производственного риска, т. е. для достижения социально ценного производственного результата путем учинения опасного действия либо для предотвращения вреда путем учинения такого же действия, если создаваемая опасность соответствовала общественной ценности возможного результата.**

§ 3. ИСПОЛНЕНИЕ ПРИКАЗА. ДЕЙСТВИЯ ПОТЕРПЕВШИХ И ТРЕТЬИХ ЛИЦ, НАРУШАЮЩИЕ ПРАВИЛА ПО ТЕХНИКЕ БЕЗОПАСНОСТИ

1. Вопрос об уголовноправовом значении исполнения неправомерного служебного приказа в советском уголовном законодательстве не урегулирован. Не решен он и в науке советского уголовного права.

Противоречиво решал этот вопрос А. Н. Трайнин. Полагая, что значение приказа как обстоятельства, исключающего уголовную ответственность, не может вызвать сомнения, он в то же время отмечал, что исполнение незаконного приказа «ни в какой связи с обстоятельствами, исключающими уголовную ответственность, не находится: здесь уголовная ответственность не «исключается», вопрос о ней вовсе и не ставится и ставиться не может, здесь уместнее было бы говорить о надлежащем исполнении долга».

Там же, где речь идет об исполнении явно преступного приказа, вопрос о приказе как обстоятельстве, исключающем уголовную ответственность, также не возникает и возникать не может, но только по противоположным основаниям: здесь уголовная ответственность **не исключается**, а напротив, **наступает** и для начальника, отдавшего преступный приказ, и для подчиненного, его исполнившего¹.

Однако мнение о том, что вопрос об уголовной ответственности за исполнение приказа «не ставится и ставиться не может», опро-

вергается судебной практикой, которой приходится встречаться с этим вопросом и определенным образом его решать. Так, по делу М. и Д. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР указала, что «обвиняемый не может отвечать за служебные действия, совершенные вследствие законного распоряжения вышестоящего должностного лица, которому обвиняемый подчинен по службе»¹. По другому делу та же коллегия указала: «Подчиненный, выполнивший законное распоряжение своего начальника, не может отвечать за наступившие последствия, предвидеть которые был обязан не он, а лицо, отдавшее распоряжение»².

И. И. Слуцкий справедливо обращал внимание на то, что проблема ответственности за исполнение приказа не исчерпывается случаями исполнения законного и явно преступного приказа. Для уголовного права представляют интерес а) выполнение приказа подчиненным, не осведомленным о преступном характере такового, б) выполнение заведомо преступного приказа, в) выполнение преступного приказа лицом, сомневающимся в его правомерности³.

Реальность ситуации, при которой подчиненный выполняет приказ, не зная об его преступном содержании, определяется тем, что лица, входящие в персонал сколько-нибудь сложного социального установления, неизбежно отличаются друг от друга по количеству и качеству информации, которой они оперируют при выполнении своих функций⁴. Чем выше положение лица в служебной (производственной) иерархии, чем более широкий и общий характер носит доступная ему информация, тем меньше оно ориентируется в деталях вопроса; и наоборот, чем ниже положение лица в той же иерархии, тем меньше ориентируется оно в вопросах общего плана и тем увереннее разбирается в деталях проблемы.

В плане настоящей работы имеет значение особая разновидность незаконного приказа — технически неграмотный приказ. При этом возможны следующие ситуации: 1) начальник отдает приказ на уровне информации, которой подчиненный не располагает и располагать не должен; 2) тот же приказ отдается на уровне информации, относящейся к компетенции подчиненного, кото-

¹ Судебная практика Верховного Суда СССР, 1945, вып. VI/XXII, стр. 20.

² Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР (1938 г. и первое полугодие 1939 г.), стр. 104. См. также: Сборник Постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР (второе полугодие 1939 г.), М., Юриздат, 1941, стр. 90.

³ См.: И. И. Слуцкий, Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, стр. 8.

⁴ См.: Л. Куффиньяль, Кибернетика — наука управления, сборник «Наука и человечество», М., изд-во «Знание», 1963, стр. 496.

¹ А. Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления, стр. 336.

рый он (подчиненный) выполняет в силу своей безответственности или технической неграмотности. Естественно, что в первом случае лицо не подлежит уголовной ответственности за выполнение незаконного приказа, а во втором — несет такую ответственность.

Сомнение в правомерности (технической состоятельности) приказа, отданного в условиях, позволяющих устранить это сомнение, обязывает подчиненного воздержаться от выполнения приказа. Отсутствие таких условий обязывает выполнить приказ. В последнем случае речь может идти о состоянии крайней необходимости, а равно о невозможности дать правильную оценку полученному приказу¹.

И. И. Слуцкий и М. Д. Шаргородский относят исполнение приказа к обстоятельствам, исключающим общественную опасность деяния;² А. А. Пионтковский — к обстоятельствам, устраняющим противоправность деяния;³ П. С. Дагель — к обстоятельствам, устраняющим виновность⁴. По мнению А. И. Санталова, выполнение приказа должно частично рассматриваться в разделе об объективной стороне преступления, частично — в разделе о субъективной стороне преступления, в разделе о соучастии и лишь в малой степени — в разделе об обстоятельствах, исключающих общественную опасность деяния⁵.

Отсутствие вины в действиях лица, не знавшего и не имевшего возможности знать о действительном значении отданного в надлежащей форме приказа, очевидно. В этом плане исполнение приказа не отличается от акта необходимой обороны, акта крайней необходимости.

2. Не получил единого решения и вопрос об уголовноправовом значении неосторожности (вины) либо ненадлежащего поведения потерпевшего. Нет единства даже при постановке такового. И. И. Слуцкий говорил о неосторожности потерпевшего⁶. П. С. Дагель употребляет понятие «вина потерпевшего»⁷. В. Минская —

¹ См.: П. С. Дагель, Обстоятельства, исключающие виновность субъекта и влияющие на форму вины, «Советская юстиция», 1973, № 3, стр. 16.

² См.: И. И. Слуцкий, Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, стр. 7—9; М. Д. Шаргородский, Вопросы Общей части уголовного права, стр. 106.

³ См.: Курс советского уголовного права, т. 2, стр. 397.

⁴ См.: П. С. Дагель, Проблемы вины в советском уголовном праве, стр. 179.

⁵ См.: Курс советского уголовного права. Часть Общая, т. 1, стр. 528.

⁶ См.: И. И. Слуцкий, Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, стр. 15—17.

⁷ См.: П. С. Дагель, «Вина потерпевшего» в уголовном праве, «Советская юстиция», 1967, № 6, стр. 10; Его же, Проблемы вины в советском уголовном праве, стр. 183.

«отрицательное поведение потерпевшего»¹, И. Г. Филановский — «поведение потерпевшего и третьих лиц»². Различным образом трактуется и понятие вины потерпевшего³.

Знаменателен сам интерес к данному вопросу — следствие учета большого и непрерывно возрастающего влияния поведения лиц, не входящих в состав социотехнического установления, на безопасную работу такового.

Реальность ситуаций, в которых ответственность за разрушительное действие техники должна возлагаться на потерпевших или на третьих лиц, очевидна. Столь же очевидна несущественность статуса потерпевшего или третьего лица для решения вопроса о правомерности или неправомерности поведения лиц, управляющих техникой. Не имеют значения и наличие в действиях потерпевшего или третьего лица вины, а также степень этой вины — незначительное нарушение норм безопасности может существенно осложнить производственную (дорожную) обстановку⁴, в то же время серьезное нарушение такой обстановки может вообще не завершиться причинением вреда.

Таким образом, уголовноправовое значение указанных осложнений определяется не внутренним их механизмом (виной и видом вины), не статусом лица, вызвавшего эти осложнения, а обязанно-

¹ См.: В. Минская, Ответственность потерпевшего за поведение, способствовавшее совершению преступления, «Советская юстиция», 1969, № 14, стр. 15.

² См.: И. Г. Филановский, Влияние поведения потерпевшего на ответственность субъекта преступления, «Советская юстиция», 1972, № 11, стр. 13—14.

³ См.: П. С. Дагель, «Вина потерпевшего» в уголовном праве, стр. 10. См. также: Н. Кузнецова, Уголовное значение вины потерпевшего, «Советская юстиция», 1967, № 17, стр. 16.

⁴ Водитель следовавшего по автострате Штутгарт-Карлсруэ автомобиля решил остановиться. Но вместо того, чтобы выехать на обочину дороги, он пересек полосу движения и затормозил у края разделительного газона. Водитель идущей за ним машины растерялся. Машина ударила об охранный брус, рикошетом вылетела на проезжую часть дороги и снова ударила о брус. Находившийся в ней пассажир был убит. Следом за второй шли еще четыре машины. Все они резко затормозили. Но водителем шестого автомобиля не удалось остановиться. Шестой автомобиль врезался в пятый и от удара отлетел назад. Его водитель и пассажир были убиты. Водитель седьмой автомашины, увидев катастрофу, сбросил скорость и стал медленно приближаться к месту аварии. Но за ним двигался автобус, который уже нельзя было остановить. Он ударил седьмой автомобиль и отбросил его далеко вперед. Все пять пассажиров седьмой машины получили тяжелые ранения. Потерявший управление автобус пробил перила путепровода и с десятиметровой высоты упал на железнодорожный путь. Были убиты семь человек. Многие другие пассажиры были тяжело ранены. (См.: «Неделя», 1963, № 39, стр. 22).

стью оператора технической системы или иного лица, обеспечивающего контроль за действием технической системы, предвидеть и предотвращать такие осложнения.

Дезорганизирующее воздействие посторонних лиц на безопасное функционирование техники есть, собственно, разновидность случайностей, неблагоприятно влияющих на работу последних. Исключению таких случайностей служит основная часть технических норм. Так, существуют правила, специально предназначенные для исключения вреда от действий рассеянного и даже... не очень умного рабочего. Некоторые приспособления, узлы, агрегаты конструируются так, что даже грубо неосторожное обращение с ними не может повлечь за собой травму или смерть работника или третьего лица. Например, часть корпуса электрической мясорубки, по которой подается мясо, отливается столь длинной и узкой, что рабочий даже при желании не может засунуть туда руку. На некоторых станках с двуручным управлением электрическая цепь замыкается в двух местах, и рабочему, чтобы привести станок в движение, надо двумя руками нажать на две удаленные друг от друга кнопки. В результате в момент движения режущего, например, устройства руки уходят из опасной зоны. Существует ряд других приспособлений, предназначенных для предотвращения опасных случайностей от неосторожности «кандидата в потерпевшие» (техника безопасности «в статике»). Целям предотвращения вреда от тех же случайностей служат и определенные действия (техника безопасности «в динамике»). Например, подезжая к трамвайной остановке, водитель автомашины обязан остановить машину и пропустить всех следующих к трамваю и от него. Цель — исключение несчастного случая от неосторожности пешехода. Естественно, что нарушение такого правила влечет «полную» ответственность водителя, и неосторожность потерпевшего (третьих лиц) не может рассматриваться ни в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность, ни в качестве обстоятельства, устраняющего ее. Таким же образом решается вопрос и при обсуждении ответственности за нарушение правил охраны труда.

Иными словами, невыполнение либо ненадлежащее выполнение правил, специально рассчитанного на предотвращение вредного последствия от ненадлежащего поведения потерпевшего или третьих лиц, исключает возможность рассматривать такое поведение в качестве обстоятельства, исключающего либо смягчающего ответственность причинителя вреда.

Вместе с тем некоторые формы ненадлежащего поведения потерпевших и третьих лиц не учитываются техническими правилами

ми из-за невозможности считаться с ними в формах, совместимых с нормальной работой социотехнических установлений, — пешеход перебегает дорогу в непосредственной близости от транспорта; рабочий на станке с двуручным управлением фиксирует щепкой включенное положение одной кнопки, а освободившейся рукой манипулирует в опасной зоне; верхолаз снимает предохранительный пояс и т. д. В описанных случаях ненадлежащее поведение потерпевшего и третьих лиц является обстоятельством, исключающим уголовную ответственность операторов технических систем и лиц, осуществляющих контроль за безопасным применением техники.

§ 4. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, СМЯГЧАЮЩИЕ И ОТЯГЧАЮЩИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

1. Из девяти предусмотренных законом обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность за совершение преступления (ст. 38 УК РСФСР), значение применительно к исследуемой теме имеют три: а) совершение преступления в силу служебной зависимости (п. 3), б) совершение преступления впервые (п. 4), в) чистосердечное раскаяние или явка с повинной (п. 9), а из двенадцати обстоятельств, отягчающих ответственность (ст. 39 УК РСФСР), — четыре: а) повторное совершение преступления (п. 1), б) совершение преступления из корыстных или иных низменных побуждений (п. 3), в) причинение преступлением тяжких последствий (п. 4) и г) совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения (п. 10).

Хотя перечень, предусмотренный ст. 38 УК, примерный, нельзя не отметить чрезмерную узость соответствующих обстоятельств. Эта узость станет еще более очевидной, если принять во внимание широту санкций, содержащихся в нормах об исследуемых преступлениях — по ч. I ст. 85 и ч. III ст. 214 наказание может быть назначено в виде лишения свободы на срок от трех до пятнадцати лет, по ч. II ст. 216 и ч. II ст. 217 — от трех месяцев до семи лет, по ч. II ст. 213-1 — от трех месяцев до восьми лет, по ч. II ст. 211 — от трех месяцев до десяти лет и т. д.

Если к тому же принять во внимание, что тяжесть последствий учитывается при квалификации соответствующих преступлений, а раскаяние или явка с повинной по такого рода делам большого значения не имеют, то надо признать крайнюю неразвитость обстоятельств, которыми должен руководствоваться суд при индивидуализации наказаний по делам о преступлениях в области техники.

Вместе с тем существует много факторов, влияющих на степень общественной опасности последних.

Как верно считает Б. А. Куринов, «наука советского уголовного права должна выяснить, какие именно смягчающие и отягчающие обстоятельства наиболее характерны для каждой категории преступлений. Это поможет законодателю в конструировании соответствующих уголовноправовых норм, а также будет способствовать правильному разрешению уголовных дел, более тщательной индивидуализации наказания, поможет устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений»¹.

Х конгресс Международной ассоциации уголовного права закрепил по предложению советских юристов в своих решениях положение, согласно которому перечень обстоятельств, учитываемых при индивидуализации наказания, должен быть указан в законе².

2. К факторам, снижающим общественную опасность преступлений в области техники, наряду с предусмотренными ст. 38 УК РСФСР, следует отнести: а) поведение потерпевших и третьих лиц, дезорганизирующее безопасную работу социотехнических установлений, б) малый производственный опыт (стаж) причинители вреда и в) эксцесс правомерного производственного риска, а к факторам, повышающим общественную опасность этих преступлений, — а) заведомое нарушение правил по технике безопасности, б) повторное нарушение тех же правил и в) нарушение правил безопасности при проведении особо ответственных производственных процессов.

3. Действия потерпевших и третьих лиц могут, как уже отмечалось, выступать в качестве обстоятельства, смягчающего уголовную ответственность операторов технических систем, при одном из следующих условий: а) если в ряду причин вредного последствия, помимо указанных действий, определенное место занимали упущения операторов технических систем; б) если нарушенные правила не были специально рассчитаны на предотвращение вреда от неосторожного поведения потерпевших и третьих лиц.

Приговором Сызранского районного народного суда Р. был осужден по ч. II ст. 211 УК РСФСР к пяти годам лишения свободы с лишением права управлять транспортными средствами в течение трех лет.

При ограниченной видимости Р. вел автомашину «Волга» со скоростью 45—50 км/час. При объезде с левой стороны трех пешеходов, двигавшихся по правой проезжей части шоссе, Р. перед-

ней частью машины сбил С., который ударился головой об асфальт и от полученных повреждений скончался.

Обратив внимание на то, что потерпевший С. и его родственники шли по правой стороне шоссе в направлении движения автомашины Р., причем С. — по проезжей части шоссе на расстоянии 1,5 м от кромки асфальта, чем нарушил п. 7 Правил движения по улицам городов, населенных пунктов и дорогам СССР, согласно которому пешеходам разрешается ходить по левому краю дороги, что из-за тумана условия видимости в то время были затруднены, Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР, рассматривавшая дело в порядке надзора, отметила, что «указанные конкретные обстоятельства происшедшего, смягчающие ответственность осужденного, необоснованно были отвергнуты кассационной инстанцией и без достаточных к тому оснований не были учтены президиумом областного суда»¹.

4. Малоопытность оператора технической системы. Нормально функционирующая система «человек—машина» — следствие сочетания свойств личности, осуществляющей управление машиной или обслуживающей таковую, и требований, предъявляемых к данным свойствам соответствующей машиной (технологическим процессом). Такое сочетание, оставляя в стороне вопросы профотбора, возникает в результате обучения операторов технических систем.

Известно, что обучение специалиста завершается в момент вручения ему диплома, аттестата, свидетельства об окончании вуза, техникума, школы фабрично-заводского обучения и т. д. При этом учитывается, что специалисту не только сообщаются определенные знания, но и дается некоторое умение — система приемов, посредством которых он может успешно осуществлять порученную деятельность².

Но умение без практического опыта, без профессиональных навыков, предполагающих высокую меру освоения совершаемых действий³, или, что то же, без профессиональной адаптации⁴, не гарантирует от ошибок. Такую гарантию дает лишь известный и порой

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1973, № 2, стр. 9.

² См.: П. И. Иванов, Общая психология, Ташкент, изд-во «Учит-учки», 1967, стр. 397.

³ См.: Педагогическая энциклопедия, т. 4, М., изд-во «Советская энциклопедия», 1966, стр. 14.

⁴ Полная профессиональная адаптация молодого специалиста заканчивается к тому моменту, когда производительность и качество его работы достигают некоторого известного и вполне определенного уровня. (См.: С. А. Тихомиров, Время профессиональной адаптации как критерий эффективности подготовки и использования научно-технических кадров, Сборник «Наука и техника» (Вопросы истории и теории), вып. 7, ч. 1, М., 1972, стр. 40).

¹ Б. А. Куринов, Индивидуализация наказания за транспортные преступления, «Советское государство и право», 1966, № 12, стр. 84.

² См.: И. И. Карпец, Наказание. Социальные, правовые и криминально-логические проблемы, М., изд-во «Юридическая литература», 1972, стр. 56.

весьма значительный опыт. Получить же этот опыт можно лишь путем практической деятельности. Из этого очевидного противоречия возможен только один выход — приобретение нужного опыта в процессе самой деятельности¹. На неизбежность проявления недостаточной подготовленности при первых шагах на новой работе неоднократно указывал В. И. Ленин².

Временное, но неизбежное отсутствие опыта снижает уровень профессиональной деятельности, обуславливает известную вероятность ошибок при ее выполнении. Так, наибольшее число ошибок при маневрировании морским судном совершают капитаны со стажем работы менее одного года³; малоопытные водители автотранспорта реагируют на возникающие препятствия гораздо медленнее опытных водителей⁴ и т. д.

В этой связи малоопытность оператора технической системы не может не рассматриваться в качестве обстоятельства, смягчающего его уголовную ответственность за допущенные ошибки и за последствия таких ошибок⁵.

5. Переутомление работника, вызванное ненормальными условиями работы, И. И. Слуцкий относил к обстоятельствам, которые могут исключать ответственность за нарушение служебных обязанностей⁶. Аргументируя свою позицию, он ссылаясь на два определения Судебной коллегии Верховного Суда СССР, признавшей необоснованным осуждение работников за нарушения правил по технике безопасности, допущенные в связи с нахождением на работе сверх установленного времени.

Представляется, что обсуждению подлежит не состояние переутомления само по себе, а причина такого переутомления. Значение обстоятельства, смягчающего или исключającego уголовную ответ-

¹ «Оперировать твердо и уверенно, — писал В. В. Вересаев, — может только тот, кто имеет навык, а как получить этот навык, если предварительно не оперировать, — хотя бы рукой нетвердой и неуверенно?» (В. В. Вересаев, Собр. соч., т. 1, М., изд-во «Правда», 1961, стр. 295—296).

² См., например: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 114.

³ См.: «Безопасность мореплавания», 1966, № 9, стр. 4; «Безопасность мореплавания», 1969, № 7, стр. 3.

⁴ См., например: И. Г. Маландин, Происшествия и правонарушения на автотранспорте и городском электротранспорте в СССР, стр. 50.

⁵ Судебная практика относит малоопытность работника к обстоятельствам, смягчающим ответственность виновного. Так, в одном из определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР сослалась на малоопытность командира корабля как на одно из обстоятельств, обосновывающих применение к нему наказания, не связанного с лишением свободы. (См.: В. А. Куриннов, Индивидуализация наказания за транспортные преступления, стр. 82).

⁶ См.: И. И. Слуцкий, Обстоятельства, исключające уголовную ответственность, стр. 14.

ственность, может иметь лишь переутомление, обусловленное неправомерными действиями администрации предприятия (учреждения). Если переутомление обусловлено ненадлежащим поведением виновного лица (нарушение установленного режима отдыха), то оно выходит и за пределы обстоятельств, исключających уголовную ответственность, и за пределы обстоятельств, смягчающих таковую.

Нормы о рабочем времени на транспортном, промышленном предприятии — суть нормы по технике безопасности, значение которых не менее велико, чем значение всех остальных норм безопасности. В этом плане они в равной мере обязательны и для администрации, и для работников предприятия. Соответственно нарушение этих норм работником по распоряжению администрации есть не что иное, как выполнение заведомо незаконного приказа. То же нарушение по инициативе самого работника может рассматриваться в качестве смягчающего обстоятельства лишь при наличии положительного социального мотива (производственный риск, крайняя необходимость и т. д.). Таким образом, самостоятельного уголовноправового значения состояние переутомления не имеет.

6. Выше отмечалось, что риску как обстоятельству, определяющему социальную ценность деяния, противопоставит общественно опасная форма такового — преступная самонадеянность. Логично предположить, что между общественно опасными и общественно ценными видами риска пролегают такие формы риска, которые, не делая риск общественно полезным, снижают его общественную опасность, образуя переходы, переливы первого во второе. Речь может идти об обращении к риску при возможности достичь общественно ценного результата обычными, нерискованными средствами; о просчетах, связанных с сопоставлением цели риска и размеров допускаемой опасности; о непринятии всех мер предосторожности.

7. Экссессу правомерного производственного риска как обстоятельству, смягчающему ответственность, противопоставит заведомое нарушение правил безопасности как обстоятельство, отягчающее уголовную ответственность. Речь идет о риске, при котором отсутствуют все или большая часть условий его правомерного применения.

8. Интересы общественной безопасности требуют особо острого уголовноправового реагирования на случаи повторного нарушения правил по технике безопасности, безотносительно к тому, применялось ли за первое нарушение уголовное наказание, меры дисциплинарного или административного взыскания либо общественное воздействие. В каждом из этих случаев проявляется устойчивая и

опасная антиобщественная установка¹, выражающаяся либо в предрасположенности к неоправданному риску, либо в недостаточной внимательности.

Соответственно повторное нарушение правил по технике безопасности должно определять повышенную ответственность оператора технической системы независимо от привлечения его к уголовной ответственности за первое нарушение.

9. Нарушение правил безопасности при выполнении особо ответственных технологических процессов влечет обычно особо тяжкие последствия либо создает возможность таковых. Поскольку тяжесть последствий учитывается при квалификации исследуемых преступлений, можно полагать, что в нормах об этих преступлениях получает определенный учет и характер нарушаемых правил. Однако широта санкций указанных норм обязывает суд принимать во внимание при определении наказания и характер (значение) нарушенных правил. Проявление недисциплинированности при управлении воздушным или морским судном, атомным реактором, при манипулировании радиоактивными веществами и т. п. должно рассматриваться в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность виновного.

¹ Следует согласиться с В. А. Серебряковой, по мнению которой «антиобщественная установка» (в самом широком смысле этого слова, как антиобщественные взгляды, привычки) присуща и лицам, совершающим неосторожные преступления. (См.: В. А. Серебрякова, Изучение причин неосторожных преступлений против личности. «Советское государство и право», 1967, № 7, стр. 77).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенный материал свидетельствует о реальности и важности общих проблем уголовноправовой борьбы с преступлениями в области техники.

Лишь на базе изучения этих проблем может быть достигнуто «устойчивое» и «спокойное» разграничение разрушительного действия технических систем, обусловленного относительной надежностью техники, и такого же действия, имеющего своим основанием недисциплинированность технического персонала и прочих лиц, взаимодействующих с техникой; использование в качестве «модели» должного поведения операторов технических систем конкретных правил безопасности и, следовательно, вытеснение оценочного критерия должного поведения этих лиц критерием формально-определенным; снятие на этой основе противоречия между должным и возможным предвиденным операторов технических систем; учет того обстоятельства, что повышенная ответственность последних определяется отнесением к предположению наказания причинения или создания возможности причинения вреда в результате неполной или ошибочной ориентации в сложном переплетении природных, технических и социальных факторов; выделение в этой связи в качестве самостоятельных составов малозначительных нарушений правил техники безопасности, повлекших тяжкие последствия в результате стечения многих неблагоприятных обстоятельств; выделение в качестве специального состава посягательства на установленный порядок комплектования социотехнических установлений надежным (профпригодным) персоналом; конструирование общего состава незаконного обращения к управлению техническими средствами; развитие обстоятельств, исключающих общественную опасность деяний, учиняемых в сфере применения и использования техники, а равно обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность за их учинение; выделение норм о преступлениях в области техники в отдельную главу Особенной части УК; криминологическое исследование данных преступлений.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	5
ГЛАВА I	
ОБЪЕКТ И ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНИКИ	12
§ 1. Научно-технический прогресс и преступления в области использования техники	12
§ 2. Общественные отношения, нарушаемые преступлениями в области использования техники	16
§ 3. Краткая характеристика истории и действующего законодательства о преступлениях в области использования техники	43
§ 4. Система и понятие преступлений в области использования техники	51
ГЛАВА II	
«МЕХАНИЗМ» ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА БЕЗОПАСНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНИКИ	57
§ 1. Последствия преступлений в области использования техники	57
§ 2. Преступные посягательства на структурные элементы общественной безопасности	62
§ 3. Преступления в области использования техники и проблема причинной связи	69
§ 4. Объективная сторона отдельных преступлений в области использования техники	77

ГЛАВА III

ВОПРОСЫ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНИКИ, НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ФОРМАЛИЗАЦИЯ ПРЕДЕЛОВ ДОЛЖНОГО ПРЕДВИДЕНИЯ ОПЕРАТОРОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СИСТЕМ	87
§ 1. Понятие и виновные формы психической деятельности	88
§ 2. Научно-технический прогресс и формализация пределов должного предвидения операторов технических систем	118

ГЛАВА IV

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, УСТРАНЯЮЩИЕ ОБЩЕСТВЕННУЮ ОПАСНОСТЬ ДЕЯНИЙ, И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ВЛИЯЮЩИЕ НА СТЕПЕНЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ	138
§ 1. Крайняя необходимость	139
§ 2. Правомерный производственный риск	143
§ 3. Исполнение приказа. Действия потерпевших и третьих лиц, нарушающие правила по технике безопасности	162
§ 4. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность	167
Заключение	173

Михаил Семенович Гринберг
СОВЕТСКОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО

ЧАСТЬ ОСОБЕННАЯ

Учебное пособие

Редактор И. Ф. Агаррова
Технический редактор А. В. Курленко

НС 18042. Сдано в набор 30/XII 1973 г. Подписано к печати 13/II 1974 г. Формат 60 × 90^{1/16}. Объем 11 п. л. Уч-изд. л. 11,18. Тираж 1000. Цена 1 руб. Заказ № 3193.

Свердловский юридический институт,
г. Свердловск, ул. Комсомольская, 21.
г. Новосибирск, типография «Советский воин».